

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ANNA ZAIRES

MOLOTOV
OBSESSION
BOOK ONE

Devil's

HAIR

Резюме издателя

Требуется воспитатель с проживанием для четырехлетнего ребенка. Должен быть готов переехать в отдаленное горное поместье. 3 тысячи долларов в неделю наличными.

Когда я убегаю от безжалостных убийц, у меня остается 10 баксов в кошельке и полбака бензина в моей старой машине, когда я замечаю рекламу. Работа звучит как ответ на мои молитвы, но есть одна загвоздка.

Отец ребенка — самый красивый и самый опасный мужчина, которого я когда-либо встречала.

Мрачно-соблазнительный и непристойно богатый, Николай Молотов — дразнящая тайна, убийственно соблазнительное противоречие. Ушибленные суставы пальцев и сшитые на заказ костюмы, нежные ласки и грязные обещания — мой новый работодатель притягивает меня, как магнит, даже когда мои инстинкты требуют, чтобы я бежал.

Я должен был прислушаться к ним. Потому что не только у меня есть секреты.

Мое безопасное убежище может быть логовом дьявола, и как только он заберет меня, будет слишком поздно бежать.

Анна Зайрес

Логово дьявола

Одержимость Молотовым: Книга 1

1

Хлоя

Автомобиль дает ответный удар, и витрина магазина слева от меня взрывается, разбрасывая осколки стекла в большом радиусе.

Я замираю, настолько ошеломленный, что едва чувствую, как стекло впивается в мою голую руку. Затем до меня доходят крики.

— Произведены выстрелы! Звоните 911, — кричит кто-то на улице, и адреналин наполняет мои вены, пока мой мозг связывает звук со взрывом стекла.

Кто-то стреляет.

В меня.

Они нашли меня.

Мои ноги реагируют раньше остальных, толкая меня в прыжок как раз в тот момент, когда снова резкий *хлопок!* достигает моих ушей, и касса внутри магазина разлетается на осколки.

Тот самый регистр, который я заблокировала своим телом секунду назад.

Я чувствую ужас. Он медный, как кровь. Может быть, это *кровь*. Может быть, меня подстрелили, и я умираю. Но нет, я бегу. Мое сердцебиение ревет в ушах, легкие работают изо всех сил, пока я бегу по кварталу. Я чувствую жжение в ногах, значит, я жива.

На данный момент.

Потому что они нашли меня. Опять таки.

Я делаю крутой поворот направо, бегу по узкому переулку, и через плечо я мельком вижу двух мужчин в полуквартале позади меня, которые бегут за мной на полной скорости.

Мои легкие уже требуют воздуха, ноги вот-вот подведут, но я отчаянно ускоряюсь и бросаюсь в переулок прежде, чем они завернут за угол. Пятифутовый сетчатый забор разрезает переулок пополам, но я взбираюсь и перелезаю через него за считанные секунды, адреналин придает мне ловкость и силу спортсмена.

Задняя часть переулка переходит в другую улицу, и из моего горла вырывается вскрик облегчения, когда я понимаю, что это та самая улица, где я припарковал свою машину перед интервью.

Беги, Хлоя. Ты можешь это сделать.

Отчаянно втягивая воздух, я несусь по улице, выискивая на обочине потрепанную Toyota Corolla.

Где это находится?

Где я оставила чертову машину?

Это было позади синего пикапа или белого?

Пожалуйста, пусть это будет там. Пожалуйста, пусть это будет там.

Наконец я замечаю его, полускрытый за белым фургоном. Пошарив в кармане, я извлекаю ключи и яростно трясущимися руками нажимаю кнопку, чтобы отпереть машину.

Я уже внутри и вставляю ключ в зажигание, когда вижу, что мои преследователи

выходят из переулка в квартале позади меня, каждый с пистолетом в руке.

Меня все еще трясет пять часов спустя, когда я подъезжаю к заправочной станции, первой, которую я видел на этой извилистой горной дороге.

Это было близко, слишком близко.

Они становятся смелее, отчаяннее.

Они стреляли в меня на чертовой улице.

Мои ноги словно резиновые, когда я выхожу из машины, сжимая пустую бутылку из-под воды. Мне нужна ванная, вода, еда и бензин, именно в таком порядке, а в идеале — новая машина, поскольку они могли получить номерной знак моей Тойоты. То есть при условии, что у них его еще не было.

Я понятия не имею, как они нашли меня в Бойсе, штат Айдахо, но, возможно, через мою машину.

Проблема в том, что то немногое, что я знаю об уклонении от преступников, одержимых убийствами, взято из книг и фильмов, и я понятия не имею, что на самом деле *могут* отследить мои преследователи. Однако на всякий случай я не пользуюсь ни одной из своих кредитных карт и выбросил свой телефон в самый первый день.

Другая проблема в том, что у меня в кошельке ровно тридцать два доллара и двадцать четыре цента. Вакансия официантки, на которую я прошла собеседование сегодня утром в Бойсе, была бы спасением, так как владелец кафе был готов заплатить мне наличными из-под стола, но они нашли меня прежде, чем я смогла отработать одну смену.

Несколько дюймов вправо, и пуля прошла бы мне в голову, а не в витрину.

Кровь на полу кухни... Розовый халат на белой плитке... Остекленевший, невидящий взгляд...

Мой пульс учащается, дрожь усиливается, колени угрожающе подгибаются подо мной. Опираясь на капот своей машины, я втягиваю судорожный вдох, пытаюсь замедлить безумный стук своего пульса, пока загоняю воспоминания глубоко внутрь, где они не смогут сжать мое горло в тиски.

Я не могу думать о том, что произошло. Если я это сделаю, я развалюсь, и они победят.

Они все равно могут выиграть, потому что у меня нет денег и я понятия не имею, что делаю.

Одно за другим, Хлоя. Одна нога впереди другой.

До меня доносится голос мамы, спокойный и ровный, и я заставляю себя выпрямиться от машины. А что, если моя ситуация из безвыходной превратилась в критическую?

Я все еще жива, и я намерена оставаться такой.

Я вытащила из руки все осколки пару часов назад, но футболка, которую я обернула вокруг нее, чтобы остановить кровотечение, выглядит странно, поэтому я достаю из багажника толстовку и надеваю капюшон, чтобы скрыть лицо от любого камеры видеонаблюдения, которые могут быть внутри заправочной станции. Я не знаю, смогут ли люди после меня получить доступ к этим кадрам, но лучше не рисковать.

Опять же, если предположить, что они еще не отследили мою машину.

Сосредоточься, Хлоя. Один шаг за раз.

Сделав ровный вдох, я захожу в небольшой магазинчик при заправочной станции и, махнув рукой пожилой женщине за кассой, иду прямо в ванную комнату сзади. Как только мои самые насущные потребности удовлетворены, я мою руки и лицо, наполняю бутылку

водой из-под крана и достаю бумажник, чтобы пересчитать счета, на всякий случай.

Нет, я не просчиталась и не пропустила случайную двадцатку. Тридцать два доллара и двадцать четыре цента — это все, что у меня осталось наличными.

Лицо в зеркале ванной — лицо незнакомца, все напряженное, с ввалившимися щеками, с темными кругами под слишком большими карими глазами. Я не ела и не спала нормально с тех пор, как был в бегах, и это видно. Я выгляжу старше своих двадцати трех лет, за последний месяц я состарился на десять лет.

подавив бесполезный приступ жалости к себе, я сосредоточилась на практическом. Шаг первый: решить, как распределить средства, которые у меня есть.

Самым большим приоритетом является бензин для автомобиля. В нем меньше четверти бака, и неизвестно, когда я найду еще одну заправку в этом районе. Полное заполнение обойдется мне как минимум в тридцать долларов, и у меня останется всего пара долларов на еду, чтобы утолить грызущую пустоту в желудке.

Что еще более важно, в следующий раз, когда у меня кончится бензин, я облажаюсь.

Выйдя из ванной, я направляюсь к кассе и прошу пожилого кассира дать мне бензина на двадцать баксов. Я также беру хот-дог и банан и поглощаю хот-дог, пока она медленно отсчитывает сдачу. Банан, который я прячу в переднем кармане худи на завтрашний завтрак.

— Вот, милочка, — хриплым голосом говорит кассирша, протягивая мне сдачу вместе с чеком. С теплой улыбкой она добавляет: «У тебя сегодня хороший день, слышишь?»

К моему удивлению, у меня сжимается горло, и слезы покалывают в глубине глаз, простая доброта полностью разрушает меня. "Спасибо. У вас тоже, — говорю я сдавленным голосом и, запихивая сдачу в бумажник, тороплюсь к выходу, прежде чем успеваю испугать женщину, разрыдавшись.

Я почти вышла за дверь, когда мне на глаза попала местная газета. Он в корзине с надписью «БЕСПЛАТНО», так что я хватаю его, прежде чем идти к своей машине.

Пока бак наполняется, я беру под контроль свои буйные эмоции и разворачиваю газету, направляясь прямо к секретному разделу сзади. Это маловероятно, но, возможно, кто-то поблизости нанимает людей для какой-нибудь работы, например, для мытья окон или стрижки живых изгородей.

Даже пятьдесят баксов могут повысить мои шансы на выживание.

Поначалу я не вижу ничего похожего на то, что ищу, и уже собираюсь в разочаровании свернуть лист бумаги, когда мое внимание привлекает список внизу страницы:

Требуется воспитатель с проживанием для четырехлетнего ребенка. Должен быть хорошо образован, хорошо ладит с детьми и готов переехать в отдаленное горное поместье. 3 тысячи долларов в неделю наличными. Чтобы подать заявку, отправьте резюме по электронной почте tutorcandidates459@gmail.com.

Три штуки в неделю наличными? Какого хрена?

Не поверив своим глазам, я перечитал объявление.

Нет, все слова остались прежними, это безумие. Три штуки в неделю за репетитора? Наличными?

Это обман, так и должно быть.

С колотящимся сердцем доливаю бак и сажусь в машину. Мой разум мчится. Я идеальный кандидат на эту должность. Я не только только что закончила обучение по специальности «Педагогические исследования», но и присматривала за детьми и обучала их в старшей школе и колледже. А переезд в отдаленное горное поместье? Запишите меня! Чем

дальше, тем лучше.

Как будто реклама была создана специально для меня.

Подождите минуту. Может ли это быть ловушкой?

Нет, это действительно параноидальное мышление. С тех пор, как сегодня утром у меня была близкая ситуация, я бесцельно ехала с единственной целью: максимально увеличить расстояние между собой и Бойсе, оставаясь при этом в стороне от основных дорог и автомагистралей, чтобы избежать дорожных камер. У моих преследователей должен был быть хрустальный шар, чтобы догадаться, что я окажусь в этом отдаленном районе, не говоря уже о том, чтобы забрать эту местную газету. Единственный способ, которым это могло бы быть ловушкой, — это если бы они разместили подобные объявления во всех газетах по всей стране, а также на всех основных сайтах по трудоустройству, и даже тогда это кажется натяжкой.

Нет, вряд ли это ловушка, расставленная специально для меня, но может быть что-то не менее зловещее.

Мгновение колеблюсь, затем выхожу из машины и возвращаюсь в магазин.

— Извините, мэ, — говорю я, подходя к пожилой кассирше. — Вы живете в этом районе?

— Ну да, дорогая. Улыбка озаряет ее морщинистое лицо. «Элквуд-Крик родился и вырос».

"В таком случае, — я разворачиваю газету и кладу ее на прилавок, — вам что-нибудь об этом известно? Я указываю на объявление.

Она достает очки для чтения и щурится на мелкий текст. "Хм. Три штуки в неделю за репетитора — должно быть, даже больше, чем говорят.

Мой пульс подскакивает от волнения. «Вы знаете, кто поместил это объявление?»

Она поднимает глаза, слезящиеся глаза мигают из-за толстых линз очков. «Ну, я не могу быть уверен, дорогая, но ходят слухи, что какой-то богатый русский выкупил старую собственность Джеймисонов высоко в горах и построил там совершенно новый дом. То тут, то там нанимал местных парней на случайные работы, всегда платил наличными. Однако никто ничего не сказал о ребенке, так что, возможно, это был не он, но я не могу припомнить никого другого в этих краях с такими деньгами, не говоря уже о том, чтобы что-то близкое к поместью.

Ебать. Это может быть на самом деле по-настоящему. Богатый иностранец — это объясняет и слишком высокую зарплату, и ее наличный характер. Мужчина — или, что более вероятно, пара, поскольку речь идет о ребенке, — может не знать, каковы расценки местных репетиторов, или им может быть все равно. Когда вы достаточно богаты, несколько штук могут иметь не больше значения, чем несколько пенни. Однако для меня зарплата за одну неделю могла означать разницу между жизнью и смертью, и если бы я заработала такие деньги за месяц, я смогла бы купить еще одну подержанную машину и, возможно, даже несколько поддельных документов. чтобы я мог выбраться из страны и исчезнуть навсегда.

Лучше всего то, что если поместье находится достаточно далеко, может пройти некоторое время, прежде чем мои преследователи найдут меня там — если вообще найдут. С денежной зарплатой не было бы никаких бумажных следов, ничего, что связывало бы меня с русской парой.

Эта работа может стать ответом на все мои молитвы... если я ее получу, то есть.

«Здесь где-нибудь есть публичная библиотека?» — спрашиваю я, пытаюсь умирить волнение. Я не хочу обнадеживаться. Даже если мое резюме лучшее, что они могут получить, процесс найма может занять недели или месяцы, и оставаться здесь так долго небезопасно.

Если они нашли меня в Бойсе, они найдут меня и здесь.

Это только вопрос времени.

Кассир улыбается мне. — Да, дорогая. Просто проедьте на север около десяти миль, и когда вы увидите первые здания, поверните налево, проедьте два перекрестка, и он будет слева от вас, прямо рядом с офисом шерифа.

"Чудесно, спасибо. У вас есть ручка?" Когда она вручает его мне, я записываю указания на первой странице газеты.

Отсутствие смартфона с GPS — отстой.

«Хорошего дня», — говорю я пожилой даме, и когда я на этот раз выхожу, моя походка заметно подпрыгивает.

Крошечная библиотека закрывается в пять вечера, так что я поспешно собрала свое резюме и сопроводительное письмо на одном из общедоступных компьютеров, а затем отправил их по электронной почте на адрес, указанный в объявлении. Вместо номера телефона и адреса электронной почты я указала в резюме только свой адрес электронной почты; надеюсь, этого будет достаточно.

К тому времени, когда я заканчиваю, библиотека уже закрывается, так что я возвращаюсь в машину и выезжаю из маленького городка, беспорядочно сворачивая на узкие извилистые дороги, пока не нахожу то, что ищу.

Поляна в лесу, где я могу припарковать свою Тойоту за деревьями, чтобы никто не проезжал мимо.

Когда машина находится в безопасном месте, я открываю багажник и достаю из чемодана еще один свитер, который мне посчастливилось иметь при себе, когда моя жизнь пошла наперекосяк. Скатав свитер, я вытягиваюсь на заднем сиденье, кладу импровизированную подушку под голову и закрываю глаза.

Моя последняя мысль перед тем, как уснуть, — это надежда, что я проживу достаточно долго, чтобы получить известие о работе.

2

Николай

Стук в дверь отвлекает меня от электронного письма, которое я читаю, и я поднимаю взгляд от своего ноутбука, когда Алина открывает дверь и грациозно входит в мой кабинет.

«Сегодня вечером мы получили многообещающее заявление», — говорит она, подходя к моему столу. — Вот, посмотри. Она протягивает мне толстую папку.

Я открываю его. С первой полосы на меня смотрит фотография эффектной молодой женщины с водительских прав. Ее карие глаза настолько большие, что доминируют над маленьким ромбовидным лицом, и даже на зернистой распечатке ее бронзовая кожа кажется светящейся, словно освещенной изнутри невидимой свечой. Но мое внимание привлекает ее рот. Маленькая, но совершенно пухлая, она представляет собой нечто среднее между кукольным бантиком и чем-то, что можно найти у порнозвезды.

На этой фотографии она не улыбается; выражение лица у нее торжественное, волосы

собраны либо в тугой хвост, либо в пучок. На следующей странице, однако, изображена она смеющейся, с запрокинутой головой и лицом, обрамленным золотисто-коричневыми волнами, исчезающими ниже стройных плеч. Она прекрасна на этом фото и так сияет, что я чувствую, как что-то внутри меня становится опасно неподвижным и тихим, даже когда мой пульс учащается от первобытной мужской реакции.

подавив странную реакцию, я переворачиваю страницу и читаю информацию о водительских правах.

Хлое Эммонс двадцать три года, рост пять футов четыре дюйма, она живет в Бостоне, штат Массачусетс, а это значит, что она далеко от дома.

— Как она узнала об этой должности? — спрашиваю я, глядя на Алину. — Я думал, мы разместили объявление только в местных газетах.

Она отодвигает распечатки с фотографиями в сторону и постукивает блестящим красным ногтем по странице вниз. «Прочитай сопроводительное письмо».

Я обращаю внимание на страницу. Похоже, Хлоя Эммонс находится в поездке после окончания учебы и случайно проезжала через Элвуд-Крик, когда увидела наше объявление и решила подать заявку на вакансию. Сопроводительное письмо хорошо написано и аккуратно отформатировано, как и резюме, которое следует за ним. Я понимаю, почему Алина считала это многообещающим. Хотя девушка только что получила степень бакалавра педагогических исследований в Миддлбери-колледже, у нее было больше стажировок и работы по присмотру за детьми, чем у трех предыдущих кандидатов вместе взятых.

Отчет Константина о ней следующий. Как обычно, его команда тщательно изучила ее социальные сети, криминальные записи и записи DMV, финансовые отчеты, школьные стенограммы, медицинские записи и все остальное в ее жизни, которое когда-либо было компьютеризировано. Читается дольше, поэтому я смотрю на Алину.

— Какие-нибудь красные флаги?

Она колеблется. "Может быть. Ее мать скончалась месяц назад — очевидное самоубийство. С тех пор Хлоя в основном была вне сети: никаких сообщений в социальных сетях, никаких транзакций по кредитным картам, никаких звонков на ее мобильный».

— Значит, она либо не справляется, либо происходит что-то еще. Алина кивает.

— Моя ставка на первое; ее мать была единственной семьей, которая у нее была.

Я закрываю папку и отодвигаю ее. «Это не объясняет отсутствие транзакций по кредитным картам. Что-то здесь не так. Но даже если это то, что вы думаете, эмоционально неуравновешенная женщина — это последнее, что нам нужно».

Безрадостная улыбка коснулась нефритово-зеленых глаз Алины. — Ты уверен в этом, Николай? Потому что я чувствую, что она может подойти».

И прежде чем я успеваю ответить, моя сестра разворачивается и уходит.

Не знаю, что заставляет меня снова взять папку через час — скорее всего, нездоровое любопытство. Листая толстую стопку бумаг, я нахожу полицейский отчет о самоубийстве матери. Судя по всему, Марианна Эммонс, официантка, сорока лет, была найдена на кухонном полу с перерезанными запястьями. Звонил сосед; дочери, Хлои, нигде не было, и она так и не появилась, чтобы опознать или похоронить тело.

Интересно. Могла ли хорошенькая Хлоя убить свою маму? Поэтому она в своем автономном «путешествии»?

Согласно отчету полиции, никаких подозрений в нечестной игре не было. У Марианны

была история депрессии, и однажды она пыталась покончить жизнь самоубийством, когда ей было шестнадцать. Но я знаю, как легко инсценировать сцену убийства, если знаешь, что делаешь.

Все, что нужно, это немного предусмотрительности и умения.

Это, конечно, скачок, но я не добился того, чего достиг, предполагая лучшее в людях. Даже если Хлоя Эммонс не виновна в матереубийстве, она в чем-то виновата. Мои инстинкты говорят мне, что в ее истории есть нечто большее, и мои инстинкты редко ошибаются.

Девушка — беда. Я знаю это без тени сомнения.

Тем не менее, что-то мешает мне закрыть папку. Я читаю отчет Константина полностью, затем просматриваю скриншоты ее социальных сетей. Удивительно, но это не так много селфи; для такой красивой девушки Хлоя не слишком зациклена на своей внешности. Вместо этого большинство ее сообщений состоят из видеороликов с детенышами животных и фотографий живописных мест, а также ссылок на сообщения в блогах и статьи о развитии детей и оптимальных методах обучения.

Если бы не этот полицейский отчет и ее месячное исчезновение из сети, Хлоя Эммонс выглядела бы именно тем, кем она себя называет: новенькой выпускницей колледжа со страстью к преподаванию.

Возвращаясь к началу папки, я изучаю ее смеющуюся фотографию, пытаюсь понять, что меня интригует в этой девушке. Ее красивое лицо, конечно, но это только часть. Я видел — и трахал — женщин гораздо более классически красивых, чем она. Даже этот рот порнокуклы не является чем-то особенным по большому счету, хотя ни один мужчина в здравом уме не упустит шанс почувствовать эти пухлые, мягкие губы, обхватывающие его член.

Нет, это что-то другое притягивает меня, что-то связанное с сиянием ее улыбки. Это как увидеть луч солнца, пробивающийся сквозь облака в зимний день. Я хочу прикоснуться к нему, почувствовать его тепло... поймать его, чтобы он стал моим.

Мое тело напрягается при мысли об этом, темные образы с рейтингом X скользят в моем сознании. Лучший мужчина — лучший отец — сразу же закрыл бы эту папку, хотя бы из-за искушения, которое она представляет, но я не такой человек.

Я Молотов, и мы никогда не делали ничего столь прозаичного, как правильное дело.

Барабаня пальцами по столу, я принимаю решение.

Хлоя Эммонс, может быть, слишком обеспокоена, чтобы подпустить меня к моему сыну, но я все равно хочу с ней встретиться.

Я хочу почувствовать этот луч солнца на своей коже.

3

Хлоя

Двенадцатифутовые металлические ворота раздвигаются, когда я подъезжаю, мотор моей «Тойоты» завывает на крутом уклоне грунтовой дороги, ведущей в гору к поместью. Крепко сжав руль, я въезжаю в открытые ворота, моя нервозность усиливается с каждой секундой.

Я до сих пор не могу поверить, что я здесь. Я была почти уверена, что в моем почтовом ящике ничего не будет, когда сегодня утром пошла в библиотеку. Слишком рано было ожидать ответа. На всякий случай, однако, я хотела проверить свою электронную почту, а

затем провести несколько часов в поисках других концертов в пределах досягаемости полбака. Но электронная почта уже была там, когда я вошла в систему; он прибыл вчера в десять часов вечера.

Они хотят взять у меня интервью.

Сегодня в полдень.

Мои ладони скользкие от пота, поэтому я вытираю сначала одну руку, потом другую о джинсы. У меня нет ничего похожего на одежду, подходящую для собеседования, поэтому я ношу свою единственную пару чистых джинсов и простую футболку с длинными рукавами — мне нужны рукава, чтобы скрыть царапины и струпья, оставшиеся на руке от осколков стекла. Надеюсь, мои потенциальные работодатели не будут возражать против меня за повседневную одежду; в конце концов, я провожу собеседование на должность репетитора в глуши.

Пожалуйста, позволь мне получить работу. Пожалуйста, позволь мне получить его.

Гладкие металлические ворота, через которые я только что проехала, являются частью металлической стены такой же высоты, которая простирается в суровый горный лес по обеим сторонам дороги. Интересно, означает ли это, что стена окружает все поместье? Трудно представить — по словам библиотекаря, который давал мне указания, участок состоит из более чем тысячи акров дикой гористой местности, — но я не видела, где заканчивается стена, так что это возможно. А так как ворота открылись сами по себе при моем приближении, то и камеры тоже должны быть на месте, что хоть и настораживает, но и обнадеживает.

Я понятия не имею, зачем этим людям нужна такая охрана, но если я получу эту работу, я буду в безопасности и на их территории.

Извилистая грунтовая дорога, по которой я иду, кажется, будет продолжаться вечно, но, наконец, примерно через милю лес по бокам начинает редеть, а местность выравнивается. Я должна приближаться к вершине горы.

И действительно, когда я делаю следующий поворот, в поле зрения появляется гладкий двухэтажный особняк.

Ультрасовременное чудо из стекла и стали, оно должно выделяться среди всей этой дикой природы, но вместо этого оно умело интегрировано в окружающую среду, а часть дома встроена в скалистый выступ. Подъезжая к нему, я вижу полностью стеклянную террасу, обвивающую заднюю часть, и понимаю, что дом стоит на скале с видом на глубокий овраг.

Виды внутри должны быть убийственными.

Глубокий вдох, Хлоя. Ты можешь это сделать.

Выключаю машину, приглаживаю потными ладонями джинсы, расправляю рубашку, убеждаюсь, что волосы все еще собраны в аккуратный пучок, и беру распечатанное в библиотеке резюме. Я обычно хорошо провожу собеседования, но никогда прежде не ставил на карту так много. Каждый нерв в моем теле на пределе, сердце колотится так быстро, что у меня кружится голова. Конечно, у меня может кружиться голова, потому что все, что я сегодня съел, это банан, но я не хочу думать об этом и о том, что если я не получу работу, голод может быть наименьшим из моих проблем.

Резюме в руках, я выхожу из машины. Я прихожу примерно на полчаса раньше, что лучше, чем опоздание, но не оптимально. Я боялась, что потеряюсь без GPS, поэтому вышел из библиотеки и направился сюда, как только библиотекарь объяснил, куда идти, и дал мне

карту местности. Однако я не заблудилась, так что теперь все, что мне нужно, это подойти к этой гладкой, футуристической входной двери и позвонить в дверной звонок.

Напрягая свой позвоночник, я приготовилась сделать именно это, когда дверь распахнулась, и я увидела высокого широкоплечего мужчину, одетого в темные джинсы и белую рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами.

— Привет, — говорю я, широко улыбаясь, и иду к нему. «Я Хлоя Эммонс, я здесь, чтобы взять интервью для...» Я останавливаюсь, у меня перехватывает дыхание, когда он выходит на свет, и пара потрясающих карих глаз встречается с моими.

Вот только слово «орех» для них слишком общее. Я никогда не видела таких глаз. Насыщенный темно-янтарный цвет, смешанный с лесной зеленью, они окружены густыми черными ресницами и сверкают с особой свирепостью, интенсивностью, которая не выглядела бы неуместной для хищника из джунглей. Тигровые глаза, принадлежащие мужчине, который сам является олицетворением силы и опасности — мужчине настолько безжалостно красивому, что мой и без того учащенный пульс становится сверхзвуковым.

Высокие, широкие скулы, прямое лезвие носа, челюсть, достаточно острая, чтобы резать мрамор, — одной симметричности этих поразительных черт было бы достаточно, чтобы они украшали обложки журналов, но в сочетании с полным, цинично изогнутым ртом, эффект совершенно разрушительный. Как и его ресницы, его брови густые и черные, как и его волосы, достаточно длинные, чтобы покрыть его уши, и такие прямые, что выглядят как крыло ворона.

Длинными плавными шагами сокращая расстояние между нами, он протягивает ко мне руку. «Николай Молотов», — говорит он, произнося это имя так, как произносит его русский коренной житель, хотя в его глубоком, шершавом шелковом голосе нет и следа акцента. «Приятно познакомиться».

4

Хлоя

Ошарашенный, я пожимаю ему руку. Он большой и сильный, его слегка загорелая кожа теплая, когда его длинные пальцы обхватывают мои и сжимают с тщательно сдерживаемой силой. Дрожь пробегает по моей спине от этого ощущения, мое тело нагревается во всем теле, и мне нужно изо всех сил, чтобы не качнуться к нему, когда мои колени превращаются в желе подо мной.

Возьми себя в руки, Хлоя. Это потенциальный работодатель. Возьмите чертову хватку.

Геркулесовым усилием я выдергиваю руку и тянусь к остаткам самообладания. — Приятно познакомиться, мистер Молотов. К моему облегчению, мой голос звучит ровно, мой тон спокоен и дружелюбен, как и подобает человеку, проходящему собеседование при приеме на работу. Сделав полшага назад, я улыбаюсь хозяину. — Извините, что я немного раньше.

Его тигровые глаза сияют ярче. "Без проблем. Я с нетерпением ждал встречи с тобой, Хлоя. И, пожалуйста, зовите меня Николаем».

— Николай, — повторяю я, и мое дурацкое сердцебиение еще больше ускоряется. Я не понимаю, что со мной происходит, почему у меня такая реакция на этого человека. Я никогда не сходила с ума из-за точеной челюсти и пресса, даже когда был гормональным подростком. Пока мои друзья были влюблены в футболистов и кинозвезд, я встречалась с

мальчиками, чьи личности мне нравились, чьи умы привлекали меня больше, чем их тела. Для меня сексуальная химия всегда была чем-то, что развивалось со временем, а не существовало с самого начала.

С другой стороны, я никогда не встречал человека, излучающего такой грубый животный магнетизм.

Я не знала, что такие мужчины существуют.

Сосредоточься, Хлоя. Скорее всего он женат.

Эта мысль подобна плеску холодной воды на моем лице, возвращая меня к реальности моей ситуации. Что, черт возьми, я делаю, пуская слюни на отца какого-то ребенка? Мне нужна эта работа, чтобы *выжить*. Поездка сюда на сорок миль съела больше четверти бака бензина, и если я не заработаю немного денег в ближайшее время, я окажусь в затруднительном положении и буду легкой добычей для убийц, преследующих меня.

Жар внутри меня остывает при этой мысли, и когда Николай говорит: «Иди за мной» и идет обратно в дом, мои нервы звенят от беспокойства вместо того, что на меня нашло при виде его.

Внутри дом такой же ультрасовременный, как и снаружи. Окна от пола до потолка с потрясающими видами, украшения, достойные музея современного искусства, и элегантная мебель, которая выглядит так, будто только что вышла из выставочного зала дизайнера интерьеров. Все выполнено в серо-белых тонах, местами смягченных акцентами натурального дерева и камня. Это красиво и более чем пугающе, как и мужчина передо мной, и когда он ведет меня через гостиную открытой планировки к винтовой лестнице из дерева и стекла в глубине, я не могу избавиться от ощущения, что облезлый голубь, случайно залетевший в позолоченный концертный зал.

подавив тревожное ощущение, я говорю: «У вас красивый дом. Вы давно здесь живете?»

«Несколько месяцев», — отвечает он, когда мы поднимаемся по лестнице. Он смотрит на меня. "А вы? В сопроводительном письме вы сказали, что находитесь в поездке?"

"Вот так." Находясь на более твердой почве, я объясняю, что в июне я окончила колледж Миддлбери и решила посмотреть страну, прежде чем погрузиться в рабочий мир. «Но потом, конечно, я увидела ваш список, — заключаю я, — и он звучал слишком идеально, чтобы пройти мимо, так что я здесь».

— Да, действительно, — тихо говорит он, когда мы останавливаемся перед закрытой дверью. "Вот, пожалуйста."

Дыхание снова сбивается, пульс неудержимо учащается. Есть что-то нервирующее в мрачно-чувственном изгибе его рта, что-то почти... *опасное* в напряженном взгляде. Может, дело в необычном цвете его глаз, но мне отчетливо не по себе, когда он прижимает ладонь к ненавязчивой панели на стене, и дверь перед нами распахивается, как в шпионском кино.

— Пожалуйста, — бормочет он, жестом приглашая меня войти, и я делаю это, изо всех сил стараясь игнорировать тревожное ощущение, что вхожу в логово хищника.

«Логово» оказывается большим, залитым солнцем кабинетом. Две стены сделаны полностью из стекла, открывая захватывающий вид на горы, а на гладком Г-образном столе посередине установлено несколько компьютерных мониторов. Сбоку небольшой круглый столик с двумя стульями, туда меня ведет Николай.

Скрывая вздох облегчения, я сажусь и кладу свое резюме на стол перед ним. Очевидно, я на грани, мои нервы так расшатаны за последний месяц, что я вижу повсюду опасность. Это собеседование на должность репетитора, не более того, и мне нужно взять себя в руки,

прежде чем я все испорчу.

Несмотря на предостережение, мой пульс снова учащается, когда Николай откидывается на спинку стула и смотрит на меня тревожно красивыми глазами. Я чувствую, как мои ладони становятся все более влажными, и все, что я могу сделать, это не вытирать их снова о джинсы. Как бы нелепо это ни было, я чувствую себя обнаженной под этим взглядом, все мои секреты и страхи выставлены напоказ.

Перестань, Хлоя. Он ничего не знает. Ты проходишь собеседование на репетитора, не более того.

— Итак, — бодро говорю я, чтобы скрыть тревогу, — могу я спросить о ребенке, которого буду обучать? Это твой сын или дочь?

Его лицо приобретает непроницаемое выражение. "Мой сын. Мирослав. Мы зовем его Слава».

«Это отличное имя. Он...»

— Расскажи мне о себе, Хлоя. Наклонившись вперед, он берет мое резюме, но не смотрит на него. Вместо этого его взгляд направлен на мое лицо, заставляя меня чувствовать себя бабочкой, приколотой под микроскопом. — Что вас заинтриговало в этой позиции?

— О, все. Сделав вдох, чтобы успокоить свой голос, я описываю все свои услуги по присмотру за детьми и репетиторству, которыми я занималась на протяжении многих лет, а затем рассказываю о своих стажировках, в том числе о моей последней летней работе в лагере для людей с особыми потребностями, где я работала с детьми всех возрастов. возраст. «Это был отличный опыт, — заключаю я, — одновременно сложный и полезный. Однако мне больше всего нравилось преподавать математику и чтение младшим детям, поэтому я думаю, что идеально подхожу для этой роли. Преподавание — моя страсть, и мне бы очень хотелось поработать с ребенком один на один, чтобы адаптировать учебную программу к его или ее интересам и способностям».

Он откладывает резюме, по-прежнему не утруждая себя его просмотром. — А как вы относитесь к жизни в месте, столь удаленном от цивилизации? Где нет ничего, кроме глуши на десятки миль вокруг и минимального контакта с внешним миром?

«Звучит...» *Как убежище*. "...удивительно." Я улыбаюсь ему, мое волнение непритворно. «Я большой поклонник дикой природы и природы в целом. На самом деле моя альма-матер — Миддлбери-колледж — была выбрана отчасти из-за ее расположения в сельской местности. Я люблю походы и рыбалку, и я знаю, как у костра. Жизнь здесь была бы воплощением мечты». Особенно учитывая все меры безопасности, которые я заметил на входе, но я этого, конечно, не говорю.

Я не могу выглядеть кем-то иным, кроме как новеньким выпускником колледжа, ищущим приключений.

Он выгибает брови. — Ты не будешь скучать по своим друзьям? Или семья?

— Нет, я... К моему ужасу, мое горло сжимается от внезапного приступа горя. Стлотнув, я пробую снова. «Я очень независима. Последний месяц я путешествую по стране одна, и, кроме того, всегда есть телефоны, приложения для видеоконференций и социальные сети».

Он наклоняет голову. «Тем не менее, вы не публиковали сообщения в своих профилях в социальных сетях в течение последнего месяца. Почему это?»

Я смотрю на него, мое сердцебиение учащается. Он смотрел мои социальные сети? Как? Когда? У меня установлены самые высокие настройки конфиденциальности; он не

должен видеть обо мне ничего, кроме того факта, что я существую и пользуюсь социальными сетями, как нормальный человек. Он меня расследовал? Как-то взломали мои аккаунты?

Кто это мужчина?

«На самом деле у меня сейчас нет телефона». По моему позвоночнику стекает струйка пота, но мне удается сохранять ровный тон. «Я избавился от него, потому что хотел посмотреть, смогу ли я функционировать в этой поездке без всей электроники. Своего рода личный вызов».

"Я понимаю." В этом свете его глаза больше зеленые, чем янтарные. — Так как же вы поддерживаете связь с семьей и друзьями?

«В основном электронная почта», — лгу я. Я никак не могу признать, что ни с кем не поддерживал связь и не собираюсь этого делать. «Я посещала публичные библиотеки и время от времени пользовался там компьютерами». Поняв, что мои пальцы крепко переплетены, я разжимаю руки и выдавливаю из себя улыбку. «Понимаете, это довольно раскрепощающе — не быть привязанным к телефону. Экстремальные возможности подключения — это одновременно и благословение, и проклятие, и я наслаждаюсь свободой передвижения по стране, как это делали люди в прошлом, имея только бумажную карту, чтобы ориентироваться».

«Луддит из поколения Z. Как освежает».

Я краснею от нежной насмешки в его тоне. Я знаю, как звучит мое объяснение, но это единственное, что я могу придумать, чтобы оправдать отсутствие активности в социальных сетях в последнее время и, на случай, если он внимательно изучит мое резюме, отсутствие номера мобильного телефона. На самом деле, это хорошее оправдание для всего, так что я могу с этим согласиться.

"Ты прав. Я немного луддит, — говорю я. «Возможно, поэтому городская жизнь так мало привлекает меня, и почему я нашел вашу вакансию такой интригующей. Жить здесь, — я киваю на великолепные виды снаружи, — и учить вашего сына — это та работа, о которой я всегда мечтала, и если вы меня наймете, я полностью посвящу себя ей.

Медленная, темная улыбка изгибает его губы. "Это правильно?"

"Да." Я удерживаю его взгляд, даже когда мое дыхание становится неглубоким, а по коже пробегают мурашки. Я действительно не понимаю своей реакции на этого мужчину, не понимаю, как я могу найти его таким магнетическим, хотя он вызывает в моем сознании всевозможные тревоги. Паранойя или нет, но мои инстинкты кричат, что он опасен, но мой палец жаждет протянуть руку и провести по четко очерченным краям его полных, мягких на вид губ. Сглотнув, я отрываю свои мысли от этой предательской территории и говорю со всей серьезностью, на какую только могу: «Я буду самым совершенным наставником, которого вы только можете себе представить».

Он смотрит на меня, не моргая, тишина растягивается на несколько долгих секунд, и как раз в тот момент, когда я чувствую, что мои нервы вот-вот лопнут, как перетянутая резинка, он встает и говорит: «Следуй за мной».

Он ведет меня из офиса по длинному коридору, пока мы не доходим до еще одной закрытой двери. У этого не должно быть никакой биометрической защиты, так как он просто стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, входит.

Внутри еще одно окно от пола до потолка обеспечивает еще более захватывающий вид.

Однако в этой комнате нет ничего гладкого и современного. Вместо этого это выглядит как последствия взрыва на фабрике игрушек. Куда бы я ни посмотрела, повсюду царит разноцветный хаос: по полу разбросаны груды игрушек, детских книг и деталей LEGO, а в углу детская кровать, накрытая простыней с изображением Супермена. Подушки и одеяло в стиле Супермена с кровати свалены в кучу в другом углу, и только после того, как мой хозяин говорит командным тоном: «Слава!» что я понимаю, что маленький мальчик строит замок LEGO рядом с этой кучей.

При голосе отца голова мальчика дергается, открывая пару огромных янтарно-зеленых глаз — таких же завораживающих глаз, как у мужчины рядом со мной. В общем, мальчик — это Николай в миниатюре, его черные волосы ниспадали на уши прямой блестящей занавеской, а на детски круглом лице уже мелькали эффектные скулы. Даже рот такой же, не хватает только циничного, понимающего изгиба губ отца.

— Слава, *иди сюда*, — приказывает Николай, и мальчик встает и осторожно подходит к нам. Когда он останавливается перед нами, я замечаю, что на нем джинсы и футболка с изображением Человека-паука спереди.

Глядя на сына, Николай начинает говорить с ним на быстром русском языке. Я понятия не имею, что он говорит, но это должно быть как-то связано со мной, потому что мальчик продолжает смотреть на меня с любопытством и страхом на лице.

Как только Николай заканчивает говорить, я улыбаюсь ребенку и становлюсь на колени на пол, так что мы находимся на одном уровне глаз. — Привет, Слава, — мягко говорю я. «Я Хлоя. Рада встрече.»

Мальчик смотрит на меня пустым взглядом.

— Он не говорит по-английски, — жестко говорит Николай. «Мы с Алиной пытались его учить, но он знает, что мы говорим по-русски, и отказывается учиться у нас. Так что это будет твоя работа: научить его английскому языку, а также всему, что должен знать ребенок его возраста.»

"Я понимаю." Я не спускаю глаз с мальчика, тепло улыбаясь ему, даже когда в моем мозгу зазвенит новая тревога. Есть что-то странное в том, как Николай разговаривает с ребенком и о нем. Как будто его сын чужой для него. И если Алина — я полагаю, его жена и мать ребенка — знает английский так же хорошо, как мой хозяин, то почему Слава не говорит хотя бы несколько слов? Почему он отказался учить язык у своих родителей?

И вообще, почему Николай не берет мальчика на руки и не обнимает? Или игриво взлохматить ему волосы?

Где та теплая легкость, с которой родители обычно общаются со своими детьми?

— Слава, — тихо говорю я мальчику, — я Хлоя. Я указываю на себя. «Хлоя».

Несколько долгих мгновений он смотрит на меня немигающим взглядом отца. Затем его рот двигается, формируя слоги. «Кло-и».

Я улыбаюсь ему. "Вот так. Хлоя. Я хлопаю себя по груди. — А ты Слава. Я указываю на него. — Мирослав, верно?"

Он торжественно кивает. «Слава».

«Ты любишь комиксы, Слава?» Я осторожно прикасаюсь к картинке на его футболке. — Это Человек-Паук, не так ли?

Его глаза светлеют. — Да, Человек-Паук. Он произносит его с русским акцентом. «*Ты знаешь о нём?*»

Я поднимаю взгляд на Николая и вижу, что он наблюдает за мной с мрачным,

неразборчивым выражением лица. Покалывание неприятного осознания проносится по моему позвоночнику, дыхание сбивается от внезапного чувства уязвимости. На коленях я не хочу стоять с этим мужчиной.

Это очень похоже на то, как будто я обнажаю горло красивому дикому волку.

«Мой сын спрашивает, знаете ли вы о Человеке-пауке», — говорит он после напряженного момента. — Я предполагаю, что ответ положительный.

С усилием я отрываю от него взгляд и сосредотачиваюсь на мальчике. — Да, я знаю о Человеке-пауке, — говорю я, улыбаясь. «Я любила Человека-паука, когда был в твоём возрасте. Также Супермен и Бэтмен, Чудо-женщина и Аквамен».

Лицо ребенка светлеет с каждым названным мною супергероем, а когда я добираюсь до Аквамена, на его лице появляется озорная ухмылка. — Аквамен? Он морщит свой маленький нос. «Нет, мой Аквамен».

— Аквамена нет? Я преувеличенно расширяю глаза. "Почему бы и нет? Что не так с Акваменом?"

Это вызывает смех. «Не Аквамен».

«Хорошо, ты выиграл. Не Аквамен». Я грустно вздохнул. «Бедный Аквамен. Так мало таких детей, как он».

Мальчик снова хихикает и бежит к стопке комиксов рядом с кроватью. Схватив одну, он приносит ее обратно и указывает на фотографию спереди. «Супермен *самый сильный*», — заявляет он.

«Супермен лучший?» Наверное. "Ваш любимый?"

— Он сказал, что он самый сильный, — ровным голосом говорит Николай, затем переключается на русский, его голос приобретает тот же командный тон.

Лицо мальчика падает, и он опускает книгу в удрученной позе.

— Пойдем обратно в мой кабинет, — говорит мне Николай и, не говоря больше ни слова сыну, направляется к двери.

5

Николай

Когда я выхожу из комнаты, я слышу, как она прощается с моим сыном, ее сладкий и яркий голос, и болезненный стук в моей груди усиливается, гнев смешивается с самой сильной похотью, которую я когда-либо чувствовал.

Шесть месяцев.

Шесть месяцев, а я так и не смог добиться от мальчика улыбки. Но у Алины, а теперь и у этой девушки, совершенно незнакомой.

Слава засмеялся вместе с ней.

Он показал ей свою любимую книгу.

Он позволил ей прикоснуться к его рубашке.

И все время, пока я наблюдал за ней со своим сыном, все, о чем я мог думать, это то, как она будет выглядеть обнаженной подо мной, ее выгоревшие на солнце волосы, высвобожденные из тугого пучка, и ее большие карие глаза, устремленные на меня, пока я погружаюсь в ее шелковистую плоть снова и снова.

Если мне нужно было еще одно доказательство того, что я не годен быть отцом, то вот оно.

— Садитесь, пожалуйста, — говорю я Хлое, когда мы возвращаемся в мой кабинет.

Несмотря на все мои усилия, мой голос сдавлен, бурлящий котел эмоций внутри меня слишком силен, чтобы его можно было сдерживать. Я хочу схватить девушку и трахнуть ее на месте, и в то же время я хочу потрясти ее и потребовать, чтобы она рассказала мне, как она так быстро сотворила свою магию со Славой... почему мой сын ответил ей через несколько минут, в то время как я в течение нескольких месяцев я не мог вытянуть из него больше нескольких слов.

Она садится на тот же стул, что и раньше, присаживаясь на край сиденья так изящно, как бабочка на цветок. Ее глаза испытующе прикованы к моему лицу, выражение ее лица идеально собрано, и если бы не ее маленькие руки, сцепившиеся на столе, я бы подумал, что она такая же крутая, как кажется. Но она нервничает, эта красивая девушка-загадка, нервная и более чем в отчаянии.

Я не знаю, почему это так, но я собираюсь выяснить.

— Что вы думаете о моем сыне? — спрашиваю я, мой тон становится мягче, когда я откидываюсь на спинку стула. Теперь, когда мы далеко от Славы, странное напряжение, которое я часто испытываю в моей грудной клетке вокруг него, ослабевает, иррациональный гнев и ревность угасают, пока в глубине моего сознания не остается лишь слабого пульса.

Что с того, что мальчику больше нравится этот незнакомец?

Это означает, что она действительно может выполнять работу, на которую я собираюсь ее нанять.

Я не знаю, когда именно я пришел к этому решению, в какой момент я решил, что мое увлечение Хлоей Эммонс оправдывает опасность, которую она может представлять для моей семьи. Может быть, это было, когда она многословно лгала о том, почему перестала пользоваться социальными сетями, или когда она бесстрашно смотрела мне в глаза после того, как поклялась посвятить себя работе. Или, может быть, это было, когда я вышел из дома, и эти мягкие карие глаза остановились на мне в первый раз, заставив каждый волос на моем теле встать дыбом от обжигающего осознания.

Влечение — слишком слабое слово, чтобы описать притяжение, которое я испытываю к ней. Мои руки буквально дергаются от желания прикоснуться к ней, провести пальцами по ее изящной челюсти и посмотреть, действительно ли ее загорелая кожа такая же мягкая, как у младенца. На фотографиях она была яркой и красивой, ее сияние сияло на страницах. На самом деле она все это и даже больше, ее улыбка полна бессознательного тепла, ее непоколебимый взгляд говорит как о уязвимости, так и о силе.

А под всем этим отчаяние. Я могу это видеть, чувствовать... чувствовать запах. Страх, безысходность — пахнет, как кровь. И, как кровь, она вызывает к самым темным уголкам меня, к зверю, которого я тщательно держала на привязи. Что еще хуже, это неудобное влечение не является односторонним.

Хлоя Эммонс тянется ко мне.

За ее яркой, дружелюбной улыбкой скрывается чисто женский интерес, ответ такой же первобытный, как и моя реакция на нее. Когда я пожал ей руку, я почувствовал, как дрожь пробежала по ее коже, увидел, как ее губы приоткрылись на неглубоком выдохе, когда ее нежные пальцы дернулись в моей хватке.

Нет, девушка ко мне совсем не безразлична, и это делает ее честной добычей.

— Я думала, Слава очень умный, — отвечает она, и мой взгляд падает на соблазнительную форму ее рта. Ее верхняя губа немного полнее нижней, что создает впечатление легкого прикуса, когда она не улыбается. «Я не знаю, почему он отказывается

учить английский у тебя, но я уверена, что смогу научить его», — продолжает она, пока я размышляю, делает ли это маленькое несовершенство ее черты более или менее привлекательными. Более того, решаю я, пока она объясняет методы обучения, которые собирается использовать. Определенно больше, потому что все, о чем я могу думать, это то, как сильно я хочу попробовать плюшевую мягкость этих губ и почувствовать их на своем теле.

С усилием я снова сосредотачиваюсь на ее словах.

— ...Итак, мы начнем с...

«Как вы относитесь к телесной дисциплине для детей?» — перебиваю я, наклоняясь вперед. Я слышал достаточно, чтобы понять, что она способна выполнять эту работу. Есть только одна вещь, которую мне нужно знать сейчас. — Ты веришь в шлепки и тому подобное?

Она бросает на меня испуганный взгляд. "Конечно нет! Это последнее. Нет, я никогда не потерплю этого. Ее глаза яростно сужаются, когда она наклоняется вперед, сжимая кулаки на столе. — А вы ?

"Нет. Я не."

Она заметно расслабляется, и я скрываю удовлетворенную улыбку. На секунду показалось, что она собирается ударить меня своими крошечными кулачками. И эта реакция не была фальшивой; каждый мускул в ее теле сразу напрягся, как будто она собиралась броситься в бой. Сама возможность того, что моего сына отшлепают, заставила ее забыть о том, что стоит за ее отчаянием, и она была готова наброситься на меня, как мама-медведица.

Это не реакция женщины, которая когда-либо причиняла боль ребенку. Какую бы опасность ни представляла Хлоя Эммонс, это не склонность к насилию — по крайней мере, не направленная против Славы.

Присяжные до сих пор не знают об истинной причине смерти ее матери.

Вероятно, это еще один признак того, что я не гожусь быть родителем, но какая-то часть меня предвкушает неприятности, которые она может принести. Здесь, в этом отдаленном уголке Айдахо, тихо — красиво и чертовски тихо. Жизнь, которую я оставил позади, совсем не похожа на ту, которую я вел последние шесть месяцев, и я не могу отрицать, что скучаю по выбросу адреналина от пребывания у руля одной из самых влиятельных семей в России.

Эта девушка с ее интригующим враньем и порнокукольным ртом не заменит мне этого, но, так или иначе, развлечет.

Откинувшись назад, я сплетаю пальцы на груди и улыбаюсь ей. — Итак, Хлоя... когда вы сможете начать?

6

Хлоя

Я почти вскакиваю и кричу: «Сейчас! В эту минуту. В эту секунду. Только это выдаст мое отчаяние и все испортит, поэтому я остаюсь на своем месте и говорю с некоторым подобием самообладания: «Как лучше для вас. Я доступен прямо сейчас».

Глаза Николая блестят темным золотом. "Превосходно. Я бы хотел, чтобы вы начали сегодня. Я полагаю, вас устраивает зарплата, указанная в объявлении?

"Да спасибо. Это адекватно». Под этим я подразумеваю, что это больше денег, чем я мог бы надеяться заработать где-либо еще, но все книги с интервью советуют вам не проявлять

слишком рьяного желания и вести переговоры. У меня нет яиц, чтобы сделать последнее, но я могу попробовать первое. Стремясь к непринужденному тону, я спрашиваю: «Как часто мне будут платить?»

«Еженедельно. Мы будем считать сегодняшний день вашим первым днем, так что первую зарплату вы получите в следующий вторник. Это работает?"

Я киваю, слишком взволнованный, чтобы говорить. Через неделю — или, вернее, через шесть с половиной дней — у меня будут деньги. Настоящие, настоящие, солидные деньги, такие, которые могли бы обеспечить меня едой и бензином на месяцы, если мне снова придется бежать.

"Превосходно." Он поднимается на ноги. — Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Я иду за ним, изо всех сил стараясь не замечать, как его дизайнерские джинсы облегают его мускулистые бедра и как его хорошо сидящая рубашка тянется по его могучим плечам. Последнее, что мне нужно, это возделеть к моему работодателю, мужчине, который, скорее всего, женат на женщине, с которой я еще не встречался. Что, если подумать, странно.

Почему мать Славы не участвовала в этом решении о найме?

Догнав Николая, я прочищаю горло, чтобы привлечь его внимание. «Скоро ли я встречу с Алиной?» — спрашиваю я, когда его взгляд останавливается на мне. — Или она ушла?

Он поднимает брови. — Она...

"Прямо здесь." Потрясающая молодая женщина выходит из комнаты, в которую мы собирались войти. Высокая и стройная, она одета в красное платье, которое могло прийти прямо с подиума в Париже. На ее ногах элегантная пара туфель на каблуках телесного цвета, а ее длинные прямые угольно-черные волосы обрамляют поразительно красивое лицо. Ее полные губы окрашены в красный цвет в тон ее платью, а умелое нанесение черной подводки подчеркивает кошачий наклон ее нефритово-зеленых глаз.

Протянув ко мне идеально ухоженную руку, она плавно говорит: «Алина Молотова. Я так понимаю, интервью прошло хорошо? Как и ее муж, она безупречно говорит на американском английском, и только произношение ее имени выдает ее иностранное происхождение.

Оправившись от шока от ее появления, я пожимаю ей руку. «Приятно познакомиться с вами, миссис Молотова». Я произношу ее имя так же, как и она, с буквой «а» в конце; Я помню из своего курса русской литературы, что русские фамилии имеют половую принадлежность. "Я"

«Хлоя Эммонс, я знаю. И, пожалуйста, зовите меня Алиной». Она улыбается, обнажая крошечную щель между передними зубами — несовершенство, которое только подчеркивает ее поразительную красоту.

— Спасибо, Алина. Я улыбаюсь в ответ, даже когда неприятная боль сжимает мою грудь.

Жена Николая просто великолепна, и я почему-то ненавижу этот факт.

Как ни странно, Николай тоже не выглядит довольным ею. "Что ты здесь делаешь?" Его тон суров, темные брови нахмурены.

Улыбка Алины становится кошачьей. «Конечно, я готовила комнату Хлои. Что-то еще?"

Его ответ по-русски быстр и резок, но она только смеется — красивым, похожим на колокольчик звуком — и говорит мне: «Добро пожаловать в дом, Хлоя».

С этими словами она уходит, ее шаг такой же грациозный, как у модели на подиуме.

Выдохнув, я поворачиваюсь к Николаю и вижу, как он входит в комнату. Я следую за ним и оказываюсь в просторной ультрасовременной спальне с окном от пола до потолка, из которого открывается еще более захватывающий дух вид.

"Ух ты." Я подхожу к окну и смотрю на заснеженные вершины далеких гор, окутанные синеватой дымкой. «Это... просто вау».

— Красиво, не так ли? — говорит он, и мой пульс подскакивает, когда я понимаю, что он подошел, чтобы встать рядом со мной, его взгляд устремлен на великолепный вид снаружи. В профиль он еще более ошеломляющий, его черты столь же тверды и совершенны, как если бы они были вырезаны из утеса, на котором мы сидим, его мощное тело является такой же силой природы, как и неумолимая пустыня вокруг нас.

Опасно.

Это слово шепчет мне в голову, и на этот раз я не могу убедить себя, что это просто паранойя. Он опасен, этот мой таинственный работодатель. Не знаю как, не знаю почему, но я это чувствую. Месяц назад шоры, которые я носил всю свою жизнь — те, что носят все нормальные люди, — были жестоко сорваны, и я не могу развидеть тьму в мире, не могу притворяться, что ее нет. И я вижу тьму в Николае.

Под этой потрясающей мужской красотой и плавными манерами скрывается что-то дикое... что-то ужасающее.

Он поворачивается ко мне лицом, и мне требуется вся смелость, чтобы остаться на месте и встретить его тигрино-яркий взгляд. Мое сердце тяжело бьется в груди, но кажется, что между нами прыгает раскаленный добела поток, частицы воздуха приобретают электрический заряд. Мои нервные окончания шипят вместе с ним, нагревая мою кожу и делая мое дыхание поверхностным и неровным.

Беги, Хлоя.

С трудом сглотнув, я отступаю назад, мамин голос звучит в моей голове так отчетливо, как если бы она была здесь. И я отчаянно хочу ее послушать, но у меня осталось всего несколько долларов в кошельке и четверть бака бензина в моей старой драндулетной машине. Этот человек, который одновременно привлекает и пугает меня, — моя единственная надежда на выживание, и любая опасность, с которой я столкнусь здесь, не может быть хуже той, что ждет меня, если я уйду.

Его глаза сияют мрачным весельем, когда я делаю еще один шаг назад, потом еще один, и у меня снова возникает тревожное ощущение, что он видит меня насквозь, что он каким-то образом чувствует и мой страх, и мое постыдное влечение к нему.

Заставив себя отвернуться, я оглядываюсь, изображая интерес к тому, что меня окружает, как будто что-то здесь может быть таким же увлекательным, как он. — Так это будет моя комната?

"Да. Тебе это нравится?"

"Я люблю это." Я смотрю на большой телевизор, свисающий с потолка над кроватью, затем иду к двери напротив той, что выходит в коридор. Он ведет в гладкую белую ванную комнату со стеклянной душевой кабиной, достаточно большой, чтобы вместить пять человек. За другой дверью скрывается гардеробная размером с мою комнату в студенческом общежитии, пустая и ожидающая моих скудных вещей.

Это роскошь, которую я видела только в кино, и это добавляет мне беспокойства.

Кто эти люди? Откуда они взяли свое богатство? Как Николай узнал о моем отсутствии в социальных сетях, когда все мои профили закрыты?

Зачем им столько безопасности в таком отдаленном месте?

Раньше я не хотела слишком глубоко думать обо всем этом — я была сосредоточена на том, чтобы получить работу, — но теперь, когда я здесь, теперь, когда это реально, я не могу не задаться вопросом, во что я ввязался. Потому что на все мои вопросы есть один простой ответ, одно слово, которое благодаря Голливуду приходит на ум, когда я думаю о богатых россиянах.

Мафия.

Это мои новые работодатели?

7

Хлоя

колотящимся сердцем я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Николая. Он наблюдает за мной с тем же тревожным весельем, и я внезапно чувствую себя мышью, с которой играет большой великолепный кот.

Кто может быть в мафии.

— Итак, — начинаю я неловко, — мне, наверное, следует...

— Дай мне ключи от машины. Он подходит ко мне. — Я принесу твои вещи.

"Это нормально. Я могу сделать это сама. Я просто... Я закрываю рот, потому что он протягивает руку ладонью вверх с бескомпромиссным выражением лица.

Пошарив в кармане, я извлекаю ключи и бросаю их ему на широкую ладонь. "Ну вот."

"Спасибо." Он кладет ключи в карман. «Устраивайся поудобнее. Павел принесет ваши сумки через минуту.

— Там только один — чемоданчик в багажнике, — говорю я, но он уже уходит.

Выдохнув, я не осознавала, что задерживаю дыхание, и падаю на кровать. Теперь, когда интервью закончилось, адреналин, который поддерживал меня, падает, и я чувствую себя выжатым, настолько истощенным, что все, что я могу сделать, это лежать и безучастно смотреть в высокий потолок. Через некоторое время я достаточно прихожу в себя, чтобы заметить, что белое покрывало подо мной сделано из какого-то мягкого пушистого материала, и я кладу на него ладони, глядя его, как домашнее животное.

Стук в дверь выводит меня из полукататонического состояния. Приподнявшись, я кричу: «Войдите!»

Входит мужчина размером с пещерного медведя, неся мой чемодан, который в его огромной руке больше похож на сумочку. Татуировки тянутся по бокам его толстой шеи, а обветренное лицо напоминает мне кирпич — твердый, румяный и бескомпромиссно квадратный. Его короткие, как по-армейски, волосы неопределенного оттенка каштанового цвета с обильной сединой, а жесткие серые глаза напоминают мне оплавленные пули.

— Привет, — говорю я, улыбаясь и поднимаясь на ноги. — Ты, должно быть, Павел.

Он кивает, выражение его лица не меняется. «Где ты хочешь это?» — спрашивает он глубоким рычанием с сильным акцентом.

— Здесь все в порядке, спасибо. Я получила это». Я подхожу, чтобы взять у него чемодан, и когда я приближаюсь, я понимаю, что он, должно быть, самый крупный мужчина, которого я когда-либо встречала, и по высоте, и по ширине. Другие татуировки украшают тыльную сторону его рук и выглядывают из-под v-образного выреза свитера, который плотно облегает его выдающиеся грудные мышцы.

Стараясь не нервно сглотнуть, я останавливаюсь перед ним и сжимаю ручку чемодана,

который он только что поставил на пол. "Спасибо." Я улыбаюсь ярче, глядя вверх. Очень высоко — моя шея на самом деле болит от того, как далеко я должен согнуть ее назад.

Он снова кивает, его толстая челюсть напряжена, затем поворачивается и уходит.

Тогда ладно. Вот вам и дружба с другими сотрудниками. В любом случае, при чем здесь работа человека-медведя? Телохранитель?

Может бандит мафии?

Я отталкиваю эту мысль. Несмотря на то, что этот парень соответствует стереотипу Т, я отказываюсь останавливаться на этой возможности. В чем смысл? Даже если мои новые работодатели — мафия, здесь я в большей безопасности, чем снаружи.

Я надеюсь.

Захлопнув за Павлом дверь, я распаковываю вещи — процесс, который занимает всего десять минут, — и с тоской гляжу на кровать с пушистым белым покрывалом. Я вымоталась и не только от интервью. Из-за кошмаров, которые преследуют меня по ночам, и постоянного беспокойства днем, я не спала больше четырех часов в течение нескольких недель. Но я не могу просто спать весь день.

Меня наняли для выполнения работы, и я намерен ее выполнять.

Чтобы взбодриться, я быстро принимаю душ в огромной ванной и переодеваюсь в свежую футболку — последнюю. Я должна узнать о том, где постирать как можно скорее, но обо всем по порядку.

Пришло время познакомиться с моей юной ученицей.

Когда я подхожу, дверь в комнату Славы открыта, и я вижу внутри Алину, которая разговаривает с мальчиком на мелодичном русском языке. Услышав мои шаги, она смотрит на меня и выгибает брови так, что это напоминает мне ее мужа.

— Хочешь начать?

Я улыбаюсь ей. — Если не возражаете, я подумал, что мы со Славой могли бы познакомиться сегодня днем. Я ловлю взгляд ребенка и подмигиваю ему, заслужив себе широкую улыбку.

Выражение лица Алины согревается реакцией сына. «Конечно, я не против. Я как раз объясняла ему, что ты будешь жить здесь и учить его. Он очень взволнован этой идеей».

"И я тоже." Я приседаю перед мальчиком. — Мы отлично проведем время, правда, Слава?

Он явно не понимает, о чем я говорю, но все равно улыбается и бормочет что-то по-русски.

«Он спрашивает, любишь ли ты замки, — говорит Алина.

— Да, знаю, — говорю я Славе. «Покажи мне, что у тебя там есть. Это твоя крепость? Я указываю на частично построенный проект LEGO».

Мальчик хихикает и плюхается среди деталей LEGO. Взяв два, он прикрепляет их к стенам замка, а я помогаю ему, прикрепляя еще два. Только я, видимо, сделала это неправильно, потому что он качает головой и снимает мои кусочки, а затем кладет их прямо рядом с тем местом, где я их прикрепил.

"Ага, понятно. Вы оставляете место для окон. Окна, верно? Я указываю на огромное окно в его комнате.

Он качает головой. «Да, окна. Большие окна». Схватив меня за запястье, он кладет другой кусок в мою ладонь и направляет мою руку в нужное место на стене. «Надо сюда».

"Понятно." Ухмыльнувшись, прикрепляю следующий кусок. — Вот так, да?

«Да», — взволнованно говорит он и берет еще кусочки. Мы продолжаем в том же духе, а он ведет меня в сборке замка, пока Алина не прочищает горло.

«Похоже, вы двое находитесь на одной волне, так что я оставлю вас», — говорит она, когда я поднимаю глаза. — У тебя есть полчаса до перекуса Славы. Ты случайно не голодна, Хлоя?

Мой желудок реагирует раньше, чем я успеваю, издавая громкое урчание, и Алина смеется, ее зеленые глаза светятся весельем.

— Я предполагаю, что да. Есть предпочтения в еде или аллергия?»

— Я со всем справлюсь, — говорю я, радуясь, что мой более темный оттенок кожи скрывает мой смущенный румянец. Я не могу себе представить, чтобы элегантно тело Алины с длинными конечностями когда-либо издавало такой нескромный звук, хотя, если она человек, это должно происходить время от времени. Конечно, человеческая сторона еще не вынесена.

На этих высоких каблуках и в потрясающем платье жена Николая выглядит слишком гламурно, чтобы быть настоящей.

Должно быть, я немного смущена, потому что ее веселье усиливается, ее губы изгибаются так, что это снова смущающе напоминает мне ее мужа. «Как ты любезна. Я сообщу Павлу.

Павел? Человек-медведь их повар или что-то в этом роде? Прежде чем я успеваю спросить, Алина поворачивается к сыну и говорит что-то по-русски, затем уходит, оставив меня наедине с подопечным.

8

Николай

— Так скажи мне, брат... Ты ее для Славы приобрел или для себя?

Я остаиваюсь посреди надевания запонок и поворачиваюсь, чтобы встретиться с хладнокровно-насмешливым взглядом Алины. "Это имеет значение?" Я понятия не имею, как она учуяла мой интерес к нашему новому сотруднику, но я не удивлена.

Моя сестра всегда умела читать меня лучше, чем кто-либо другой.

Она прислоняется к дверному косяку моей гардеробной, где я переодеваюсь к ужину. «Думаю, я должен был этого ожидать. Она красивая, не так ли?

"Очень." Я намеренно поворачиваюсь к ней спиной. Алина живет, чтобы вывести меня из себя, но сегодня у нее ничего не получится. И при этом она не собирается опозорить меня, чтобы я держался подальше от Хлои.

Девушка меня слишком интригует для этого.

— Ты же знаешь, что она весь день провела со Славой, да? Алина углубляется в мой шкаф и берет мой узкий черный галстук, тот самый, который я как раз собиралась надеть.

Сопrotивляясь импульсу потянуться за другим просто назло ей, я беру у нее галстук и отработанными движениями надеваю его. "Да."

В комнате моего сына есть камеры, и я провел *весь* день, наблюдая, как он играет со своим новым наставником. Они закончили строить замок, над которым работал Слава, съели тарелку с фруктами и сыром, которую принес Павел, затем сыграли в салки, где Хлоя преследовала его по комнате и по коридору, заставляя его смеяться так сильно, что он хихикал и фыркал. После этого Хлоя читала ему некоторые из его любимых комиксов —

англоязычные, а не русские переводы, которые Алина протащила тайком, чтобы завоевать благосклонность мальчика. Пока она говорила, Слава выглядел очарованным своей красивой молодой учительницей, в чем я не могу его винить.

Я бы убил за то, чтобы она сидела рядом со мной и читала мне этим мягким, слегка хриплым голосом, чтобы чувствовать, как ее рука играет с моими волосами, как она так небрежно играла с волосами моего сына, когда он прижимался к ней, как будто знал ей всю жизнь.

— Ей хорошо с ним, — продолжает Алина, когда я заканчиваю застегивать ремень и тянусь за пиджаком. "Действительно хорошо."

"Я отметил."

— И все же ты собираешься ее трахнуть. Как и *он*.

Я держу свой тон на уровне. «Я никогда не утверждал, что отличаюсь от других».

— Но ты можешь быть. Коля... — Она кладет руку мне на плечо, и когда я встречаюсь с ней взглядом, она тихо говорит: — Мы ушли. Мы пришли сюда. Это наш шанс начать все сначала, стать теми, кем мы хотим быть. Забудь нашего отца. Забудь обо всем этом. Ты потратил свое время; теперь очередь Валерия и Константина».

Сухой смешок вырывается из моего горла. «Почему ты думаешь, что я хочу начать сначала? Или быть кем-то другим, кроме того, кто я есть?»

«То, что ты ушел. Тот факт, что мы здесь, ведем эту дискуссию». Выражение ее лица серьезное, открытое на этот раз. «Пусть девушка будет воспитателем Славы и не более того. Развлекайтесь в другом месте. Она слишком молода для тебя. Слишком невинно.

— Ей двадцать три, а не двенадцать. А мне только что исполнился тридцать один год — едва ли непреодолимая разница в возрасте.

«Я не говорю о возрасте. Она не такая, как мы. Она мягкая. Уязвимая."

"В яблочко. И ты обратил на нее мое внимание. Я жестоко улыбаюсь. — Что, по-моему, должно было случиться?"

Лицо Алины каменеет. — Ты собираешься уничтожить ее. Но опять же, — ее губы кривятся в горькой улыбке, когда она отступает, — это метод Молотова, не так ли? Наслаждайся новой игрушкой, Коля. Не могу дождаться, когда увижу, как ты играешь с ней за ужином.

И, не сказав больше ни слова, уходит.

9

Хлоя

Держа Славу за руку, я подхожу к столовой, чуть не стуча коленями. Я не знаю, почему я так нервничаю, но я нервничаю. Одна только мысль о том, что я снова увижу Николая, заставляет меня чувствовать себя так, будто в моем животе поселился бешеный медоед.

Это вопрос мафии, говорю я себе. Теперь, когда эта идея пришла мне в голову, я не могу выкинуть ее из головы, как бы ни старалась. Вот почему мое дыхание учащается, а ладони становятся влажными каждый раз, когда я представляю себе циничный изгиб губ моего работодателя. Потому что он может быть преступником. Потому что я чувствую в нем темную, безжалостную грань. Это не имеет ничего общего с его внешностью и теплом, которое течет по моим венам всякий раз, когда его пристальный зелено-золотой взгляд останавливается на мне.

Это не может иметь к этому никакого отношения, потому что он женат, а я бы никогда

не переманила чужого мужа, особенно когда речь идет о ребенке.

И все же меня не покидает вопрос, как долго Николай и его жена вместе... любит ли он ее. До сих пор я видела их вместе ненадолго, так что невозможно сказать, хотя я чувствовала некоторую нехватку близости между ними. Но я уверена, что это было просто желанием с моей стороны. Почему мой работодатель не любит свою жену? Алина такая же великолепная, как и он, настолько, что они почти похожи. Неудивительно, что Слава такой красивый ребенок; с такими родителями он выиграл в генетическую лотерею, по-крупному.

Я смотрю на мальчика, о котором идет речь, и он смотрит на меня, его огромные глаза устрашающе похожи на глаза его отца. Выражение его лица торжественное, изобилие, которое он показывал, когда мы играли вместе, исчезло. Как и я, он кажется озабоченным предстоящим ужином, поэтому я ободряюще улыбаюсь ему.

— Ужин, — говорю я, кивая на стол, к которому мы приближаемся. — Мы собираемся ужинать.

Он моргает, глядя на меня, ничего не говоря, но я знаю, что он записывает это слово вместе со всем остальным, что я сказала ему сегодня. Маленькие дети, как губки, впитывают все, что говорят и делают взрослые, их мозг формирует связи с невероятной скоростью. Когда я училась в старшей школе, я нянчилась с китайской парой. Их пятилетняя дочь совершенно не говорила по-английски, когда я встретила ее, но после нескольких недель детского сада и дюжины вечеров со мной она говорила почти бегло. То же самое произойдет и со Славой, я не сомневаюсь.

Уже к концу дня он повторял за мной несколько слов.

В столовой еще никого нет, хотя Павел ворчливо велел мне быть здесь в шесть, когда принес поднос с фруктами и сыром в комнату Славы. Однако стол уже накрыт всевозможными салатами и закусками, и у меня текут слюнки от ожидающих нас вкусов. В то время как полдник утолял сильнейший мой мучительный голод, я все еще голоден, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы не жадно упасть на искусно расставленные тарелки с бутербродами с открытой икрой, копченой рыбой, жареными овощами и листовой зеленью. салаты. Вместо этого я помогаю Славе забраться на стул, на котором стоит детская подушка, а затем начинаю указывать на английском названия разных продуктов. «Мы называем это блюдо *салатом*, а зеленая штука внутри — *салатом*», — говорю я, когда *цоканье* высоких каблуков возвещает о прибытии Алины.

Я смотрю на нее с улыбкой. "Привет. Мы со Славой просто..."

— Почему он не изменился? Ее темные брови сходятся вместе, когда она смотрит на ребенка. — Он знает, что мы передеваемся к ужину.

Я моргаю. — О, я...

Она прерывает меня быстрым русским языком, и я вижу, как напрягаются плечи мальчика, когда он крадется на свое место, словно желая исчезнуть. Очевидно, понимая, что расстраивает сына, Алина смягчает тон и в конце концов добивается от ребенка того, что звучит как извинение.

Она смотрит на меня. "Прости за это. Слава знает лучше, чем спускаться вот так, но он забыл от всего волнения».

Мое лицо горит, когда я понимаю, что «вот так» означает его обычную повседневную одежду, которая ничем не отличается от джинсов и футболки с длинными рукавами, которые я ношу. Жена Николая, с другой стороны, переделалась в еще более гламурное платье — серебристо-голубое до щиколоток — и выглядит так, будто едет на голливудскую

премьеру.

— Извини, — говорю я, чувствуя себя туристом в поясной сумке, попавшим на парижский показ мод. «Я не знала, что существует дресс-код».

— О, ты в порядке. Алина элегантно машет рукой. «Это не требование для *тебя*. Но Слава — Молотов, и важно, чтобы он усвоил семейные традиции».

"Я понимаю." Вообще-то я не понимаю, но не мне спорить с семейными традициями, какими бы абсурдными они ни были.

— И не волнуйся, — добавляет Алина, садясь напротив Славы. — Если ты тоже хочешь одеться подобающе, я уверена, Коля купит тебе подходящую одежду.

Коля? Она так мужа называет?

— В этом нет необходимости, спасибо... — начинаю я, но впадаю в ошеломленное молчание, когда вижу приближающегося к столу Николая. Как и его жена, он переоделся к обеду, его дорогие дизайнерские джинсы и рубашка на пуговицах были заменены на строго скроенный черный костюм, белоснежную рубашку и узкий черный галстук — наряд, который не выглядел бы неуместным на высоком каблуке. — светская свадьба... или та самая премьера фильма, на которую Алина собирается пойти. И в то время как мужчина средней внешности мог легко сойти за красавца в таком костюме, смуглая мужская красота Николая усиливается до почти невыносимой степени. Когда я вижу его внешний вид, мой пульс зашкаливает, а легкие сжимаются вместе с нижними отделами моего...

Женат, Хлоя. Он женат.

Напоминание похоже на пощечину, выдергивающую меня из ослепленного транса. Насильно вдохнув в свои лишенные кислорода легкие, я дарю своему работодателю старательно сдержанную улыбку, которая *не* говорит о том, что мое сердце бешено колотится в груди и что я чертовски хочу, чтобы Алины не существовало. Тем более, что его поразительный взгляд направлен на меня, а не на его великолепную жену.

— Ты опоздал, — говорит она, когда он выдвигает стул и садится рядом с ней. — Это уже...

— Я знаю, который час. Он не сводил с меня глаз, отвечая ей холодно-пренебрежительным тоном. Затем его взгляд скользит по парню рядом со мной, и его черты напрягаются, когда он принимает непринужденный вид.

— Прости, это моя вина, — говорю я прежде, чем он успевает сделать выговор ребенку. «Я не понимала, что нам нужно одеться к ужину».

Внимание Николая возвращается ко мне. — Конечно, нет. Его взгляд скользит по моим плечам и груди, заставляя меня остро осознать мою простую футболку с длинными рукавами и тонкий хлопковый лифчик под ней, который никак не скрывает мои необъяснимо торчащие соски. «Алина права. Мне нужно купить тебе подходящую одежду.

— Нет, правда, это...

Он поднимает ладонь. "Домашние правила." Его голос мягкий, но его лицо можно было бы заложить в камень. «Теперь, когда ты член этого дома, ты должен соблюдать их».

— Я... хорошо. Если он и его жена хотят видеть меня за ужином в модной одежде и не против потратить на это деньги, пусть будет так.

Как он сказал, их дом, их правила.

"Хорошо." Его чувственные губы изгибаются. — Я рад, что ты такой любезный.

Мое дыхание учащается, лицо снова становится теплее, и я отвожу взгляд, чтобы скрыть свою реакцию. Все, что сделал мужчина, это улыбнулся, черт возьми, а я покраснела, как

пятнадцатилетняя девственница. И перед женой не меньше.

Если я не справлюсь с этой нелепой давкой, меня уволят до окончания обеда.

— Не хочешь салата? — спрашивает Алина, словно напоминая мне о ее существовании, и я переключаю свое внимание на нее, благодарная за отвлечение.

"Да, пожалуйста."

Она грациозно выкладывает порцию листового зеленого салата на мою тарелку, затем делает то же самое для своего мужа и сына. Тем временем Николай протягивает мне тарелку с бутербродами с икрой, и я беру один, и потому, что я достаточно голодна, чтобы съесть все, что состоит из хлеба, и потому, что мне интересно узнать о пресловутом русском деликатесе. Пару раз я ела рыбную икру такого типа — большую оранжевую — в суши-ресторанах, но я думаю, что она отличается от этой, подается на ломтике французского багета с толстым слоем масла под ним.

Конечно же, когда я откусываю его, богатый вкус умами взрывается на моем языке. В отличие от рыбной икры, которую я пробовала, русская икра консервируется с большим количеством соли. Сам по себе он был бы слишком соленым, но хрустящий белый хлеб и мягкое масло прекрасно его уравнивают, и я проглатываю остаток небольшого бутерброда за два укуса.

С веселым блеском в глазах Николай снова предлагает мне тарелку. "Более?"

— Я в порядке, спасибо. Я бы хотела еще один бутерброд с икрой — или двадцать, — но я не хочу показаться жадным. Вместо этого я поглощаю свой салат, который тоже очень вкусный, со сладкой, острой заправкой, от которой покалывают мои вкусовые рецепторы. Затем я пробую по кусочку все, что есть на столе, от копченой рыбы до какого-то картофельного салата и баклажанов на гриле, сбрызнутых соусом из йогурта с огурцом и укропом.

Когда я ем, я слежу за своим подопечным, который спокойно ест рядом со мной. Алина дала Славе маленькую порцию всего, что есть у взрослых, включая бутерброд с икрой, и у мальчика с этим, похоже, нет проблем. Нет спроса на куриные палочки или картофель фри, нет признаков типичной придирчивости четырехлетнего ребенка. Даже его манеры за столом такие же, как у ребенка постарше, и лишь в нескольких случаях он брал кусок еды пальцами, а не вилкой.

«Ваш сын очень воспитанный», — говорю я Алине и Николаю, и Николай приподнимает брови, как будто слышит это впервые.

«Вел себя хорошо? Слава?»

"Конечно." Я хмурюсь. — Ты так не думаешь?

«Я особо об этом не думал», — говорит он, глядя на мальчика, который усердно протыкает лист салата взрослой вилкой. — Я полагаю, он ведет себя достаточно хорошо.

Достаточно хорошо? Четырехлетний ребенок, который спокойно сидит и ест все, что ему подадут, без нытья и перебиваний взрослых разговоров? Кто обращается с посудой как профессионал? Может быть, это и есть в Европе, но я точно никогда не видел этого в Америке.

Кроме того, почему мой работодатель не уделил должного внимания поведению своего сына? Разве родители не должны беспокоиться о таких вещах?

«Ты был в окружении многих других детей его возраста?» — спрашиваю Николая по наитию, и на секунду ловлю его рот на губах.

— Нет, — коротко говорит он. — Нет.

Алина бросает на него неразборчивый взгляд, затем поворачивается ко мне. — Не знаю, говорил ли тебе об этом мой брат, — говорит она размеренным тоном, — но о существовании Славы мы узнали только восемь месяцев назад.

Я давлюсь маринованным помидором, который только что надкусил, и начинаю кашлять, пряный уксусный сок попал не в ту трубу. "Чего ждать?" Я задыхаюсь, когда могу говорить.

Восемь месяцев назад?

И она только что назвала Николая своим *братом* ?

«Вижу, для тебя это новость», — говорит Алина, протягивая мне стакан воды, который я с благодарностью выпиваю. — Коля, — она бросает взгляд на Николая, у которого выражение лица строгое, замкнутое, — мало ли он тебе о нас рассказывал?

— Эм, нет. Я ставлю стакан на стол и снова кашляю, чтобы избавиться от хрипоты в голосе. "Не совсем." Мой новый работодатель почти ничего не сказал, но я сделал множество предположений, причем неверных.

Алина — сестра Николая, а не его жена. Что означает, что мальчик не ее сын.

Они не знали о его существовании до восьми месяцев назад.

Боже, это так много объясняет. Неудивительно, что отец и сын ведут себя так, как будто они незнакомы друг другу — они *таковы* во всех смыслах и целях. И я был прав, когда почувствовал отсутствие любовной близости между Николаем и Алиной.

Они не любовники.

Они братья и сестры.

Глядя на них двоих сейчас, я не понимаю, как я могла упустить сходство — или, вернее, почему сходство, которое я заметила, не помогло мне понять их семейные отношения. Черты лица Алины — более мягкая, более нежная версия мужчины, сидящего передо мной, и хотя в ее зеленых глазах нет глубокого янтарного оттенка потрясающего взгляда Николая, форма ее глаз и бровей такая же.

Они явно, безошибочно братья и сестры.

Значит, Николай не женат.

Или, по крайней мере, не женат на Алине.

— Где мать Славы? — спрашиваю я, стараясь говорить непринужденным тоном. — Она...

"Она мертва." Голос Николая достаточно холоден, чтобы вызвать обморожение, как и его взгляд, направленный на Алину. Повернувшись ко мне лицом, он спокойно говорит: «Пять лет назад у нас был роман на одну ночь, и она не сказала мне, что беременна. Я понятия не имел, что у меня есть сын, пока восемь месяцев назад она не погибла в автокатастрофе, а ее подруга не нашла дневник, в котором я был назван ее отцом».

— О, это... — я сглатываю. «Должно быть, это было очень сложно. Для тебя и особенно для Славы. Я смотрю на мальчика рядом со мной, который все еще спокойно ест, как будто ему все равно. Но это совсем не так, теперь я это знаю. Сын Николая пережил одну из самых больших трагедий, которые могут случиться с ребенком, и каким бы хорошо приспособленным он ни казался, я не сомневаюсь, что потеря матери оставила глубокие шрамы на его психике.

Я взрослый, и мне трудно совладать со своим горем. Я не могу представить, каково это для маленького мальчика.

— Было, — мягко соглашается Алина. — На самом деле, мой брат...

"Достаточно." Тон Николая по-прежнему совершенно ровный, но я вижу напряжение в его челюстях и плечах. Тема для него неприятная, и неудивительно. Я не могу представить, каково это — узнать, что у тебя есть ребенок, которого ты никогда не видел, узнать, что ты пропустил первые годы его жизни.

У меня есть миллион вопросов, которые я хочу задать, но я точно знаю, что сейчас не время удовлетворять свое любопытство. Вместо этого я беру еще еды и следующие несколько минут трачу на комплименты шеф-повару, который, как оказалось, действительно грубый медвежий русский.

«Павел и его жена Людмила приехали с нами из Москвы», — объясняет Алина, когда из кухни появляется сам человек-медведь с большим блюдом бараньих отбивных, окруженным жареным картофелем с грибами. С ворчанием он ставит еду на стол, берет пару пустых тарелок из-под закусок и исчезает обратно на кухню, а Алина продолжает. «У Людмилы сегодня непогода, поэтому всю работу делает Павел. Обычно он готовит и убирает, а она подает еду. Но основная ее работа — присматривать за Славой.

— Они единственные, кто живет здесь, кроме твоей семьи? — спрашиваю я, принимая баранью отбивную и ложку картошки с грибами, когда она протягивает мне блюдо, отдав приличную порцию Славе, который снова без суеты вгрызается.

«Они единственные, кто живет с нами в доме», — отвечает Николай. — У охранников есть отдельный бункер на северной стороне поместья.

Мое сердце подпрыгивает. — Охранники?

«У нас есть несколько человек, охраняющих комплекс, — говорит Алина. «Поскольку мы так изолированы здесь и все такое».

Я изо всех сил стараюсь скрыть свою реакцию. — Да, конечно, в этом есть смысл. Но это не так. Во всяком случае, удаленное расположение должно сделать его более безопасным. Судя по карте, в гору ведет только одна дорога, а там уже неприступные на вид ворота, не говоря уже об этой нелепо высокой металлической стене.

Только люди с могущественными и опасными врагами сочтут нужным нанять охрану вдобавок ко всем этим мерам.

Русская мафия.

Слова снова шепчутся в моей голове, и мое сердцебиение усиливается. Опустив взгляд на тарелку, я нарезал баранью отбивную, изо всех сил стараясь держать руку ровно, несмотря на тревожный вихрь мыслей.

Я в опасности здесь? Я что, из огня да в полымя прыгнул? Нужно ли мне-
«Расскажи нам больше о себе, Хлоя».

Глубокий голос Николая прерывает мои нервные размышления, и я поднимаю глаза и вижу на себе его тигриные глаза, губы изогнулись в сардонической улыбке. И снова меня смущает ощущение, что он смотрит мне прямо в голову, что он точно знает, о чем я думаю и чего боюсь.

Отбросив тревожное чувство, я улыбаюсь в ответ. "Что бы вы хотели узнать?"

— В твоих водительских правах указано, что ты проживаешь в Бостоне. Ты там выросла?»

Я киваю, протыкая кусок бараньей отбивной. «Моя мама перевезла нас туда из Калифорнии, когда я была ребенком, и я выросла в районе Бостона и его окрестностях». Я вгрызаюсь в нежное, идеально приправленное мясо и снова вынуждена похвалить Павла — это лучшая баранья отбивная, которую я когда-либо ела. Картофель с грибами тоже

восхитительный, весь чесночный и маслянистый, такой вкусный, что я могла бы съесть фунт за присест.

— А как насчет твоего отца? — спрашивает Алина, когда я наполовину съела баранью отбивную. "Где он?"

— Не знаю, — говорю я, промокая губы салфеткой. «Моя мама никогда не говорила мне, кто он».

"Почему бы и нет?" Голос Николая становится резким. — Почему она тебе не сказала?

Я моргаю, ошеломленный, пока до меня не доходит, о чем он, должно быть, думает. «О, она не скрывала от него свою беременность. Он знал, что она беременна, и решил уйти». По крайней мере, это то, что я понял, основываясь на нескольких намеках, которые моя мама давала за эти годы. По какой-то причине она так ненавидела эту тему, что всякий раз, когда я настаивал на ответах, она ложилась спать с мигренью.

Тон Николая немного смягчается. "Я понимаю."

— Думаю, он не был готов к такой ответственности, — говорю я, чувствуя необходимость объяснить. «Моей маме было всего семнадцать, когда она родила меня, так что я предполагаю, что он тоже был очень молод».

— Ты предполагаешь? Алина приподнимает брови идеальной формы. — Твоя мама даже не сказала тебе его возраст?

«Она не любила об этом говорить. Это был трудный период в ее жизни». Мой голос напрягается, когда на меня накатывает новая волна горя, моя грудь сжимается от такой сильной боли, что я едва могу дышать сквозь нее.

Скучаю по маме. Я скучаю по ней так сильно, что это больно. Хотя я видела ее тело собственными глазами, часть меня все еще не может поверить, что она мертва, не может осознать тот факт, что такая красивая и энергичная женщина навсегда ушла из этого мира.

— Ты в порядке, Хлоя? — тихо спрашивает Алина, и я киваю, быстро моргая, чтобы сдерживать слезы, заливающие глаза.

"Ты уверена?" — настаивает она, ее зеленые глаза полны жалости, и вспышкой интуиции я понимаю, что она знает — и Николай тоже, который смотрит на меня с непроницаемым выражением лица.

Каким-то образом они оба знают, что моя мама мертва.

Прилив адреналина прогоняет горе, когда мой разум работает на пределе возможностей. Теперь почти нет сомнений: меня допрашивали до нашего интервью. Вот откуда Николай узнал о моем отсутствии постов в соцсетях, и почему Алина так на меня смотрит.

Они знают обо мне все, что угодно, в том числе и то, что я солгала им по недосмотру.

Быстро соображая, я делаю заметный глоток и смотрю на свою тарелку. «Моя мама...» Я позволяю моему голосу сорваться, как будто он этого хочет. — Она умерла месяц назад. Позволив слезам залить глаза, я поднимаю взгляд и встречаюсь взглядом с Николаем. «Это еще одна причина, по которой я решила отправиться в путешествие. Мне нужно было время, чтобы все обдумать».

Его глаза блестят более темным оттенком золота. «Мои глубочайшие соболезнования в связи с твоей утратой».

"Спасибо." Я вытираю влагу со щек. — Прости, что не упомянула об этом раньше. Это не то, что я чувствовала себя комфортно, небрежно упоминая в интервью». Тем более, что мою маму убили, а люди, которые это сделали, преследуют меня. Очень надеюсь, что

Николай об *этом* не знает.

С другой стороны, он бы не нанял меня, если бы он это сделал. Это не то, что вы хотите в своей семье.

«Я очень сочувствую твоей утрате», — говорит Алина с искренним сочувствием на лице. «Должно быть, тебе было тяжело потерять единственного родителя. У тебя есть другая семья? Бабушки и дедушки, тети, двоюродные братья?»

"Нет. Мою маму усыновила американская миссионерская пара из приюта в Камбодже. Они погибли в автокатастрофе, когда ей было десять, и никому из их семьи она не была нужна, поэтому она выросла в приемной семье».

— Значит, ты теперь совсем один, — бормочет Николай, и я киваю, сжимающая боль в груди возвращается.

В детстве я никогда не возражал против отсутствия большой семьи. Мама дала мне всю любовь и поддержку, о которых я только мог пожелать. Но теперь, когда она ушла, теперь, когда мы больше не вдвоем против всего мира, я с болью осознаю, что мне не на кого положиться.

Друзья, которых я завела в школе и колледже, заняты своей собственной, гораздо менее запутанной жизнью.

Понимая, что приближаюсь к опасной близости от жалости к себе, я отвожу взгляд от испытующего взгляда Николая и обращаю внимание на ребенка рядом со мной. Он доел картошку и теперь усердно работает над отбивной из баранины, его маленькое личико представляет собой само воплощение сосредоточенности, когда он изо всех сил пытается отрезать небольшой кусок мяса с помощью вилки и ножа, которые кто-то оставил у его тарелки. И не тупой нож для хлеба, я с удивлением осознаю.

Настоящий острый нож для стейка.

«Вот, дорогой, позволь мне», — говорю я, выхватывая у него это, прежде чем он успеет отрезать себе пальцы. "Это.."

«Ему нужно с чем-то научиться обращаться», — говорит Николай, протягивая руку через стол, чтобы взять у меня нож. Его пальцы касаются моих, когда он сжимает ручку, и я чувствую это, как удар током, тепло его кожи разжигает во мне откликающуюся печь. У меня все внутри сжимается, дыхание учащается, и все, что я могу сделать, это не отдергивать руку, словно опшаренную.

По крайней мере, он не женат, шепчет в моей голове коварный голосок, и я мстительно его шишу.

Женат он или нет, но он по-прежнему мой работодатель и, таким образом, строго запрещен.

Закусив губу, я смотрю, как он возвращает нож ребенку, который возобновляет свою опасную задачу.

— Ты не боишься, что он порежется? Я не могу сдержать суждение в своем голосе, когда смотрю на мизинцы, обвившие потенциально смертоносное оружие. Слава обращается с ножом с разумной степенью мастерства и ловкости, но он еще слишком молод, чтобы иметь дело с чем-то таким острым.

«Если он это сделает, в следующий раз он будет знать лучше», — говорит Николай. «Жизнь не приходит с предохранителем».

— Но ему всего *четыре*.

«Четыре и восемь месяцев», — говорит Алина, когда мальчик успевает отрезать кусок

бараньей отбивной и, довольный собой, засовывает его в рот. — Его день рождения в ноябре.

Мне хочется продолжать спорить с ними, но это мой первый день, и я уже вышла за рамки разумного. Поэтому я держу рот на замке и сосредотачиваюсь на еде, чтобы не смотреть на ребенка с ножом рядом со мной... или на его бессердечного, но опасно привлекательного отца.

К сожалению, сказал отец, продолжает смотреть на меня. Каждый раз, когда я отрываю взгляд от своей тарелки, я нахожу на себе его завораживающие глаза, и мое сердцебиение учащается, моя рука покалывает при воспоминании о том, каково это было, когда его пальцы касались моих.

Это плохо.

Так плохо.

Почему он так смотрит на меня?

Он не может быть привлечен ко мне также... не так ли?

10

Николай

Если у меня и были какие-то сомнения в том, что я получу удовольствие от разгадывания тайны Хлои, они исчезли к тому времени, когда Павел принес десерт. Все в ней завораживает меня, от смеси правды и лжи, так легко слетающей с ее губ, до того, как она деликатно и вежливо поглощает достаточно еды, чтобы накормить двух полузащитников НФЛ. И под моим очарованием скрывается первичное влечение, более мощное, чем все, что я когда-либо испытывал. Я никогда не хотел женщину так сильно, и так мало провокаций. Она не флиртует, не делает ничего, чтобы привлечь мое внимание, но с того момента, как я сел напротив нее, я был тверд, вид ее плюшевых губ, смыкающихся вокруг вилки, возбуждал меня больше, чем самое эротическое стриптиз-шоу. в Москве.

Даже разговоры о Ксении и о том, как она трахала меня со Славой, не могли охладить горящий во мне огонь.

«Это должно быть самое вкусное, что я когда-либо ела», — говорит Хлоя, попробовав вилку десерта «Наполеон», и я бормочу свое согласие, хотя едва чувствую вкус многослойного торта из слоеного теста. Мои мысли заняты тем, какие у *нее* будут вкусы и ощущения, когда я уложу ее в постель.

У меня такое чувство, что новый репетитор моего сына будет самым восхитительным, что у *меня* когда — либо было.

— Не надо, Коля, — тихо говорит Алина по-русски, когда Хлоя поворачивается к Славе и начинает учить его английскому слову «*торт*». — Пожалуйста, умоляю тебя, оставьте ее в покое.

Я раздраженно смотрю на сестру. — Я не собираюсь ее заставлять. Это не мое дело, и, кроме того, после того, как я наблюдал, как девушка украдкой посматривает на меня в течение последнего часа, я еще больше уверен, что это влечение работает в обоих направлениях.

Она будет моей. Это только вопрос времени.

— Я начинаю думать, что ты можешь быть хуже, чем он, — тихо говорит Алина. «По крайней мере, он пытался оправдать это ерундой. Но ты даже не пытаешься, не так ли? Ты просто делаешь все, что, черт возьми, хочешь, независимо от того, кто пострадает в процессе».

"Вот так." Я одариваю ее жесткой улыбкой. — И тебе следует помнить об этом.

Если моя сестра думает, что сравнение меня с нашим отцом что-то изменит, то она очень ошибается. Я знаю, что я похож на него. Я всегда был им — вот почему я никогда не собирался иметь детей.

Наш небольшой диалог на русском привлекает внимание Хлои, и ее глаза встречаются с моими, когда она смотрит на меня. Она тут же отводит взгляд, но не раньше, чем я вижу, как ее гладкая шея нервно сплывает, когда ее язык высовывается, чтобы увлажнить нижнюю губу.

О, да, она меня привлекает. Привлекал и беспокоил этот факт.

Я отталкиваю недоеденный десерт и беру чашку чая, чтобы сделать большой глоток. Снова поймав ее взгляд, я ставлю чашку и медленно, нарочито улыбаюсь ей. «Итак, что ты думаешь о своей первой русской трапезе, Хлоя?»

"Это было удивительно." Ее голос слегка задыхается. "Павел — прекрасный повар."

Я позволила своей улыбке стать глубже. — Он есть, не так ли? Он еще более опытен в других вещах, например, в работе с ножами, но я не собираюсь говорить ей об этом. Она уже складывает два и два и получается четыре. Я видел, как она отреагировала, когда я упомянул охранников. Она подозревает, что мы не просто богатая семья, и это заставляет ее нервничать почти так же, как ее влечение ко мне.

Интересно, это естественная настороженность скрытого гражданского лица, или в этом есть что-то еще... например, какие-то секреты, которые она пытается скрыть.

Разумнее и благоразумнее было бы раскрыть эти секреты до того, как нанять ее, но это потребовало бы времени, а я не хотел, чтобы она ускользнула и исчезла. Кроме того, понаблюдав за ней во время еды, я еще больше убедился, что она не представляет физической угрозы для моей семьи. То, как она выхватила нож у Славы, выдавало не только ее чрезмерную заботу о мальчике, но и отсутствие навыков обращения с лезвием. Она держала нож так, будто никогда не использовала его как оружие, будь то наступательное или оборонительное, и я сомневаюсь, что это было притворством — не тогда, когда ее страх за Славу был вполне реальным.

Она считает, что моего сына, коктейля Молотова, нужно защищать от чего-то такого безобидного, как острое лезвие.

Необъяснимая тяжесть в моей груди возвращается, и мне приходится изо всех сил не смотреть на мальчика. Если я это сделаю, будет только хуже. Вместо этого я сосредоточиваюсь на Хлое и на том, как ее ресницы опускаются в ответ на мою улыбку, как ее грудь вздымается и опускается в более быстром ритме. Ее соски снова твердеют, я отмечаю с диким удовлетворением; какой бы бюстгальтер она ни носила под рубашкой, если он вообще есть, это довольно показательно.

Мне не терпится увидеть ее в красивом дизайнерском платье, с обнаженными стройными плечами. Что-то облегающее и кремового цвета, чтобы подчеркнуть теплый оттенок ее кожи. Она наденет его для меня перед ужином, и я проведу всю трапезу, фантазируя, как я сорву его с нее позже той ночью — не то чтобы мне нужно, чтобы она была одета каким-то особым образом, чтобы эти фантазии проявились в моем сознании.

Дешевая футболка и джинсы, которые она носит, отлично подходят для этой цели.

«Ты можешь идти спать, Хлоя», — говорит Алина, когда Павел выносит поднос с джестивами, затем помогает Славе подняться со стула и ведет его наверх, чтобы подготовить его ко сну. — Не чувствуй себя обязанной оставаться здесь с нами. Я уверен,

что ты устала после такого долгого дня.

— И я уверен, что она может остаться выпить, — говорю я прежде, чем Хлоя успевает сделать больше, чем благодарно улыбнуться Алине. Я ни за что не позволю девушке сбежать так быстро. — На самом деле, — продолжаю я, пристально глядя на сестру, — разве ты не говорила, *что* устала? Может быть, тебе стоит вместе с Павлом прочесть Славке сказку на ночь, а самому пораньше лечь спать.

Алина хочет поспорить со мной, я это вижу, но даже она знает, что сейчас не стоит толкать меня дальше. Она стала смелее с тех пор, как мы уехали из Москвы, свободнее с ее острым языком. Она думает, что, поскольку я временно передал бразды правления нашим братьям, я смягчился, но она очень ошибалась.

Зверь внутри меня жив и здоров... и сосредоточен на новой милой добыче.

«Хорошо», — говорит она после напряженного момента. — В таком случае, спокойной ночи. Наслаждайтесь своим напитком».

Она встает, и Хлоя следует ее примеру. "Я думаю я сделаю это"

— Сядь, — говорю я командным жестом, и девушка снова опускается вниз, моргая, как испуганный олень, а Алина уходит, бросив последний взгляд в мою сторону.

Я жду, пока она уйдет, прежде чем украсить мою добычу улыбкой. — Так скажи мне, Хлоя... — я тянусь к графинам на подносе. «Ты предпочитаешь коньяк, бренди или виски для дижестива?»

11

Хлоя

Я смотрю на Николая, мое сердце тяжело стучит. Я неправильно истолковала ситуацию, или он спланировал так, чтобы мы остались за столом одни?

— Я... не очень-то пью, — говорю я, у меня пересохло в горле. Взгляд его ярко окрашенных глаз снова заставляет меня почувствовать себя мышью, пойманной в ловушку очень большой кошкой, за исключением того, что ни одна мышь не почувствовала бы такого притяжения к хищному кошачьему.

Я хочу прикоснуться к нему почти так же сильно, как хочу убежать.

Он выгибает свои темные брови. «Никакого алкоголя никогда? Мне трудно в это поверить.»

"Это не то, что я имела ввиду. Просто, знаешь, обычно пиво или вино на вечеринке... — Мой голос затихает, когда он поднимает один из хрустальных графинов и наливает на два пальца янтарную жидкость в стакан для виски, а затем пододвигает его ко мне.

"Попробуй это. Это один из лучших коньяков в мире».

Я нерешительно поднимаю стакан и нюхаю его содержимое. Я никогда не пила коньяк. Водка выстреливает кучу раз, да. Текила в нескольких памятных случаях, конечно. Но не коньяк — и, судя по крепким спиртным испарениям, ударяющим мне в ноздри, это не то, что мне следует пить в присутствии Николая сегодня или в любую другую ночь.

Не тогда, когда я так запутался в том, что происходит между нами.

Он тоже наливает себе стакан. «За наше новое партнерство». Он поднимает бокал в тосте, и у меня нет другого выбора, кроме как чокнуться своим стаканом с его. Поднеся его к губам, я делаю глоток — и начинаю кашлять, мои глаза слезятся, а горло и грудь полыхают огнем.

Черт, эта штука *сильная* .

Николай наблюдает за мной, в его взгляде мерцает темное веселье. — Ты действительно не очень-то пьешь, — говорит он, когда я, наконец, отдышалась. «Попробуй еще раз, но на этот раз медленнее. Подержите его во рту несколько секунд, прежде чем проглотить. Впитайте вкус, текстуру... жжение».

Я знаю, что это плохая идея, но я слеую его инструкциям, делаю еще один глоток и немного задерживаюсь, прежде чем дать ему пролиться в горло. Он по-прежнему обжигает мой пищевод, но уже не так сильно, как в первый раз, и вслед за огненным ощущением по моим конечностям разливается приятное тепло.

"Лучше?" — мягко спрашивает он, и я киваю, не в силах оторвать взгляд от его гипнотического взгляда. Может быть, это из-за алкоголя, который уже мешает моим запретам, или из-за того, что мы совсем одни, но это странно похоже на свидание... как будто между нами нарастает чувство близости. Мне хочется протянуть руку через стол и проследить чувственный изгиб его губ, положить руку на его широкую ладонь и почувствовать ее силу и тепло.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня, и если я не ошибаюсь в кипящем жаре в его глазах, возможно, он тоже этого хочет.

— Почему ты попросил меня остаться выпить?

Я хочу взять слова обратно, как только они слетят с моих губ, но уже слишком поздно. На его лице появляется сардоническая улыбка, и он склоняет голову набок, лениво помешивая коньяк в стакане. "Почему ты так думаешь?"

— Я не... — я облизываю губы. "Я не знаю."

— А если бы тебе пришлось рискнуть предположить?

Мое сердцебиение учащается. Я никак не могу сказать, что я думаю. Если я ошибаюсь, мне будет очень плохо. На самом деле, я не понимаю, как это может пойти мне на пользу. Если я права и я ему нравлюсь, это открывает огромную банку с червями. И если бы я это вообразила...

— Не раздумывай, *зайчик*. Его голос обманчиво мягок. — Это не один из твоих школьных экзаменов.

Верно. И я бы предпочла, чтобы это было так, потому что тогда единственное, о чем мне придется беспокоиться, это плохая оценка. Ставки здесь бесконечно выше. Если я ошибусь, если расстрою его, я могу потерять работу, а вместе с ней и всякую надежду на безопасность.

Там, за пределами этого поместья, на меня охотятся монстры, а здесь находится человек, который может быть не менее опасным... и не только потому, что ему нравится играть со мной в эту садистскую игру.

"Что это значит?" — осторожно спрашиваю я. — Что-нибудь?

— Зайчик? Тьма мерцает в его улыбке. «Это означает *маленький зайчик*. Какая-то русская ласка».

Мое лицо горит, пульс становится неровным. Вероятность того, что я ошибаюсь, уменьшается с каждым моментом, и это заставляет меня нервничать еще больше. Я не девственница, но я никогда не встречалась ни с кем, даже отдаленно похожим на этого мужчину. Мои бойфренды в колледже были именно такими — мальчишки, которые начинали как мои друзья, — и я понятия не имею, как вести себя с этим опасно притягательным незнакомцем, который также является моим боссом.

И кто может быть в мафии.

Это последняя мысль, которая вносит столь необходимую ясность в противоречивый клубок эмоций в моей голове.

Успокоив взвинченные нервы, я поднимаюсь на ноги. «Спасибо за ужин и выпивку. Если вы не возражаете, я сейчас пойду спать. Алина права — это был долгий день.

В течение двух долгих ударов сердца он ничего не говорит, просто наблюдает за мной с этой насмешливой улыбкой, и моя тревога зашкаливает, мой желудок скручивается узлами. Но затем он ставит свой стакан и тихо говорит: — Спи спокойно, Хлоя. Увидимся завтра утром».

И вот так я свободна — и в равной степени испытываю облегчение и разочарование.

12

Николай

Ворочаюсь два часа, пытаюсь уснуть, но ничего не получается. В конце концов, я сдаюсь и просто лежу, уставившись в темный потолок, мои мышцы напряжены, а член твердеет и болит, несмотря на облегчение, которое я дал ему кулаком.

Что такого в этой девушке, что меня заводит? Ее внешность? Таинство, которое она представляет? Это было все, что я мог сделать, чтобы отпустить ее этим вечером, отступить и позволить ей лечь спать, вместо того, чтобы потянуться через стол, чтобы притянуть ее к себе.

Что бы она сделала, если бы я поддался этому импульсу?

Напряглась бы она, закричала бы... или растаяла бы рядом со мной, ее карие глаза стали мягкими и туманными, а губы приоткрылись для моего поцелуя?

Ругаясь себе под нос, я встаю, накидываю халат и иду к своему компьютеру. В Москве позднее утро, так что я мог бы встретиться с братьями по какому-нибудь делу.

Все лучше, чем заикливаться на Хлое и разочаровывающей боли в яйцах.

Константин не отвечает на мой видеозвонок, поэтому я пытаюсь связаться с Валерием. Мой младший брат отвечает сразу же, его лицо, как всегда, гладкое и ничего не выражающее. Несмотря на разницу в четыре года между нами, мы достаточно похожи, чтобы нас приняли за близнецов, и часто таковыми являются, как и наш старший брат Константин и двоюродный брат Роман.

Гены Молотова — мощная и ядовитая штука.

— Уже скучаешь по нам? Тон Валери ничего не выдает его эмоций, если они у него есть. Возможно, мой брат чувствует так же мало, как и показывает. Я никогда не видел, чтобы он выходил из себя, даже в детстве, и уж точно никогда не видел, чтобы он плакал. С другой стороны, большую часть его детства я провел в школе-интернате, так что не могу претендовать на звание эксперта по Валерию.

Мы не близки, мои братья и я; наш отец позаботился об этом.

— Вы получили разрешение на завод-изготовитель? Спрашиваю вместо ответа. — Или это еще впереди?

Валерий смотрит на меня немигающим взглядом. — Пока мы разговариваем, оно на столе президента. Он обещал вернуть мне его к завтрашнему дню.

"Хороший." Это сделка, над которой я работал несколько месяцев, прежде чем покинуть Москву, и я хочу, чтобы она состоялась. — А как насчет налогового кредита?

«Прогресс, как и ожидалось». Мой брат наклоняет голову. «Почему ночной звонок? Все это могло подождать до завтра».

Я пожимаю плечами. — Просто у меня проблемы со сном.

Взгляд Валерия обостряется. — Что-то связанное со Славой?

"Нет." По крайней мере, не так, как он думает. — Где Константин? Я хочу, чтобы его команда более подробно изучила Хлою Эммонс, уделив особое внимание прошлому месяцу.

Мне нужно знать, что она делала и куда ходила, пока была вне сети.

«Берлин», — отвечает Валерий. «Приобретение дополнительных серверов».

"Опять таки?"

Его очередь пожимать плечами. В мое отсутствие мои братья распределили обязанности в соответствии со своими интересами и силами, а технология полностью перешла в сферу компетенции Константина. Не то чтобы это когда-либо было иначе; даже когда мы учились в начальной школе, наш старший брат мог объехать лучших программистов страны. Главное отличие сейчас в том, что Валерий не вмешивается в дела Константина, позволяя ему делать все, что ему заблагорассудится, тогда как, когда я возглавлял семейную организацию, я курировал все, включая предприятия Константина в даркнете.

— Хорошо, — говорю я. — Я свяжусь с ним там. А теперь расскажи мне об остальном».

И Валерий делает. К тому времени, когда мы заканчиваем разговор, я чувствую, что снова в курсе дела — или, по крайней мере, настолько, насколько это возможно, находясь за полмира от меня. Так много наших дел происходит лично, на гала-концертах, в оперных театрах и в дорогих ресторанах, которые часто посещают влиятельные воротилы Восточной Европы. Вы не можете незаметно подкупить политика по электронной почте, не можете запугать поставщика, чтобы он предоставил вам скидку по Skype. Все дело в том, чтобы общаться с нужными людьми, быть в нужном месте в нужное время и не оставлять следов, цифровых или иных, если вам нужно пересечь черту, чтобы добиться цели.

Выключив свой ноутбук, я сбрасываю халат и иду к окну, где полумесяц, частично спрятанный за облаком, дает достаточно света, чтобы разглядеть верхушки деревьев на склоне горы. Я все еще напряжен, каждая мышца моего тела напряжена. Звонок отвлек меня, как я и надеялся, но теперь, когда все закончилось, я снова думаю о Хлое. Желая ее снова.

Блядь.

Может, мне не стоило позволять ей вставать из-за стола. Мне нравилась ее нервозность, настороженность в ее красивых карих глазах. Она напоминала мне дикого зайца, готового бежать при первых признаках опасности, и мне хотелось погнаться за ней, если бы она это сделала.

Но я этого не сделал. Я отпустил ее. Она выглядела усталой, а не такой уставшей, какой бывает от недосыпания в течение ночи или двух. Это было истощение, глубокое и тотальное. Одежда на ней была свободна, как будто она недавно похудела, а тонкие черты лица были четче, чем на фотографиях, глаза обведены глубокими тенями. Что бы с ней ни случилось, она оказалась на грани обморока, и в тот момент, когда она встала со своего места, такая хрупкая и смелая, я почувствовал странное желание утешить ее... признаки напряжения на ее лице.

Нет, это идиотизм. Я почти не знаю девушку. Я не хотел доводить ее до предела, вот и все.

Подойдя к своему шкафу, я натягиваю шорты для бега и кроссовки и выхожу из комнаты. Может быть, это ик лучшему, что я позволил ей быть сегодня вечером. Завтра я свяжусь с Константином и начну процесс раскрытия ее секретов. А пока не помешает дать

ей отдохнуть, прийти в себя... привыкнуть к мысли, что я хочу ее.

Неважно, что думает мой член, спешить некуда.

Ведь она сейчас здесь и никуда не денется.

13

Хлоя

"Нет!"

Я приземляюсь на четвереньки, тяжело дыша, все мое тело дрожит и покрывается потом. Темно, я голая и понятия не имею, где я и что происходит. Затем я ощущаю деревянный пол под своими ладонями и слабый лунный свет, льющийся через окно размером со стену, и все встает на свои места.

Я нахожусь в своей комнате в поместье Молотова, и ничего из того, что я видел, не соответствует действительности.

Это был еще один кошмар.

Морщась, я встаю на колени, которые тут же протестующе кричат. Должно быть, я поранила их, когда бросила със кровати.

Стройная коричневая рука в луже крови... Пистолет в руке в черной перчатке... Огромный пикап несется ко мне...

Новый всплеск адреналина заставляет меня подняться на ноги, несмотря на боль. Втягивая воздух, я шарю в темноте в поисках выключателя. Моя рука падает на кровать, и я нащупываю путь к тумбочке.

При моем прикосновении загорается прикроватная лампа, освещая комнату мягким золотым сиянием. Мои колени подгибаются от облегчения, и я опускаюсь на матрас, позволяя свету разогнать затянувшиеся обрывки кошмара.

Это был просто сон.

Я в безопасности.

Они не могут добраться до меня здесь.

Через пару минут я чувствую себя достаточно уверенно, чтобы стоять, и иду в ванную, чтобы смыть пот, высохший на моей коже. Прежде чем сделать это, я выключил лампу, так как у меня закончилась чистая одежда для сна, но я не мог понять, как управлять жалюзи на окне. Вероятно, где-то спрятана кнопка, но я слишком устала, чтобы найти ее прошлой ночью. Как только я добралась до своей комнаты, я сняла одежду, вручную постирала рубашку и нижнее белье в раковине, чтобы утром было что надеть, и отключился, как только моя голова коснулась подушки.

Даже беспокойство о моем вызывающе привлекательном работодателе не могло не дать мне уснуть.

Однако теперь, когда я стою в душе, мои мысли обращаются к нему, и мое сердцебиение учащается, мое дыхание учащается от смеси беспокойства и волнения.

Николай хочет меня.

Я думаю.

Может быть.

Я могу ошибаться.

Или нет.

Жар разлился по низу моего живота, мои груди напряглись, когда я представила мрачный взгляд его глаз и прокручивала в памяти то, что он сказал... и то, как он это сказал.

Нет, я не ошибаюсь. По крайней мере, не о его влечении ко мне. Возможно, он просто играл со мной и не собирался действовать в соответствии с этим влечением, но я так не думаю.

Я думаю, что он собирается трахнуть меня, и я понятия не имею, как я к этому отношусь.

На самом деле это ложь. Мой разум может разрываться, но мое тело очень прямолинейно в своих чувствах. Жар внутри меня усиливается, ноющая теснота скручивается глубоко внутри, когда я представляю, что было бы, если бы он в этот самый момент подошел ко мне в комнату и постучал в мою дверь... затем, не получив ответа, открыл ее и ушел.

Если бы он сидел на кровати и ждал, когда я выйду из ванной голой.

Мои глаза закрываются, руки обхватывают груди, затем скользят вниз по моему телу, когда я представляю, как он встает и идет ко мне... тянется, чтобы прикоснуться ко мне. Мои пальцы скользят между бедер, там, где я скользкая и ноющая, и я представляю, что это его рука, его безжалостно чувственный рот там внизу. Мое дыхание сбивается, когда боль превращается в горячую пульсацию, мышцы ног дрожат от нарастающего напряжения, и с внезапным всплеском ощущений я кончаю, сжимая пальцы ног на мокрых плитках, когда я прислоняюсь к стеклянной стене киоска, задыхаясь. для воздуха.

Ошеломленный, я открываю глаза и убираю руку, мое сердце бешено колотится в груди.

Я не могу поверить в то, что только что произошло. Я никогда раньше не могла испытывать оргазм таким образом, используя только пальцы. Обычно мне нужно как минимум пятнадцать минут с моим вибратором — или чтобы парень кончил на меня в течение получаса — и даже тогда это бывает удачно или нет, в зависимости от того, насколько я напряжена или устала. Возбуждение для меня — это во многом психологическая вещь, поэтому я никогда не шла на случайные связи.

Мне нужно знать мужчину, чтобы сблизиться с ним.

Я должна любить его и доверять ему.

Или, по крайней мере, я всегда так думал. Я понятия не имею, нравится ли мне Николай, и уж точно не доверяю ему.

Так почему же одна мысль о нем приводит меня на грань оргазма?

Почему меня тянет к мужчине, который заставляет меня чувствовать себя затравленной добычей?

Свет, падающий на мое лицо, вырывает меня из крепкого сна, и я со стоном переворачиваюсь, чтобы спастись от него. Но оно повсюду, яркое и теплое, и до меня доходит, что должно быть утро, даже если мне так не кажется.

С усилием открыв тяжелые веки, я сажусь и тру лицо. Хотя я сразу же заснул после импровизированного сеанса мастурбации, я все еще чувствую усталость, как будто я проспала всего несколько часов вместо девяти или десяти, которые я, должно быть, проспала. Я понятия не имею, сколько сейчас времени, но я почти уверена, что лег спать раньше десяти.

Должно быть, все эти бессонные недели догоняют меня.

Спустив ноги на пол, я люблюсь великолепным видом за окном. Несмотря на яркий солнечный свет, следы тумана окутывают далекие горные вершины, и все это выглядит как нечто с откровения. Мне хочется посидеть и насладиться минуткой, но я заставляю себя встать и пойти в ванную умыться. Это мое первое утро на работе, и я не хочу произвести плохое

впечатление, опоздав. Не то чтобы я знаю, что такое «опоздание» — вчера мы не обсуждали ни мое рабочее время, ни расписание Славы.

Я вымылась после ночного душа, поэтому моя утренняя рутина занимает считанные минуты. Рубашка и нижнее белье, которые я постирала вручную, все еще немного влажные, но я все равно надеваю их и делаю себе заметку поговорить с Павлом или кем-нибудь о ситуации со стиркой как можно скорее. Кроме того, о моих часах.

Мне нужно понять, каковы ожидания Николая, чтобы я могла их оправдать и превзойти.

Мой пульс учащается при мысли о нем, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы собрать волосы в пучок, чтобы отвлечься от все более активных бабочек в животе. Я ложился спать с мокрыми волосами, так что в них были какие-то странные завитки, и в любом случае более профессионально убирать волосы с лица.

Вернувшись в спальню, я заправляю постель, натягиваю кроссовки и расправляю плечи.

Я могу сделать это.

Я должна сделать это, независимо от того, что заставляет меня чувствовать мой новый босс.

14

Хлоя

Я не вижу никого в столовой или гостиной внизу, поэтому я хожу вокруг, пока не найду кухню. Войдя, я вижу фигуристую женщину с обесцвеченными светлыми волосами, подстриженными под короткий пушистый боб. Одета в цветочное бело-розовое платье, она склонилась над раковиной и моет тарелку, так что я прочищаю горло, чтобы предупредить ее о своем присутствии.

— Привет, — говорю я с улыбкой, когда она оборачивается, вытирая руки полотенцем. — Ты, должно быть, Людмила.

Она смотрит на меня, потом качает головой. «Людмила, да. Ты учитель Славы? У нее русский акцент еще сильнее, чем у мужа, а ее круглое румяное лицо напоминает мне расписную матрешку, одну из тех, у которых внутри другие куклы, как слои лука. Я предполагаю, что ей около тридцати пяти, хотя ее кожа настолько гладкая, что она могла бы легко сойти за десять лет моложе.

«Да, привет. Я Хлоя. Подойдя, протягиваю руку. "Рада встрече."

Она осторожно сжимает мои пальцы и слегка трясет мою руку, когда я спрашиваю: «Ты не знаешь, где Слава, и не позавтракал ли он уже?»

Она непонимающе моргает, поэтому я повторяю вопрос, стараясь произносить каждое слово.

— Ах да, Слава. Она указывает на большое окно слева от меня, которое выходит на переднюю часть дома, где я припарковала свою машину. Только машины нет. Я хмурюсь, но потом понимаю, что Павел, должно быть, перепарковал его вчера, когда принес мой чемодан.

Мне придется спросить его, где она, вместе с моими ключами от машины. Я не думаю, что они когда-либо вернули их мне.

Прежде чем я успеваю задать вопрос Людмиле, я замечаю свою юную ученицу. Он мчится по подъездной дорожке, а за ним по пятам следует Павел. Мужчина-медведь несет на крючке огромную рыбу, а у мальчика такая же широкая улыбка на лице. Они вдвоем, должно быть, порыбачили ранним утром.

Я украдкой смотрю на часы на микроволновке и вздрагиваю.

Нет, не раннее утро. Скорее в середине утра.

Уже почти десять.

Мой желудок урчит, как по команде, и улыбка рассекает круглое лицо Людмилы.

"Есть?" — спрашивает она, и я киваю, печально улыбаясь в ответ.

По крайней мере, мой желудок говорит на универсальном языке.

— Ничего, если я возьму что-нибудь? — спрашиваю я, указывая на холодильник, но Людмила сама суетится и достает тарелку с чем-то вроде фаршированных блинчиков.

"Это хорошо?" — спрашивает она, и я благодарно киваю. Я не придирчивая едок, и если эти блины хоть чем-то похожи на вкусную русскую еду, которую я ела прошлой ночью, я буду на седьмом небе от счастья.

— Спасибо, — говорю я, подходя, чтобы взять у нее тарелку, но она ставит ее в микроволновку и указывает на стойку за раковиной.

"Идти. Садись. Я делаю для тебя."

Я еще раз благодарю ее и сажусь на один из барных стульев за стойкой. Я не хочу быть обузой, но из-за языкового барьера мой вежливый протест может быть истолкован как отказ или неприязнь.

"Чай? Кофе?" она спрашивает.

"Кофе, пожалуйста. С молоком и сахаром, если есть."

Она принимается за приготовление, а я осматриваю кухню. Он такой же современный, как и остальная часть дома, с глянцево-белыми шкафами, серыми кварцевыми столешницами и черными приборами из нержавеющей стали. Часть большого кухонного острова посередине занята длинным рядом трав в горшках, а над ними искусно нависает винный стеллаж с разнообразными бутылками.

Через минуту гудит микроволновка, и Людмила приносит мне блюдо с блинами, чистую тарелку, приборы и банку меда.

«Вау, спасибо», — говорю я, когда она накрывает для меня один из блинчиков, поливает его медом, а затем изображает, что я разрезаю и ем его. «Это выглядит потрясающе».

Я отрезаю кусок блина и изучаю его содержимое. Он похож на сыр рикотта с изюмом, и когда я кладу кусок в рот, я нахожу его одновременно сладким и пикантным — и даже более вкусным, чем я ожидала. Мой живот снова урчит, громче, и Людмила усмехается при этом звуке.

"Тебе нравится?"

— О, да, спасибо. Это так хорошо, — бормочу я, уже набив рот вторым укусом, и Людмила удовлетворенно кивает.

"Хорошо. Ты ешь. Настолько мала." Она машет руками в воздухе, словно измеряя размер моей талии, и неодобрительно ц-цк. "Слишком маленькая."

Я неловко смеюсь и принимаюсь за еду, а она возвращается к мытью посуды. Забавно, ее тупая критика моей фигуры, но тоже правда. Я всегда была стройной, но после месяца случайных приемов пищи я стала совершенно худой, мышцы на моем теле тают вместе с тем небольшим количеством жира, что у меня было. Даже добыча, которую я когда-то считал слишком заметной, теперь почти не видна; Мне, вероятно, придется сделать миллион приседаний, чтобы вернуть его.

Что я и сделаю, когда все это закончится.

Если это когда-нибудь закончится.

Нет, не если. Я отказываюсь так думать. Я зашла так далеко, ускользая от преследователей, несмотря ни на что, и теперь все налаживается. Впервые с тех пор, как начался этот кошмар, я проспала всю ночь, у меня сытый живот, и я нахожусь где-то, где меня не могут устроить из засады. И через шесть дней я получу свою первую зарплату, а вместе с ней и больше вариантов, включая уход отсюда, если это то, что мне нужно сделать, чтобы быть в безопасности.

Если тьма, которую я почувствовала в Николае, была чем-то большим, чем продукт моего воображения.

В этой светлой, залитой солнцем кухне мои опасения по поводу мафии кажутся преувеличенными, иррациональными, как и мой вывод о том, что он хочет меня. Как заметила Людмила, я выгляжу не лучшим образом, и я уверена, что такой богатый и великолепный мужчина, как мой работодатель, привык к красавицам мирового уровня. Чем больше я думаю об этом, тем больше кажется, что мое влечение к нему могло привести к тому, что я неверно истолковала ситуацию прошлой ночью. Ласкательное имя, наводящие вопросы, низкий соблазнительный тон его голоса — все это могло быть следствием культурных различий. Я мало что знаю о русских мужчинах, но, возможно, они всегда так относятся к женщинам — так же, как возможно, что богатые русские привыкли иметь охрану из-за высокого уровня коррупции и преступности в их стране.

Да, наверное, это так. Со всем стрессом последнего месяца я дал волю своему воображению. Зачем мафиозной семье поселиться здесь, в этой отдаленной глуши? Нью-Йорк, конечно; Бостон, вполне вероятно. Но Айдахо? Это бессмысленно.

Покачав головой своей глупости, я допиваю остатки блинов и пью кофе, приготовленный Людмилой. Затем, впервые за несколько недель чувствуя себя приподнятой и полной надежды, я встаю, несу посуду в раковину, куда Людмила выносит ее, несмотря на мои протесты, и отправляюсь на поиски моей ученицы.

Я могу сделать это.

Я действительно могу.

На самом деле, я с нетерпением жду этого.

Я сворачиваю за угол в гостиную, быстро иду, когда натыкаюсь на большое твердое тело. Удар выбивает воздух из моих легких и чуть не отправляет меня в полет, но прежде чем я успеваю упасть, сильные руки смыкаются вокруг моих предплечий, притягивая меня к упомянутому телу.

Ошеломленный, совершенно запыхавшийся, я смотрю на своего похитителя — и мое сердцебиение взлетает до небес, когда я встречаюсь с тигриным ярким взглядом Николая.

— Доброе утро, зайчик, — бормочет он, его красивый рот изгибается в насмешливой улыбке. — Куда ты так торопишься?

15

Хлоя

Каждая клетка моего тела воспламеняется жаром, мой пульс подскакивает до невозможности выше. Моя нижняя часть тела прилегает к нему, мои бедра прижимаются к твердым колоннам его ног, а мой живот прижимается к его паху. Я чувствую его одеколон, что-то тонкое и сложное, с нотами кедра и бергамота, а под ними чистый мускус теплой мужской кожи. И *тепло*. Даже когда мы оба полностью одеты, я чувствую его животный

жар — и, к моему удивлению, растущую твердость, вдавливающуюся в мой живот.

"У тебя все нормально?" — бормочет он, и я понимаю, что смотрю на него ошеломленно, как кролик, попавший в капкан. Примерно так я себя и чувствую. Его длинные пальцы полностью охватывают мои плечи, его хватка нерушима. И он огромный. До этого момента я не осознавала, насколько он высок и мускулист. Я среднего роста для женщины, но он затмевает меня во всех отношениях — и, судя по толщине прижатой ко мне выпуклости, он неизменно большой во всем теле.

Моя кожа нагревается еще на тысячу градусов, а внутренности сжимаются от внезапной пустой боли. — Я... я в порядке. Только я говорю далеко не нормально, мой сдавленный голос выдает мое волнение. Я не могу думать, не могу ничего переварить, кроме того, что его эрекция давит на меня, и он по какой-то причине не отпускает меня.

Он прижимает меня к себе, словно *никогда не* отпустит, его взгляд с каждой секундой становится все более пристальным. Медленно, словно притягиваемые магнитом, его глаза опускаются к моим губам и...

«Коля». Голос Алины напряженный. — Константин хочет с тобой поговорить.

Николай напрягается и поднимает голову, его пальцы сжимают мои руки до боли. Из моего горла вырывается произвольный вздох, и он ослабляет хватку, но все еще не отпускает меня.

«Скажи ему, что я ему перезвоню», — говорит он сестре. Его тон холодный и ровный, как будто мы все сидим за столом, а не он держит меня, как будто мы собираемся танцевать танго. Мое лицо, напротив, горит от смущения.

Я даже представить не могу, о чем сейчас думает Алина.

— Он хочет поговорить с тобой прямо сейчас, — настаивает она. «Он собирается на совещание через несколько минут и потом будет занят».

Николай бормочет что-то похожее на русское ругательство и, наконец, отпускает меня. Потрясенный, я спотыкаюсь на нетвердых ногах и поворачиваюсь к Алине, которая с прищуренным взглядом смотрит, как ее брат уходит. Затем ее взгляд переключается на меня, и ее полные красные губы сжимаются.

— Я столкнулась с ним, — выпаливаю я, прежде чем она успевает обвинить меня в чем-либо. "Это был несчастный случай. Я бы упала, но он..."

«Мой брат не попадает в аварии». Ее глаза подобны нефриту, окунутому в лед. — Тебе стоит запомнить это, Хлоя.

И с этими словами она уходит, оставив меня еще более потрясенным, чем прежде.

Через несколько минут я достаточно собралась, чтобы возобновить поиски Славы — на этот раз в гораздо более спокойном темпе. Однако когда я добираюсь до его комнаты, его там нет, поэтому я спускаюсь вниз, чтобы найти его.

Ни его, ни Павла я не вижу ни в одной из общих зон, поэтому возвращаюсь на кухню, надеясь найти там Людмилу. Но и она ушла.

Может, они все снаружи?

Открыв входную дверь, я выхожу на яркий солнечный свет. Прекрасный безоблачный день, ветерок с запахом леса прохладно и освежает мое лицо. На подъездной дорожке никого нет, но я все равно иду туда, набирая полную грудь свежего горного воздуха, чтобы еще больше успокоиться.

Нет причин волноваться.

Ничего не произошло.

Николай поймал меня, когда я бы упал, вот и все.

Вот только... что-то могло случиться, если бы Алина не прервала. Я на девяносто процентов уверен, что Николай собирался меня поцеловать. И уж точно не представлял себе, как ко мне прижимается твердая выпуклость.

Он хочет меня.

В этом больше нет никаких сомнений.

Я делаю еще один глубокий вдох, но мое сердце продолжает колотиться, а ладони вспотели, как сумасшедшие. Вытирая их о джинсы, я обхожу дом, любясь видами на горы, пытаюсь успокоить свои бешеные мысли.

Это отлично. Все в порядке. То, что я нравлюсь Николаю, не означает, что между нами что-то произойдет. Я уверена, что он понимает, насколько все это неуместно. Что бы ни говорила Алина, это *был* несчастный случай, мы столкнулись друг с другом. Я не знаю, почему она предположила бы иначе. Может быть, она думает, что я заигрывал с ним? Но нет. Казалось, будто она предостерегает меня от него, как будто...

Звук голосов привлекает мое внимание, и, заворачивая за угол, я вижу Павла и Славу. Они стоят у пня в пятидесяти футах от него, на нем лежит большая рыба. Подойдя, я вижу, как человек-медведь разрезает его наполовину, затем передает острый на вид нож Славе.

Что за черт? Ожидает ли он, что ребенок закончит работу?

Он. И Слава делает. К тому времени, как я добираюсь туда, мальчик выгребает рыбные внутренности своими маленькими руками и бросает их в пластиковый пакет, который Павел услужливо держит для него открытым.

Тогда ладно. Думаю, они знают, что делают. Я сама несколько раз чистила рыбу — мой сосед по комнате, первокурсник, энтузиаст рыбалки и охоты, научил меня, как — так что я не против, но тревожно видеть, как четырехлетний ребенок делает это.

Они *действительно* не беспокоятся о нем с ножами.

Остановившись перед пнем, я ослепительно улыбнулась. "Доброе утро. Не возражаете, если я присоединюсь к вам?"

Мальчик улыбается мне и что-то бормочет по-русски. Павел, однако, выглядит менее чем довольным меня видеть. — Мы почти закончили, — рычит он своим сильным акцентом. — Можешь подождать дома, если хочешь.

— О нет, мне здесь хорошо. Тебе нужна помощь с этим?» Я делаю жест в сторону рыбы.

Павел сердито смотрит на меня. — Ты знаешь, как снимать чешуйки?

"Я знаю." На самом деле я бы предпочла этого не делать, чтобы не испачкать свою единственную чистую одежду, но я хочу продолжать учить Славу, и лучший способ сделать это — проводить с ним время, занимаясь тем, чем он занимается.

По моему опыту, дети лучше всего учатся вне классной комнаты, как и большинство взрослых.

«Тогда вот». Павел тычет в меня ножом для удаления накипи. «Покажи ребенку, как это сделать».

Судя по ухмылке на его кирпичном лице, он думает, что я блефую, поэтому мне доставляет огромное удовольствие взять у него нож и ласково сказать: «Хорошо».

Стараясь не забрызгать рубашку, я приступаю к работе, все время объясняя мальчику, что я делаю и как. Я говорю ему, как называется каждая часть рыбы, и заставляю повторять слова, а затем позволяю ему самому попробовать очиститься от чешуи. Он так же хорош в

этом, как и в нарезке, и я понимаю, что он делал это раньше.

Когда Павел сказал мне показать ему, он просто проверял меня.

Скрывая досаду, я дала Славе закончить работу и положила очищенную рыбу обратно в ведро. Павел несет его в дом, а мы со Славой идем за ним. Человек-медведь идет прямо на кухню — наверное, чтобы приготовить рыбу к обеду, — и я говорю ему, что веду Славу наверх переодеваться. В отличие от меня, у мальчика вся рубашка в рыбных пятнах.

Павел что-то утвердительно хмыкает и исчезает на кухне, а я веду Славу в ближайшую ванную. Мы оба тщательно моем руки, а потом я веду Славу в его комнату.

К моему удивлению, когда мы вошли, Людмила была там, предусмотрительно раскладывая чистую рубашку и джинсы для Славы на кровати.

— Спасибо, — говорю я с улыбкой. — Он остро нуждается в переменах.

Она улыбается в ответ и говорит что-то Славе по-русски. Он подходит к ней, и она помогает ему снять грязную одежду. Я тактично отворачиваюсь — мальчик достаточно взрослый, чтобы стесняться перед незнакомцами. Когда кажется, что они закончили, я оборачиваюсь и вижу Людмилу, помогающую ему расстегнуть пряжку ремня.

— Все хорошо, — через мгновение объявляет она, отступая назад. — Ты сейчас учишь.

Я улыбаюсь ей. "Спасибо, я сделаю так." Увидев, как она собирает грязную одежду Славы, я спрашиваю: «Есть ли где-нибудь в доме стиральная машина? Мне нужно заняться стиркой».

Она хмурится, не понимая.

"Прачечная." Я указываю на кучу одежды в ее руках. — Знаешь, чтобы постирать одежду? Я потираю кулаки, изображая человека, стирающего вручную.

Ее лицо очищается. "О да. Прийти."

— Я сейчас вернусь, — говорю я Славе и следую за Людмилой вниз. Она ведет меня мимо кухни и по коридору в комнату без окон размером с мою спальню. Есть две причудливые стиральные машины и сушилки — я думаю, для одновременной загрузки нескольких вещей — а также гладильная доска, сушилка, корзины для белья и другие удобства.

— Это, да? Она указывает на машины, и я киваю, благодаря ее. Вернувшись в свою комнату, я собираю всю свою одежду и опускаю ее. Людмилы к тому времени уже нет, и я начинаю загружать белье. Через полчаса я снова спущусь, чтобы переложить белье в сушилки, и к обеду все будет чисто.

Дела действительно налаживаются, несмотря на ситуацию с моим боссом.

Мое сердцебиение ускоряется при этой мысли, бабочки в моем животе возвращаются к жизни. Слава и Павел отвлекли меня столь необходимо, но теперь, когда я далеко от них, я не могу не думать о том, что произошло. Мой разум прокручивает все снова и снова, пока бабочки не превращаются в ос.

Я почувствовала эрекцию Николая против себя.

Он выглядел так, будто собирался меня поцеловать.

Он не отпускал меня, когда была его сестра.

Это последняя часть, которая меня больше всего пугает, потому что это означает, что я был неправ. Он намерен действовать на этом аттракционе. Если бы Алина не настояла, чтобы он ответил на звонок, он бы меня поцеловал, а может и больше. Может быть, в этот самый момент мы были бы вместе в постели, и его мощное тело врезалось бы в меня, как...

Я останавливаю фантазию, прежде чем она сможет развиваться дальше. Я уже чувствую

чрезмерное тепло, мои груди полны и напряжены, мой гениталий пульсирует скручивающейся болью. Должно быть, это какое-то странное последствие моего импровизированного сеанса мастурбации прошлой ночью; это единственное объяснение того, почему я внезапно приобрел либидо подростка.

Делая медленные, глубокие вдохи, чтобы успокоиться, я заканчиваю загружать белье. Ситуация, несомненно, непростая. Роман с моим работодателем был бы неразумным во многих отношениях, но я не уверена в своей способности сопротивляться ему. Если я воспламенюсь, просто думая о нем, что будет, если он прикаснется ко мне? Поцеловал меня?

Испарится ли мой самоконтроль, как вода со сковороды?

Я вижу только одно решение, только одно, что я могу сделать, чтобы предотвратить эту катастрофу.

Я должна избегать его — или, по крайней мере, оставаться с ним наедине — следующие шесть дней.

Приняв такое решение, я включила омыватели и повернулся — только чтобы замереть на месте.

В дверном проеме с блестящими золотыми глазами и кривым ртом в сокрушительной улыбке стоит тот самый дьявол, который занимает мои мысли.

«Вот ты где», — тихо говорит он, и пока я смотрю, парализованная от шока, он делает шаг вглубь комнаты и закрывает дверь.

16

Хлоя

— Я искал тебя, — продолжает Николай, приближаясь к нему мягкой походкой пантеры. — Павел сказал, что ты была наверху со Славой.

Я тяжело сплываю, когда он останавливается передо мной. «Да, я просто спустилась сюда на минутку, чтобы закинуть кое-какое белье. Я надеюсь, что все в порядке». Несмотря на все мои усилия, мой голос дрожит, и все, что я могу сделать, это не отступить в попытке увеличить расстояние между нами. Не то чтобы он был слишком близко — нас разделяет по крайней мере три фута, — но теперь, когда я знаю запах его одеколona, я могу уловить тонкие ноты кедра и бергамота в воздухе, а моя память дополняет остальное, от идущей жары. от его кожи к твердым контурам его тела, прижимающегося ко мне. И эта большая, толстая выпуклость... Мои колени подгибаются, и я почти наклоняюсь к нему, но останавливаю себя в последний момент, напрягая ноги и позвоночник.

Темный жар проникает в его взгляд, и я знаю, что он заметил мою реакцию. Мои щеки горят, а сердце стучит быстрее, ледяные покалывания пробегают по моей коже.

Почему он здесь?

Почему он искал меня?

Почему он закрыл эту дверь?

— Да, конечно, это не проблема. Его голос мягок и глубок, а в глазах все еще тревожный жар. «Теперь ты живешь здесь, так что считай это своим домом».

"Я тебя благодарю." Черт возьми, теперь я звучу хрипло и задыхаюсь. С трудом собравшись с силами, я улыбаюсь ему своей лучшей образцово-служашей улыбкой. — Вообще-то я хотела тебя кое о чем спросить. Есть ли у меня график работы? То есть есть ли какое-то конкретное время, когда ты хотел бы, чтобы я работала со Славой? В идеале я

хотела бы учить его в течение дня, а не проводить формальные уроки, но если вы предпочитаете иное, я готов проявить гибкость».

Там лучше. Мне действительно удалось стабилизировать голос и звучать полупрофессионально. Надеюсь, это напомнит ему, что я здесь для того, чтобы учить его сына, а не таять от его испепеляющего взгляда, как... ну, наверное, как и у каждой гетеросексуальной женщины, которую он когда-либо встречал.

Еще одна порочная чувственная улыбка касается его губ. — Тебе решать, зайчик. Твой ученик, твои методы. Все, что мне нужно, это результаты. Единственное, о чем я прошу, это чтобы вы присоединялись к нашей семье во время еды, чтобы Павлу и Людмиле не нужно было дополнительно готовить и убирать».

"Да, конечно. Во сколько завтрак и обед?" Теперь мне жалко, что заставил Людмилу дать мне эти блинчики; как только я проснулся, я мог бы подождать до следующего запланированного приема пищи.

«Обычно мы завтракаем в восемь, а обедаем в двенадцать тридцать. Это работает для вас?»

"Абсолютно." Если есть что-то, чему я научилась за последний месяц, так это тому, что еда в любое время, в любом месте и в любой разновидности работает на меня.

Полный желудок — это то, что я больше никогда не приму как должное.

"Хорошо. Тогда увидимся сегодня за обедом. Он поворачивается, чтобы уйти, и я судорожно выдыхаю, снова испытывая облегчение и извращенно разочарованную — только для того, чтобы мое сердце замерло, когда он останавливается и снова смотрит на меня.

— Чуть не забыл, — говорит он, сверкая глазами. — Твою новую одежду доставят сегодня днем. Павел принесет их в твою комнату, и я был бы признателен, если бы ты надела одно из платьев к ужину.

"Да, конечно. Спасибо. Я буду." Одно из платьев? Сколько он купил? И как он доставляет их так быстро? Я умираю от желания спросить, но я не хочу затягивать эту нервную встречу.

Я все еще помню эту закрытую дверь.

"Хорошо. Дай мне знать, если что-то не подходит». Его взгляд скользит по моему телу, и ледяные покалывания возвращаются, мое дыхание становится неглубоким, а соски напрягаются в лифчике. *Еще один тонкий хлопковый лифчик, который мало что может скрыть мою реакцию.* Мое лицо горит жаром тысячи солнц, и когда его глаза снова встречаются с моими, я чувствую перемену в атмосфере, чувствую, как воздух приобретает опасный электрический заряд.

Во рту пересохло, я делаю полшага назад, хотя на самом деле хочу наклониться к нему. Притяжение настолько сильное, что похоже на физическую силу, и, судя по тому, как сгибается его челюсть, когда он наблюдает за моим отступлением, я не одинок в этом.

Беги, Хлоя. Убирайся.

Голос мамы на этот раз тише, менее настойчив, но он прогоняет туман в моем мозгу. Собрав последние крохи своей силы воли, я делаю еще один шаг назад и говорю так ровно, как только могу: «Спасибо. Я буду."

Его ноздри раздуваются, и у меня снова возникает ощущение присутствия чего-то опасного... чего-то темного и дикого, что таится под учтивой внешностью Николая.

— Хорошо, — мягко говорит он. «Удачи со стиркой, зайчик. Увидимся скоро."

И, открыв дверь, выходит.

Николай

Я воздерживаюсь все пятнадцать минут после того, как доберусь до своего офиса. Я проверяю электронную почту, оплачиваю несколько счетов, отправляю ответ одному из моих бухгалтеров. Потом, ругаясь себе под нос, включаю звук на ноутбуке и вывожу видео с камеры из комнаты сына.

Как и ожидалось, Хлоя закончила свою работу в прачечной. Я жадно смотрю, как она играет со Славой в машинки и грузовики, все время разговаривая с ним так, как будто он ее понимает. Время от времени она указывает на что-то похожее на колесо и заставляет Славу повторять за ней английское слово, но по большей части она просто говорит, а Слава слушает ее увлеченно, так же зачарованная ее мимикой и жестами, как и я. являюсь.

В какой-то момент он смеется над тем, как его грузовик обгоняет ее машину, а она улыбается и ерошит ему волосы, ее тонкие пальцы небрежно скользят по его шелковистым прядям. Моя грудь болезненно сжимается, вождение к ней смешивается с сильной ревностью. Я даже не знаю, кому из них я больше завидую — Славе, испытавшему ее прикосновение, или Хлое, завоевавшей расположение моего сына. Все, что я знаю, это то, что я хочу быть там, купаться в ее солнечной улыбке, слышать смех моего сына лично, а не через камеру.

Блядь.

Это жалко.

Что я делаю?

Я пытаюсь закрыть ленту, но останавливаюсь в последнюю секунду, наводя курсор на Х. Она открыла книгу и сейчас читает Славе, ее голос такой мягкий, слегка хриплый, что мне хочется ворваться в комнату сына., схватить ее и унести в постель. Я хочу услышать, как этот голос выкрикивает мое имя, когда я въезжаю в ее тугую, влажную жару, слышу ее мольбы и мольбы, когда я снова и снова довожу ее до грани, прежде чем, наконец, даровать ей сладкую милость освобождения.

Я хочу мучить ее почти так же сильно, как хочу трахнуть ее, заставить ее заплатить за то, что заставил меня чувствовать себя так.

Стиснув зубы так сильно, что рискую заболеть, я закрываю экран и вскакиваю на ноги. Несмотря на почти бессонную ночь, я полон беспокойной энергии. Мне нужна еще одна тяжелая пробежка или, может быть, спарринг с Павлом.

Я бросил взгляд на часы над дверью моего кабинета.

Меньше часа до обеда.

Павел, скорее всего, занят приготовлением еды, и если я пойду на долгую и тяжелую пробежку, которая мне нужна, у меня не будет возможности принять душ и переодеться до того, как придет время присоединиться ко всем за столом.

Разочарованно выдохнув, я сажусь и снова открываю папку «Входящие». Слишком рано ожидать чего-либо от Константина — я только сегодня утром попросила его подробно изучить пропавший месяц Хлои, — но я все еще проверяю его электронную почту.

Ничего такого.

Чертов ад. Мне действительно нужно отвлечься. Мои пальцы чешутся снова открыть камеру и посмотреть, как она общается с моим сыном. Но если я это сделаю, это беспокойство только усилится, мой голод по ней станет еще сильнее. Обняв ее этим утром, я

знаю, как она чувствует себя прижатой ко мне, как сладко и чисто она пахнет, как полевые цветы свежим весенним утром. Мне потребовались все силы, чтобы высвободить ее, даже с Алиной, и когда я нашел ее одну в прачечной, каждый темный первобытный инстинкт настаивал, чтобы я взял ее, чтобы я раздел ее догола и наклонил над стиральной машиной, требуя ее на месте.

И я бы сделал именно это, если бы она наклонилась ко мне.

Если бы она сделала что-нибудь, кроме как отступила назад, я был бы глубоко внутри нее, вместо того, чтобы сидеть здесь, борясь с самим собой, как дурак.

Нет, к черту это.

Я вскакиваю на ноги.

Мне нужен жесткий, кровавый бой, а так как Павел недоступен, то придется обойтись охранникам.

Аркаш и Бурев патрулируют территорию, когда я добираюсь до бункера охранников, но Иванко, Кирилов и Гуренко сидят у костра перед входом с несколькими нашими американскими наемниками. Они, как варвары, жарят на вертеле целого оленя и обмениваются обычными оскорблениями.

Иванко замечает меня первым. «Босс». Схватив свой M16, он вскакивает на ноги. "Что-то не так?"

Кирилов и Гуренко тоже уже на ногах, с оружием наготове, прямо как в наши крымские времена.

— Полегче, мальчики. Мрачно улыбаясь, я снимаю рубашку и вешаю ее на ближайшую ветку дерева. «Все в порядке». Или будет скоро.

Трое против одного — именно те шансы, на которые я надеялся.

18

Хлоя

К моему облегчению, обед с Молотовыми — гораздо более непринужденное мероприятие, чем ужин. Ну, Алина по-прежнему одета так, как будто она на фешенебельной коктейльной вечеринке, а вот Николай в темных джинсах и белой рубашке поло, и никто не упрекает Славу за его шорты и футболку, когда мы садимся за стол, который опять же ломится от всевозможных аппетитных салатов, мясное ассорти и гарниры.

Все русские едят как цари или только эта семья? Если это каждый прием пищи, я понятия не имею, как они не толстые. Я все еще сыта, позавтракав всего пару часов назад, но я никак не могу не объесться этим спредом.

Все выглядит чертовски хорошо.

— Как прошла твоя первая ночь с нами, Хлоя? Алина спрашивает, когда мы все наполнили свои тарелки. "Хорошо ли спалось?"

Я улыбаюсь ей, чувствуя облегчение и от безобидного вопроса, и от дружелюбного тона. Я боялся, что она все еще может злиться на меня после утреннего инцидента. — Я очень хорошо выспалась, спасибо. И это правда — кроме кошмаров, это был лучший сон за последние недели.

«Это хорошо», — говорит Алина, разрезая то, что выглядит как причудливое фаршированное яйцо. «Мне показалось, что я что-то слышала из твоей комнаты около трех, но, должно быть, это был мой брат, возвращающийся с одной из своих ночных прогулок».

Она бросает на Николая косой взгляд, а я берусь за еду на тарелке, благодарная за объяснение.

Должно быть, я вчера громко кричала. Это, или Алина услышала, как я упала с кровати.

«Я действительно пошел на пробежку, — говорит Николай, — так что, должно быть, это все». Однако когда я поднимаю глаза, его взгляд устремлен на меня, изучая меня с непроницаемым выражением лица.

Она что-то подозревает?

Боже, надеюсь, *она* не услышал, как я кричу или падаю.

Борясь с желанием заерзать на стуле, я опускаю взгляд и замираю, уставившись на его руки. В одном он держит нож, а в другом вилку, по-европейски, но мое внимание привлекает не это.

Это его суставы. Они красные и опухшие, как будто он участвовал в кулачном бою.

Мой пульс учащается, когда я отворачиваюсь, а затем еще раз украдкой смотрю на его руки.

Ага. Я этого не представляла. Костяшки Николая в беспорядке. В целом, его большие мужские руки выглядят так, будто они повидали многое, с мозолями по краям больших пальцев и поблекшими шрамами в нескольких местах. Даже его короткие, аккуратно ухоженные ногти не могут скрыть правду.

Это не руки богатого плейбоя. Они принадлежат человеку, близко знакомому либо с тяжелым физическим трудом, либо с насилием.

Подозрения, которые я почти подавляла, возвращаются, и на этот раз я не могу притворяться, что они беспочвенны. Что-то в Молотовых меня нервирует. Кто они? Почему они здесь? Я могу представить богатую иностранную семью, которая проведет пару недель в подобном месте в качестве «природного детокса», но на самом деле переехать сюда? Кому-то столь гламурному, как Алина, место в Париже, Милане или Нью-Йорке, а не в уголке Айдахо, где медведей больше, чем людей. То же самое касается Николая, с его гладкими, космополитическими манерами и настойчивым требованием одеваться за ужином в *стиле* «Аббатства Даунтон».

Мои новые работодатели — настоящее воплощение элиты — по крайней мере, если не обращать внимания на руки уличного дебошира Николая.

Я заставляю себя отвести взгляд от этих злых суставов и сосредоточиться на ребенке рядом со мной, который снова ест спокойно и тихо. Как ни странно, я понимаю. Какой четырех- или пятилетний ребенок хоть немного не играет со своей едой? Или время от времени требовать внимания взрослых? Я знаю, что мальчик может улыбаться, смеяться и играть, как и любой другой ребенок его возраста, так почему же он во время еды превращается в робота размером с ребенка?

Чувствуя на себе мой взгляд, Слава поднимает взгляд, его большие золотисто-зеленые глаза поразительно торжественны. Я широко улыбаюсь ему, но он не улыбается в ответ. Он просто сосредотачивается на своей тарелке и продолжает есть. Я тоже ем, но продолжаю наблюдать за ним, мое чувство неправоты усиливается с каждой секундой. Есть что-то неестественное в поведении моей ученицы, что-то глубоко тревожное. Может быть, мальчик более травмирован смертью матери, чем кажется на первый взгляд, или, может быть, происходит что-то еще... что-то гораздо худшее.

Я еще раз украдкой смотрю на костяшки пальцев Николая, и мне в голову лезет ужасная мысль.

К моему бесконечному облегчению, раны выглядят свежими, как будто он только что что-то или кого-то вбил в землю. Поскольку Слава был со мной все утро, он не мог быть тем кем-то. Кроме того, такие ушибы могли быть вызваны только ударом большой силы, а в том, как сидит или двигается сын Николая, нет ничего, что указывало бы на то, что его избili так сильно — или вообще избili.

В чем бы ни был виноват мой работодатель, слава богу, это не жестокое обращение с детьми. Не знаю, что бы я делала, если бы это было так. Нет, сотрите это. Я знаю. Я бы позвонила в Службу защиты детей и сбежала, рискуя с убийцами моей мамы.

Что напомнило мне: у меня до сих пор нет ключей от машины.

Я собираюсь спросить о них Николая, но Алина улыбается мне и спрашивает: «Ты всегда хотела быть учительницей, Хлоя?»

Я киваю, откладывая вилку. "Довольно много времени. Я всегда любила и детей, и преподавание. Даже в детстве я часто играла с детьми младше меня, чтобы взять на себя роль их наставника». Я ухмыляюсь, качая головой. «Я думаю, мне просто нравилось, когда они смотрели на меня снизу вверх. Погладил мое эго и все такое».

Пока я говорю, я ощущаю на себе взгляд Николая, пристальный и непоколебимый. Взгляд хищника, наполненный голодом и бесконечным терпением. Моя кожа горит под его тяжестью, и мне приходится изо всех сил удерживать взгляд на Алине и брать вилку, как ни в чем не бывало.

Затем она спрашивает о моем выборе колледжа, и я рассказываю ей, как мне повезло получить там полную стипендию.

«Я никогда даже не думала о том, чтобы поступить в такую дорогую школу», — говорю я между кусочками вкусной копченой рыбы и ароматным свекольным салатом. Помогает, если я концентрируюсь на еде, а не на мужчине, который смотрит на меня. «Моя мама работала официанткой, и с деньгами было туго, сколько я себя помню. Я собиралась поступить в местный колледж, а затем перевестись в государственную школу, используя комбинацию стипендий, займов и работы-учебы, чтобы оплатить свое обучение. Но как только я начала свой последний год в средней школе, я получила приглашение подать заявку на эту специальную стипендиальную программу в Миддлбери. Он предназначался для детей малообеспеченных родителей-одиночек и покрывала стопроцентную плату за обучение, проживание и питание, а также предоставляла пособие на книги и прочие расходы. Естественно, я подал заявку — и как-то попала».

«Почему как-то?» — спрашивает Николай. — Разве ты не была хорошим учеником?

У меня нет выбора, кроме как встретить его пронизательный взгляд. «Я была, но в моих обстоятельствах были студенты, которые были гораздо более квалифицированными и не получили этого». Например, моя подруга Таниша, которая получила высший балл по SAT и закончила школу как выпускница нашего класса. Я рассказала ей о стипендии, и она тоже подала заявку на участие в программе, но ее сразу же отвергли. До сих пор удивляюсь, почему они выбрали меня, а не ее; если дело касалось выживания в невзгодах, у Таниши была «лучшая» история: ее частично инвалидная мать одна воспитывала не одного, а трех детей, один из них — младший брат Таниши — с особыми потребностями.

«Может быть, они что-то увидели в тебе», — говорит Николай, его взгляд обводит каждый дюйм моего лица. «Что-то, что их заинтриговало».

Я пожимаю плечами, пытаюсь игнорировать жар, струящийся под моей кожей. "Может быть. Хотя, скорее всего, это была просто глупая удача. Так и должно было быть, потому что

пару месяцев спустя Таниша получила письма о зачислении из всех школ, в которые она подавала документы, включая Гарвард, который она закончила посещать благодаря щедрому пакету финансовой помощи. Не такой щедрой, как стипендия, которую я получил — она закончила школу с семидесятью тысячами долларов на студенческие ссуды, — но достаточно хорошей, чтобы я перестала чувствовать себя виноватым из-за того, что занял место, которое должно было принадлежать ей.

Будучи хорошим человеком, она никогда не делала ничего, кроме радости за меня, но я знаю, как сильно ее опустошил отказ комитета по стипендиям.

— Я не думаю, что это была глупая удача, — мягко говорит Николай. — Я думаю, ты недооцениваешь свою привлекательность.

О Боже. Мое сердцебиение учащается, мое лицо горит невероятно жарко, когда Алина напрягается, ее взгляд метается между мной и ее братом. В его словах нет никаких сомнений, я не отмахиваюсь от него как от случайного комплимента по поводу моих способностей к учебе, и она знает это не хуже меня.

Тем не менее, я стараюсь. Делая вид, будто это все шутка, я широко улыбаюсь. — Очень мило с твоей стороны. Что насчет вас двоих? Где вы ходили в школу?"

Так. Смена темы. Я горжусь собой, пока не осознаю, что если по какой-то причине кто-то из братьев и сестер *не* пошел в колледж, мой вопрос может их оскорбить.

К счастью, Алина и глазом не моргнула. «Я пошла в Колумбию, а Коля закончил Принстон». Она снова собрана, ее манеры дружелюбны и вежливы. «Наш отец хотел, чтобы мы поступили в колледж в Америке; он думал, что это дает наилучшие возможности».

— Поэтому ты так хорошо говоришь по-английски? — спрашиваю я, и она кивает.

«Это, и мы оба учились здесь в школе-интернате».

— О, это объясняет отсутствие акцента. Мне было интересно, как вы оба умудрились этого не иметь.

«У нас в России тоже были американские репетиторы, — говорит Николай с насмешливой полуулыбкой на губах. Очевидно, он знает, что я пытаюсь разрядить обстановку, и находит мои усилия забавными. — Не забывай об этом, Алинчик.

Его сестра почему-то снова напрягается, а я занимаюсь тем, что убираю остатки своей тарелки. Я понятия не имею, на какую мину я наступил, но лучше не продолжать эту тему. Доедая, я смотрю на Славу и вижу, что он тоже готов.

— Хочешь еще? — спрашиваю я, улыбаясь и указывая на его пустую тарелку.

Он моргает, глядя на меня, и Алина что-то говорит по-русски, предположительно переводя мой вопрос.

Он качает головой, и я снова улыбаюсь ему, прежде чем взглянуть на других взрослых за столом. К моему облегчению, они, похоже, тоже закончили: Николай просто сидел, наблюдая за мной, а Алина грациозно похлопывала по губам салфеткой. Чудесным образом ее красная помада не оставляет следов на белой ткани — хотя, наверное, не стоит удивляться, учитывая, что яркий цвет выдержал всю трапезу, не размазавшись и не потускнев.

На днях я попрошу ее поделиться со мной своими секретами красоты. У меня такое ощущение, что сестра Николая знает о макияже и одежде больше, чем десять инфлюенсеров YouTube вместе взятых.

Я собираюсь извиниться со Славой, чтобы мы могли продолжить наши уроки, когда входят Павел и Людмила. Он несет поднос с хорошенькими чашечками, баночкой меда и

стеклянным чайником, наполненным черным чаем. Он ставит его на стол, а Людмила убирает посуду.

«Мне ничего, спасибо», — говорю я, когда он ставит передо мной чашку. «Я не пью чай».

Он бросает на меня взгляд, говорящий, что я немногим лучше дикого животного, затем уносит мою чашку и наливает чай всем остальным, включая моего ученика. Тонкий фарфор выглядит нелепо в его массивных руках, но он ловко справляется с задачей, заставляя меня задуматься, не работал ли он в каком-то элитном ресторане до прихода в дом Молотовых.

«Спасибо за прекрасную еду. Все было восхитительно», — говорю я ему, когда он проходит мимо меня, но он только хмыкает в ответ, складывая тарелки, до которых его жена не успела, в тщательно сложенную пирамиду на подносе, прежде чем унести их все. Только когда он ушел, я вспомнил кое-что важное.

Я поворачиваюсь к Николаю, и мое лицо снова становится теплее, когда я встречаюсь с его тигриным взглядом. «Все время забываю спросить... Павел где-то перепарковал мою машину? Я не видела его перед домом. Кроме того, я не думаю, что мне когда-либо вернули ключи от машины».

"Действительно? Это странно." Добавляя в чай ложку меда, Николай размешивает жидкость. — Я спрошу его об этом. Он передает банку меда Славе, который добавляет в *свою* чашку несколько ложек — мальчик, должно быть, очень сладкоежка.

«Было бы здорово, спасибо», — говорю я, беря стакан с простой водой — единственной жидкостью, которую я люблю пить помимо кофе. «Что с машиной? Есть ли поблизости гараж или что-то в этом роде?»

«В задней части дома, прямо под террасой», — отвечает Алина вместо брата. — Должно быть, Павел перенес его туда.

«Хорошо, круто». Я ухмыляюсь с необъяснимым облегчением. «Я наполовину боялась, что вы, ребята, решили, что это слишком бельмо на глазу, и столкнули его в овраг».

Алина смеется над моей шуткой, а Николай только улыбается и прихлебывает медовый чай, глядя на меня с непроницаемым выражением лица.

19

Хлоя

Остаток дня пролетает незаметно. Как только обед закончился, я нахожу гараж — вход в него находится в задней части дома, сразу за прачечной — и проверяю, действительно ли там моя машина, выглядящая еще старше и ржавой по сравнению с лоснящимися машинами моих работодателей. внедорожники и кабриолеты. Затем, поскольку погода прекрасная — мороз за семьдесят и солнечно, — я беру Славу на прогулку в лесную часть усадьбы, вместо того чтобы учить его в его комнате. Мы топаем по заросшему дикими цветами лугу, спускаемся к небольшому озеру, которое находим примерно в полумиле к западу, и загоняем в деревья дюжину белок. Ну а Слава гонится за ними, маниакально хихикая; Я просто наблюдаю за ним с улыбкой.

Здесь он совсем другой мальчик, чем в столовой со своей семьей.

Пока мы пробираемся через лес, он болтает по-русски, и я отвечаю по-английски всякий раз, когда угадываю, о чем он говорит. Я также обязательно даю ему английские слова для всего, с чем мы сталкиваемся, и стараюсь выучить русские слова, которым он меня учит.

— *Белочка*, — говорит он, указывая на белку, и начинает хихикать, когда я коверкаю слово, пытаюсь его повторить. Он же, напротив, прекрасно произносит английские слова чуть ли не с первого раза; Я подозреваю, что он либо смотрел англоязычные мультфильмы, либо у него абсолютный слух.

Музыкально настроенные дети, как правило, осваивают акцент быстрее, чем их сверстники.

"Ты любишь музыку?" — спрашиваю я, когда мы возвращаемся домой. Я напеваю несколько нот для демонстрации. — Или петь? Я делаю свое лучшее исполнение «Baby Shark», которое заставляет его хохотать.

На случай, если возникнут сомнения, я *не* склонна к музыке.

Когда мы подходим к дому, Павел выходит, чтобы поприветствовать нас, его лицо пылает яростью. "Где вы были? Уже почти пять, а он еще не ел.

— О, мы были...

— И ваша одежда доставлена. Они в твоей комнате. Неодобрительно глядя на грязные ботинки Славы, он берет мальчика на руки и несет в дом, бормоча что-то по-русски.

Огорченный, я снимаю свои грязные кроссовки и следую за ними. Наверное, мне следовало расчистить дорогу со зрителями Славы или, по крайней мере, лучше следить за временем. Я принесла Славе пару яблок, чтобы он мог их пожевать, если он проголодается — я прихватила их с кухни перед уходом, — но, думаю, это не такой полноценный обед, как поднос с сыром и фруктами, который Павел принес вчера.

Когда я добираюсь до своей комнаты, я мою руки и поправляю пучок; пучок тонких прядей вырвался из заточения и обрамляет мое лицо неряшливым ореолом. Затем я иду в свой шкаф, чтобы проверить доставку.

Ебать.

Гардеробная — на девяносто пять процентов пустая после того, как я распаковала чемодан — теперь забита до отказа. И дело не только в модных платьях, которые мои работодатели заказывают на ужин. Есть джинсы и штаны для йоги, майки, футболки и свитера, повседневные сарафаны и гладкие юбки-карандаш, носки, пижамы и шляпы. И нижнее белье всех видов, от стрингов до удобных хлопчатобумажных трусиков, спортивных бюстгалтеров и кружевных бюстгалтеров пуш-ап, все невероятно моего размера. Есть даже верхняя одежда — много-много верхней одежды, от легких непромокаемых курток и гладких шерстяных пальто до пухлых парок, способных выдержать арктическую погоду.

Гардероб на все времена года и на все случаи жизни, и, судя по биркам, все новенькое.

Ошеломленная, я переворачиваю бирку, свисающую с мягкого на вид белого свитера.

395 долларов.

Какого хрена?

Я беру ярлычок от ближайшей парки, симпатичную синюю с капюшоном на меху.

€3.499 . Сделано в Италии.

"Тебе нравится?"

Я вздрагиваю и поворачиваюсь к Алине, которая стоит у входа в шкаф.

— Извини, не хотела тебя напугать, — говорит она, перебрасывая свои блестящие черные волосы через плечо. Она уже переделалась в еще одно потрясающее платье, красное платье длиной до щиколотки с разрезом до бедра, обнажающим кусочек одной длинной подтянутой ноги. Она также обновила свой макияж, удлинив подводку для глаз, чтобы подчеркнуть кошачьи качества ее раскосых глаз.

«Я постучала, но никто не ответил, — продолжает она, — поэтому я решила, что ты изучаешь свои новые вещи».

— Я была... я здесь. Я оглядываюсь через плечо на забытые вешалки и полки. — Это... все для меня?

"Конечно. Для кого еще это было бы? Мне больше не нужно, это точно». Подойдя ко мне, она достает длинное желтое платье и подносит его к моей груди, затем вешает его и достает бледно-розовое.

— Но это уже слишком, — говорю я, когда она прижимает ко мне розовое платье, только чтобы отвергнуть и его. «Мне не нужно все это. Несколько платьев на ужин, конечно, но остальное...

— Это мой брат для тебя. Николай не делает полумер». Она пролистывает остальные платья с отработанной скоростью и вытаскивает блестящее персиковое платье. «*Версаче*», говорится на этикетке, а ценника не видно — наверное, потому, что сумма будет пугающей. Прижав его ко мне, Алина удовлетворенно кивает. «Попробуй это». Она бросает его мне в руки.

"Прямо сейчас?"

Она выгибает брови. — Я могу отвернуться, если ты стесняешься. Сопоставляя действия со словами, она возвращает мне свою.

подавив раздраженный вздох, я быстро выбираюсь из одежды и надеваю платье, которое каким-то образом сидит идеально, персиковый шифон с золотыми крапинками, ниспадающий на мое тело с ошеломляющей элегантностью. Юбка А-силуэта грациозно ниспадает на мои ноги, а лиф квадратного выреза имеет встроенный бюстгальтер, который приподнимает мои скромные чашки В, создавая намек на декольте. Широкие лямки скрывают мои плечи, но мои руки и верхняя часть спины остаются обнаженными, обнажая струпья от осколков стекла, пронзивших мою кожу.

Черт. Я надеялся не показывать их, пока они не заживут.

"Готова?" Алина кажется нетерпеливой.

«Всего одну секунду». Я выкручиваю руку за спину, пытаюсь полностью расстегнуть молнию. — Вообще-то, как ты думаешь, ты мог бы...?

"Конечно." Она застегивает на мне молнию и отступает назад, чтобы окинуть меня взглядом. Мгновенно ее взгляд останавливается на струпьях. "Что здесь случилось?" — спрашивает она, слегка нахмутив гладкий лоб.

"Это ничто." Я морщусь, словно смущенный своей неуклюжестью. «Я споткнулся и упал на битое стекло».

Объяснение должно удовлетворить ее, потому что она отпускает его и возобновляет свое прочтение. — Очень мило, — наконец заявляет она. — Но эту булочку нужно убрать.

— О нет, все в порядке...

"Подойди." Схватив меня за руку, она тащит меня из туалета в ванную, где заставляет встать перед зеркалом. "Видишь? С этим тебе нужно распустить волосы. Кроме того, макияж обязателен».

Я смотрю на свое отражение в зеркале, неряшливый пучок, темные круги и все такое. Она права. Такое гламурное платье заслуживает работы. К сожалению, у меня с собой только тюбик блеска для губ, потому что я выбросила большую часть предметов в своей косметичке, когда убиралась в своей комнате в общежитии после выпуска. Я решила, что пойду по магазинам с мамой, когда вернусь домой. Она любила такие вещи, и мы всегда...

Я останавливаю эту мысль и вдыхаю, чтобы убрать болезненное сжатие в груди. — Я могу распустить волосы, но на самом деле у меня нет...

— Да, ты знаешь. Она выдвигает один из ящиков рядом с раковиной, открывая набор тюбиков и бутылочек, которыми мог бы гордиться профессиональный визажист. «Я позаботилась о том, чтобы у Николая было все необходимое, — объясняет она.

— Ты помогла ему купить все это?

"Кто еще?" Она ухмыляется, обнажая совершенно несовершенную щель между ее прямыми белыми зубами. «Никто из моих братьев не отличит тушь от карандаша для губ».

Мои уши наострились. — Братья?

Она кивает, полезая в ящик. "Есть четыре из нас. Я самая младшая и единственная девочка». Она открывает флакон с тональным кремом и хватается мою руку, поворачивая ее ладонью вверх. Размазывая полосу бронзового цвета на внутренней стороне моего запястья, она критически смотрит на нее, затем открывает чуть более золотистый оттенок и проверяет его.

— Где другие твои братья? — спрашиваю я, зачарованно наблюдая за ее работой. Я просто подумал, что было бы неплохо однажды получить от нее урок, и вот мы здесь. У меня всегда были проблемы с поиском подходящей основы; большинство аптечных брендов предлагают слишком светлые, слишком темные или слишком пепельные оттенки. Но второй цвет, который пробует Алина, идеально сливается с моей кожей — она точно знает, что делает.

«Они оба в Москве», — отвечает она, закрывая бутылку крышкой. «Ну, в данный момент Константин находится в командировке в Берлине, но вы понимаете, о чем я». Она ставит бутылку на прилавок передо мной вместе с тушью, подводкой для глаз и кучей других вещей, включая губку в форме яйца, которую она смачивает под краном. Встретив мой взгляд в зеркале, она спрашивает: «Ты не против, если я сделаю твое лицо? Или лучше сделать это самому?»

— Нет, пожалуйста, продолжайте. Я более чем хочу, чтобы она продолжила. Помимо урока красоты, это шанс для меня узнать больше о моих таинственных работодателях без того, чтобы мрачное притягательное присутствие Николая запутало мои мозги.

— Ну ладно, умойся и пошли.

Я делаю, как она говорит, пока она сметает всю косметику, которую разложила, в маленькую серебряную коробочку. После того, как я промокну лицо и увлажню его причудливым кремом для лица, который я нахожу в еще одном ящике, она ведет меня обратно в спальню, где ставит меня перед окном от пола до потолка — естественное освещение лучше всего, — объясняет она. Поставив косметичку на тумбочку рядом, она встает передо мной и, склонив голову с сосредоточенным видом, начинает наносить тональное средство влажным спонжем.

«Всегда хочется погладить, а не потереть», — объясняет она, вытирая мои щеки. «Так цвет лучше всего сочетается».

«Полезно знать, спасибо». Я жду, пока она закончит с моим подбородком, прежде чем спросить: — Так что же заставило вас с Николаем прийти сюда? Я полагаю, что это должно быть большое изменение по сравнению с Москвой».

Она делает паузу, ее глаза встречаются с моими. «О, это так. Москва — это... совсем другой мир». Ее красные губы изогнулись без юмора. «Не всегда хороший мир».

"Ой?"

Она возобновляет осторожное вытирание. «Здесь тихо. Спокойствие. И природа красивая. Николай хотел этого для своего сына».

— Так ты за Славой?

"Мой брат." Она хмурится, изучая мое лицо, и использует заостренный конец спонжа, чтобы нанести мне немного основы под глаза. Темные круги, должно быть, беспокоят ее. «Мне просто нужен был перерыв, — продолжает она, переходя к моей переносице, — небольшой тайм-аут, если хотите».

— Из жизни в Москве?

"Что-то такое. Закрой глаза."

Я подчиняюсь, молча переваривая то, что узнала, пока она наносит тени на мои веки и наносит тушь на ресницы. Вполне логично, что они были здесь из-за мальчика — время их переезда в этот комплекс совпадает с тем, что Николай узнал о существовании своего сына. И я полагаю, если вам нужна тихая, спокойная природа, вам не найти ничего лучше, чем это место.

Все равно что-то не так пахнет. Я уверена, что в России и других странах поблизости есть уголки нетронутой цивилизацией дикой природы. Зачем переезжать через полмира, если вам нужна только красивая природа? Одна только разница во времени должна мешать поддерживать связь с семьей или вести какой-либо бизнес — при условии, что бизнес *есть*.

Я жду, пока Алина закончит обводить мои губы карандашом, прежде чем открыть глаза и спросить: «Чем занимаются твои братья по работе?»

— О, это и это. Она осторожно наносит помаду, просит меня закрыть губы салфеткой, чтобы смазать часть цвета, и повторяет процесс еще два раза. Наконец удовлетворенная, она убирает помаду и берет маленькую баночку с румянами и кисточку для макияжа с длинной ручкой. «Наша семья владеет кучей компаний в различных секторах — энергетике, технологиях, недвижимости, фармацевтике», — говорит она, быстро и мастерски проводя кистью по яблочкам моих щек. «Николай наблюдает за всем этим... или он контролировал до недавнего времени. Когда мы узнали о Славе, он передал большую часть обязанностей Валерию и Константину, чтобы он мог переехать сюда и проводить время с сыном».

Я смотрю на нее с недоверием. Она говорит о том же Николае? Хладнокровный отец, который почти не общается со своим сыном? Я не могу себе представить, чтобы он рано ушел с деловой встречи, чтобы быть со Славой, не говоря уже о том, чтобы уйти с поста главы какого-нибудь крупного конгломерата.

Я должна что-то упустить. То или Слава — удобный предлог для чего-то сомнительного.

"А ты?" — спрашиваю я, когда она отходит и критически оценивает свою работу. — Ты тоже участвуешь в семейном бизнесе?

Она смеется легким, звонким смехом. — О, это не для меня. Сделав полшага вперед, она большим пальцем гладит мою левую бровь. «Неплохо», — заявляет она. «Теперь нам просто нужно сделать твои волосы. Подойди." Сжав мою руку, она тащит меня обратно в ванную, где достает из другого ящика целый набор средств для укладки, а я смотрю на свое отражение в зеркале.

Я никогда, никогда раньше не выглядела так, даже когда мама выложила пятьдесят баксов, чтобы мне профессионально сделали макияж для выпускного вечера в старшей школе.

Девушка в зеркале необыкновенно хороша собой, ее кожа гладкая и сияющая, большие

карие глаза, большие и загадочные, изящно очерченные скулы и мягкие пухлые губы цвета темной розы.

Я не похожа на Алину с ее ярко-красными губами и эффектным макияжем кошачьих глаз. На самом деле, я вообще не выгляжу так, будто на мне макияж. Вместо этого меня как будто отфотошопили, все мои несовершенства размыты и сглажены.

"Ух ты." Я поднимаю руку, чтобы коснуться своего лица. "Это..."

Алина шлепает меня по руке. — Не трогай, ты все испортишь. В общем, чем меньше вы прикасаетесь к своему лицу, тем лучше. У вас красивая, чистая кожа, но будет еще лучше, если вы будете держаться подальше от нее. Жир и грязь на наших пальцах забивают поры, из-за чего они со временем выглядят больше».

— Ладно, ладно. Наказывая, я держу руки по бокам, пока она работает с моими волосами, сначала высвобождая их из пучка, затем смачивая их водой и применяя различные средства для укладки, чтобы создать волну на моих в остальном вялых прядях.

«Вот, все готово», — говорит она через несколько минут. «Теперь тебе нужна обувь, и все будет готово».

О, дерьмо. — Не думаю, что у меня... — начинаю я, но она уже выходит из ванной.

Я слеую за ней и вижу, как она мчится к моему шкафу. Через секунду она появляется с коробкой из-под обуви. *Джимми Чу*, гласит логотип на коробке. Ставя его на пол, она достает пару золотых туфель на каблуках с ремешками и протягивает их мне. "Попробуйте это."

Они купили мне обувь? Остановив свой мозг от подсчета не такого уж маленького состояния, которое, должно быть, было потрачено на мой гардероб, я надеваю каблуки — как и платье, они идеально сидят — и подхожу к висящему рядом зеркалу в полный рост. В шкаф.

"Как они себя чувствуют?" — спрашивает Алина, подходя ко мне. К моему удивлению, теперь она всего на пару дюймов выше меня; эти высокие каблуки, которые она всегда носит, заставили меня подумать, что она ростом модели.

Экспериментально переношу вес с ноги на ногу. «Удивительно удобно.» Конечно, не так удобно, как мои кроссовки, но я могу стоять и ходить в них лучше, чем в любой модной обуви, которую носил раньше. Точно так же персиковое платье нигде не жмет и не царапается; все швы гладкие и мягкие на моей коже, шелковистая внутренняя подкладка приятно охлаждает.

Неудивительно, что Алина всегда умеет одеваться как королева. Если вся ее одежда такого качества, выглядеть гламурно совсем не так неудобно, как я себе представлял.

«Тебе просто нужно еще кое-что», — говорит она, улыбаясь моему отражению. "Оставайся здесь. Я скоро вернусь." Она торопливо выходит из комнаты, а я остаюсь перед зеркалом, восхищаясь тем, как блестящее платье ниспадает на мое слишком худое тело, создавая иллюзию здоровых изгибов.

Я никогда не буду такой красивой, как Алина, но я точно лучшая версия себя.

Через минуту она возвращается с маленькой шкатулкой для драгоценностей в руке. Поставив его на тумбочку, она открывает его и достает пару бриллиантовых заклепок и кулон в форме сердца на тонкой золотой цепочке.

«Спасибо, но я не могу», — говорю я, когда она подходит ко мне, держа драгоценности. «Это выглядит очень дорого».

"Не волнуйся. Это просто маленькая безделушка». Не обращая внимания на мои

протесты, она надевает золотую цепочку на мою шею и защелкивает ее, а затем вставляет бриллиантовые гвоздики в мои уши. — Вот, теперь наряд готов.

Она отступает, и я снова поворачиваюсь лицом к зеркалу.

Она права. Ювелирные изделия добавили последний штрих: бриллиант в форме сердца сверкает на дюйм выше слабого намека на декольте, созданного лифом платья. Я выгляжу в равной степени элегантно и сексуально, как современная принцесса, собирающаяся посетить бал.

Если бы мама увидела меня такой, она бы так гордилась. Она заставляла меня делать миллион снимков в десятках разных поз, а лучшие из них устанавливала в качестве заставки и фона телефона, чтобы хвастаться ими своим коллегам в ресторане. Сбрасывать-

Я моргаю от жжения в глазах и поворачиваюсь лицом к Алине. — Спасибо, — говорю я слегка напряженным голосом. "Благодарю."

"Не за что." Ее зеленые глаза сияют, когда она бросает на меня последний взгляд. — Пойдем ужинать. Не могу дождаться, когда Николай увидит тебя такой.

И прежде чем я успеваю понять, что она имеет в виду, она выходит из комнаты, не оставляя мне иного выбора, кроме как следовать за ней.

20

Николай

— Что, черт возьми, ты делаешь? Мой голос низкий и приятный, выражение лица нейтральное, когда я обращаюсь к сестре по-русски. Напротив меня Хлоя наклонила голову к Славе, говорит с ним о еде на его тарелке, как будто он ее понимает, и все, о чем я могу думать, это как сильно я хочу протянуть руку через стол и сорвать с нее этот кулон. гладкое, тонкое горло — сразу после того, как я задушил того, кто ей это дал.

— Ты попросил меня помочь ей одеться. Тон Алины совпадает с моим, даже несмотря на то, что в ее глазах блестит холодное веселье. — Тебе не нравятся результаты?

"Где ты это нашла?" Я еще больше понижаю голос, когда Слава с любопытством смотрит на нас. В отличие от своего американского учителя, он понимает именно то, что мы говорим, если не весь контекст. — Я думал, что он потерял.

«Любимое ожерелье мамы? Едва." Улыбка Алины такая же ледяная, как сверкающий бриллиант на груди Хлои. «Она отдала его мне на хранение. Прямо перед тем, как... ты знаешь. Она ждет моего ответа. Не получив ничего, она хлопает ресницами с преувеличенной невинностью. — Тебе не нравится в ней? Я подумала, что оно идеально подходит к этому платью и к твоей хорошенькой новой игрушке.

Мои коренные зубы сжимаются, но мое внешнее поведение остается спокойным. Теперь я понимаю, в какую игру играет Алина, и не намерен позволять ей побеждать. "Ты права. Он идеален, и она тоже. Спасибо за то, что ты была так полезна».

Не дожидаясь ее реакции, я обращаю внимание на Хлою, игнорируя раскаленную добела ярость, пробегающую по моим венам каждый раз, когда мерцающий камень попадает на глаза. Этот кулон — все, что я могла видеть с тех пор, как Хлоя подошла к столу, так что теперь я вижу ее настоящую внешность — и при этом пылающая ярость внутри меня превращается в палящую похоть.

Она прекрасна. Нет, больше. Она захватывает дух, картина греческой богини оживает. Как и на картинке, которую я видел ранее, ее волосы ниспадают на ее стройные плечи каскадом солнечных каштановых волн, а ее гладкая кожа светится таинственным

внутренним светом. Что бы ни сделала моя сестра, это усилило сияние, которое захватило меня с самого начала, подчеркнув яркую, нежную красоту Хлои.

Такая красота, которая почти требует осквернительного прикосновения.

Мой взгляд скользит от ее лица к ее хрупким ключицам, затем, решительно пропуская кулон, к намеку на тень между ее грудями, соблазнительно приподнятыми узким лифом ее платья. С яркой ясностью я представляю, как будут ощущаться ее торчащие соски, когда я приласкаю эти маленькие восхитительные шарики, какие они будут на вкус, когда я их пососу. Она будет стонать, запрокидывая голову и поднимая тонкие руки...

Я останавливаюсь, фантазия испаряется, когда я смотрю на темно-красные струпья на ее левом бицепсе.

Какого хрена?

Они выглядят как колотые раны, глубокие.

«Она сказала, что упала на битое стекло», — бормочет Алина по-русски, как всегда сверхъестественно настроившись на меня. — Интересно, не так ли?

Это точно. Хотя теоретически можно упасть на битое стекло и получить колотые раны, гораздо больше шансов получить порезы — и я не вижу никаких следов такого рода на ее руке.

«Интересно, ее зарезали или осколком зацепили», — продолжает Алина, снова вторя моим мыслям. "Что ты думаешь? Моя ставка на последнее».

Я заставляю себя казаться незаинтересованным, скучающим по теме. — Я думаю, она упала на битое стекло. Я не говорил сестре о дополнительном отчете, который заказал команде Константина, и не собираюсь этого делать.

Хлоя — моя тайна, которую нужно разгадать, моя головоломка, чтобы решить.

Моя красивая игрушка, с которой можно играть.

Ее глаза встречаются с моими, и она быстро отводит взгляд, ее рука сжимает вилку, а ее маленькая грудь вздымается и опускается в более быстром ритме. Я мрачно улыбаюсь, наблюдая за ней. Я выбиваю ее из колеи, заставляю ее нервничать, и не только сексуальное напряжение согревает воздух между нами. Я заметил, как она смотрела на мои избитые костяшки пальцев во время обеда, видел вопрос в ее глазах.

Мой зайчик достаточно умен, чтобы опасаться меня.

В глубине души она знает, что я за человек.

Я изучаю ее во время еды, любуюсь ею, пока она лакомится плодами кухонного труда Павла. Она по-прежнему осторожна и тонка в этом, но как минимум три большие порции *плова*, фирменного грузинского рисового плова Павла, быстро исчезают с ее тарелки, за ними следуют порции всех салатов и гарниров на столе, а также целая тарелка шашлык из баранины, главное блюдо вечера.

Ее невероятный аппетит одновременно и забавляет, и огорчает меня, потому что она раскрывает что-то важное.

Это говорит мне о том, что в недавнем прошлом она познала настоящий, настоящий голод.

Осознание добавляет к моему разочарованию, как и следы на ее руке. Константин до сих пор не пришел с отчетом, и это сводит меня с ума. Я хочу знать, что с ней случилось. Мне *нужно* это знать. Это быстро становится навязчивой идеей — и она тоже. Сегодня днем, когда она пошла гулять со Славой, я поймал себя на том, что карабкаюсь по стенам, потому что не мог смотреть на нее через камеры. Я хочу знать, что она делает каждую

минуту каждого дня, и как бы я ни старался отвлечься, она — это все, о чем я могу думать.

Когда трапеза близится к концу, я подумываю уговорить ее остаться со мной на дижестив, но когда замечаю, что она прикрывает зевок, отказываюсь от этого. Мастерство Алины в макияже скрыло внешние признаки истощения Хлои, но она по-прежнему хрупка, по-прежнему хрупка... слишком много для всех темных, грязных вещей, которые я хочу сделать с ней. Кроме того, сегодня вечером я не могу быть уверен в своем самоконтроле.

Желание, обжигающее мои вены, кажется слишком сильным, слишком диким для гладкого соблазнения.

Скоро, обещаю я себе, глядя, как она выходит из столовой и исчезает на лестнице.

Скоро я доберусь до сути того, что движет Хлоей Эммонс, и утолю этот голод.

Уже почти два часа ночи, когда я признаю поражение и встаю, чтобы пробежаться. После того, как прошлой ночью я почти не спала и потратила большую часть своей беспокойной энергии на спарринги с охранниками, я должна была умереть для всего мира. Вместо этого я часами лежал без сна, мое тело горело от неудовлетворенного желания, а мой разум был наполнен беспокойными мыслями. Каждый раз, когда я был близок к тому, чтобы заснуть, я видел, как надо мной висит чертов кулон, и ярость наполняла мои вены, заставляя меня проснуться.

Моя сестра знала, что делала, когда вешала эту безделушку на красивую шею Хлои.

Ночное небо ясное, когда я выхожу из дома, свет полумесяца освещает мой путь, когда я начинаю бежать по подъездной дорожке. Не то чтобы мне это было нужно — у меня отличное ночное зрение. Поскольку лес вокруг меня сгущается, я ускоряюсь, пока не бегу по дороге, ведущей к воротам. На полпути я резко поворачиваю направо и вхожу в лес, мои кроссовки хрустят листьями и ветками, пока я продираюсь сквозь деревья. Здесь темнее, опаснее, с неровной землей и упавшими ветвями, но вызов — это то, что мне нужно. Такой бег заставляет меня концентрироваться, напрягаться как умственно, так и физически. В то же время что-то в ночном лесу меня успокаивает. Тихое шуршание диких животных в кустах, уханье совы над моей головой, суглинистый запах разлагающейся растительности — все это часть опыта, часть того, что привлекает меня в это место.

Я бегу, пока мои легкие не горят, а мышцы не кажутся свинцовыми, пока пот не стекает по моему лицу ручьями. Когда мои ноги угрожают подвести, я поворачиваюсь назад и бегу в гору, преодолевая предел изнеможения, преодолевая ограничения моего тела и воспоминания, вторгающиеся в мой разум. Я бегу, пока не перестану думать ни о чем, не говоря уже о кулоне в форме сердца на груди Хлои.

Наконец, я останавливаюсь и иду остаток пути, давая себе остыть. К тому времени, когда я вхожу в темный, тихий дом, мое дыхание успокаивается, и мои ноги начинают чувствовать, что они привязаны ко мне. Сняв грязные туфли, я запираю входную дверь и иду вверх по лестнице, тяжесть лишения сна ложится на меня, как слой кирпичей. Я не могу дождаться, когда упаду в свою кровать и...

Сдавленный крик останавливает меня.

Я замираю на вершине лестницы, все мои чувства настороже, когда я осматриваю темный коридор.

Через мгновение я слышу это снова.

Приглушенный крик, доносящийся из комнаты Хлои.

Адреналин бурлит в моем теле. Я не перестану думать, я просто действую. Я беззвучно

иду по коридору, каждый мускул моего тела напряжен для битвы. Если кто-то вломится, если они причинят ей боль... Одна только мысль об этом окрашивает мое зрение в красный цвет. Только постоянные тренировки удерживают меня от того, чтобы выбить дверь и ворваться внутрь. Вместо этого я останавливаюсь в трех футах от ее спальни и прижимаю ладонь к стене, нащупывая крошечный выступ. Когда я нахожу его, я нажимаю, и с тихим свистом небольшой квадрат стены соскальзывает, открывая один из мини-арсеналов, которые я спрятал по всему дому.

Двигаясь бесшумно, я протягиваю руку в нишу и хватаю заряженный Глок 17, затем подхожу к двери Хлои.

Все снова тихо, но я не позволяю этому одурачить меня.

Что-то не так. Я знаю это. Я чувствую это.

Сняв предохранитель большим пальцем правой руки, я осторожно поворачиваю ручку левой рукой и приоткрываю дверь.

Раздается еще один крик, за которым следует сдавленное рыдание.

Черт возьми.

Я толкаю дверь настежь и ворвусь внутрь, подготовившись к бою.

Только на меня никто не нападает.

Нет ни летящих пуль, ни какого-либо движения.

В слабом лунном свете в темной спальне никого, кроме меня, нет, кроме меня и маленького свертка под одеялом на кровати — свертка, который внезапно дергается, издавая еще один приглушенный крик.

Конечно.

Я опускаю пистолет, сильнейшее напряжение покидает мои мышцы. Должно быть, это то, что Алина слышала прошлой ночью. Неудивительно, что Хлое было так неловко, когда моя сестра подняла эту тему.

Ей снятся кошмары. Плохие.

Теперь, когда я знаю, что она в безопасности, я должен уйти, но я остаюсь на месте, глядя на эту связку одеяла, пока мое сердцебиение становится жестким, бьющимся ритмом. *Она здесь, спит всего в паре метров от меня.* Адреналин в моих венах трансформируется в острую, горячую потребность, в голод такой яростный и сильный, что я дрожу от усилий, чтобы сдержать его. Я хочу чувствовать ее гладкую, теплую кожу под своими пальцами, чувствовать ее свежий, сладкий аромат полевых цветов... погрузиться глубоко в ее тугое, влажное тепло... Мой пульс стучит в ушах, мое тело так сильно, что болит, и мои ноги двигаются против моей воли, несущая меня вперед.

Бля, нет.

Я останавливаюсь в полуметре от кровати, стиснув зубы.

Двигай назад. В настоящее время.

Каким-то чудом мои ноги слушаются.

Один шаг.

Другая.

Третий.

Я на полпути к двери, когда сверток на кровати снова дергается и начинает дико биться, наполняя воздух грубыми, душераздирающими криками.

Хлоя
"Нет!"

Мои ноги скользят в крови, когда я бросаюсь вперед и падаю на колени над телом мамы. Ее красивое, выразительное лицо вялое, мягкие карие глаза остекленели и ничего не видят. Ее розовый халат, мой прошлогодний рождественский подарок, зияет вверху, обнажая левую грудь, а правая рука откинута в сторону, кровь из глубокой вертикальной раны на предплечье стекает на чистую белую плитку, просачивается в безукоризненно ухоженный раствор. Ее левая рука прижата к боку, но и там кровь. Столько крови...

"Мама!" Я прижимаю свои ледяные пальцы к ее шее. Я не чувствую пульса, или, может быть, я просто не знаю, где его найти. *Потому что есть пульс. Должен быть. Она бы этого не сделала. Не сейчас. Не снова.* Я одновременно в бешенстве и оцепенении, мои мысли мчатся с молниеносной скоростью, даже когда я стою на коленях, неподвижный и застывший. *Кровь. Столько крови на кухонном полу.* Моя голова дергается на автопилоте, я ищу рулон бумажных полотенец на прилавке. Мама будет так расстроена из-за пятен на затирке. Мне нужно убрать это, нужно...

Позвони 911. Это то, что мне нужно сделать.

Я вскакиваю на ноги, лихорадочно похлопывая себя по карманам, пока мой взгляд скользит по кухне.

Мой телефон. Где мой чертов телефон?

Подожди, мой кошелек.

Я оставила его в машине?

Я поворачиваюсь к входной двери, прерывисто дыша. *Ключи.* К машине нужны ключи. *Куда я положила свои гребаные ключи?* Мой взгляд падает на столик у входа, и я бегу к нему, сердце колотится так сильно, что меня тошнит.

Ключи. Автомобиль. Кошелек. Телефон.

Я могу сделать это.

Всего один шаг за раз.

Мои пальцы смыкаются вокруг моего пушистого брелка, и я уже собираюсь схватиться за ручку двери, когда слышу это.

Низкий, глубокий рокот мужских голосов в маминной спальне.

Я превращаюсь в камень, каждый мускул моего тела напрягается.

Мужчины. Здесь, в квартире. Где мама лежит в луже крови.

— ...должен был быть здесь, — говорит один из них, и его голос становится громче с каждой секундой.

Недолго думая, я прыгаю в нишу в стене коридора, которая служит нам гардеробом. Моя левая нога приземляется на кучу ботинок, моя лодыжка мучительно выворачивается, но я сдерживаю крик и дергаю зимнее пальто вокруг себя, как щитом.

«Проверь телефон еще раз. Может, есть пробки. Голос другого мужчины звучит ближе, как и его тяжелые шаги.

О Боже, о Боже, о Боже.

Я захопываю рот обеими руками, ключи, которые я сжимаю, болезненно впиваются в мой подбородок, пока я стою неподвижно, не смея вздохнуть.

Шаги останавливаются рядом с моим убежищем, и я вижу их сквозь громоздкие слои пальто.

Высокий.

Мощно построен.

Черные маски.

Пистолет в одной руке в перчатке.

Колючки ужаса пробегают вверх и вниз по моему позвоночнику, мое зрение пестрит темными пятнами из-за нехватки воздуха.

Не теряй сознание, Хлоя. Оставайся на месте и не теряй сознание.

Словно услышав мои мысли, ближайший ко мне мужчина поворачивается лицом к моему убежищу и срывает маску, обнажая голову акулы. Оскалив ножевые зубы в жуткой ухмылке, он направляет на меня пистолет.

"Нет!"

Я резко дергаюсь назад, только чтобы запутаться в пальто. Они повсюду, душит меня, держат в плену. Я дергаюсь с растущим отчаянием, хриплые мольбы и панические рыдания вырываются из моего горла, когда палец в черной перчатке нажимает на спусковой крючок и...

— Ш-ш-ш, все в порядке, зайчик. Ты в порядке." Пальто сжимается вокруг меня, только на этот раз их вес успокаивает, как будто меня обнимают. Они также хорошо пахнут, интригующая смесь кедра, бергамота и землистого мужского пота. Я глубоко вдыхаю, мой ужас ослабевает, когда голова акулы и пистолет растворяются в тумане, и просачивается осознание других ощущений.

Тепло. Гладкие твердые мышцы под ладонями. Глубокий, шероховатый шелковый голос шепчет мне на ухо успокаивающие слова, а могучие руки крепко держат меня, защищая, оберегая от ужасов, витающих за пределами тумана.

Мои рыдания стихают, прерывистое дыхание замедляется, когда кошмар отпускает меня. И это *был* кошмар. Теперь, когда мой мозг начал функционировать, я знаю, что на человеческом теле не может быть головы акулы. Мой спящий разум наколдовал это, приукрашивая воспоминание, как приукрашивает сейчас...

Подожди, это не похоже на сон.

Я напрягаюсь, всплеск адреналина сметает оставшуюся дымку и приносит осознание того, что большой, теплый, с обнаженной грудью, *очень настоящий* мужчина качает меня на своих коленях. Мое лицо прячется в изгибе его шеи, мои руки сжимают твердые мускулы его плеч, а его большие мозолистые ладони успокаивающе гладят мою спину. Он бормочет слова утешения на смеси английского и русского, и его мягкий глубокий голос ужасно знаком, как и его соблазнительный мужской запах.

Этого не может быть.

Это невозможно.

И все еще...

— Николай? Я шепчу, чувствуя, как будто взрываюсь внутри, и когда я поднимаю голову с его плеча и открываю глаза, слабый лунный свет, струящийся через окно, освещает резко вырезанные черты его лица, давая мне ответ.

22

Хлоя

Большая теплая рука ложится мне на затылок, массируя напряжение, охватившее каждую мышцу моего тела. — Ты в порядке, зайчик? — бормочет он, бледный лунный свет отражается в его глазах, пока его другая рука гладит мою руку вверх и вниз. — Плохой сон

ушел?

Я не нахожу слов, чтобы ответить. Шок подобен миллиону крошечных игл, вонзающихся в мою кожу, мой внутренний термостат переключается с горячего на холодный и обратно.

Николай и я в постели.

Вместе.

Он держит меня на коленях.

Термостат доходит до палящего, учащает мой пульс и посылает головокружительный поток тепла прямо в сердце. Мы все почти голые — моя пижамная майка и шорты слишком тонкие, и он, должно быть, тоже одет только в шорты или трусы, потому что я чувствую его голые бедра рядом с моими. Его кожа покрыта грубыми волосами, мышцы ног настолько напряжены, что кажутся каменными.

И это не единственная каменная твердость, которую я чувствую.

Весь мир, кажется, исчезает, уступая место абсолютному осознанию нашего интимного положения и темной магнетической силе, которая с самого начала притягивала нас друг к другу. Мое сердце яростно стучит в грудной клетке, каждый удар отдается эхом в ушах, а дыхание сбивается через приоткрытые губы. Его лицо всего в нескольких дюймах от моего, его могучие руки обнимают меня, удерживая в объятиях, в равной степени защищающих и сдерживающих.

— Хлоя, зайчик... — в его глубоком голосе звучит напряженная нотка. "У тебя все нормально?"

Хорошо? Я сгораю, умираю от огненной бури нужды внутри себя. Он так близко, что я чувствую тепло его дыхания, запах мятной зубной пасты, смешивающийся с чувственными нотами его одеколона и солеными оттенками чистого, здорового мужского пота. Его глаза сияют лунным светом, испещренным тенями, его черные волосы сливаются с ночью, и у меня возникает сюрреалистическая мысль, что *он* сделан из тьмы... что, как существо из подземного мира, он существует вне досягаемости света.

Меня охватывает трепет, смешиваясь с пылающим в жилах жаром, усиливая его каким-то особенным, тревожным образом. Мои соски твердеют, мои внутренние мышцы сжимаются от нарастающей пустой боли, а мое тело действует в соответствии с давно тлеющим импульсом, мои пальцы сжимают твердые мышцы его плеч, когда мои губы прижимаются к его губам.

Какое-то мгновение ничего не происходит, и у меня возникает ужасная мысль, что я недооценила ситуацию, что влечение все-таки одностороннее. Но затем низкий, грубый звук вырывается из его горла, и он целует меня в ответ с диким голодом, его руки сжимаются, образуя вокруг меня железную клетку. Его губы пожирают мои, его язык проникает глубоко, пробуя меня на вкус, вторгаясь в меня в откровенной имитации полового акта, и мой разум становится совершенно пустым, все мысли и страхи испаряются под жестоким ударом желания.

Я никогда не знала такого грубого и чувственного поцелуя, никогда не чувствовала возбуждения, настолько сильного, что это причиняло боль. Моя кожа горит, мое сердце бьется, как кулак, о грудную клетку, а мое сердце пульсирует отчаянной, скручивающейся потребностью. Он тащит меня на кровать, прижимая своим тяжелым весом, и все, что я могу сделать, это беспомощно стонать ему в рот, когда мои ногти впиваются в его плечи, а мои ноги обхватывают его бедра, прижимая пульсирующий клитор к твердой выпуклости его

тела. его эрекция.

Рванный стон вырывается из его горла, и он проводит рукой по моему телу, его прикосновение оставляет за собой огненный шлейф. Он грубо стягивает мою майку, и его мозолистая ладонь смыкается на моей левой груди, массируя ее с голодным давлением, когда его губы сжимают мои, его поцелуй поглощает меня, крадет каждый выдох из моих легких. Задыхаясь, с головокружением, я прижимаюсь к нему, мои руки скользят вверх, чтобы схватить горстями его шелковистые волосы. Ощущение его горячей ладони на моем соске в равной степени приносит облегчение и раздражение; это успокаивает лихорадочное желание его прикосновения, усиливая быстрое нарастание напряжения.словно взведенная пружина, давление сжимается в моем сердце все туже, каждое движение бедер приближает меня к краю, к облегчению, которого я так отчаянно ищу.

Я собираюсь прийти. Осознание проносится через меня за мгновение до кульминации. Моя спина выгибается, мои ноги сжимаются вокруг его мускулистой задницы, и сдавленный крик вырывается из моего горла, когда горячее удовольствие пронзает мое тело. Высвобождение настолько мощное, что стирает все мысли, все причины, и только когда я спускаюсь с высоты и открываю глаза, я понимаю, что он замер на мне, его голова повернута к двери, а его мощное тело почти вибрирует от напряжения.

Через долю секунды я понимаю, почему.

— Хлоя, это ты? Ты... Алина замирает в дверях, ее фигура в неглиже обрисовывается в свете, льющемся из коридора.

Свет, который она, должно быть, включила, когда услышала нас.

Точнее, услышала *меня*.

Горячий румянец заливает мое лицо и шею, когда я точно понимаю, что она услышала и что увидела.

Я в постели с ее полуголым братом посреди ночи, верх пижамы задрался до подмышек.

Нельзя считать это случайностью, нельзя спутать это с чем-то другим, кроме того, чем оно является.

"Извини меня." Тон Алины становится холодным. «Дверь была открыта. Я не хотела вторгаться.

Она исчезает в коридоре, и Николай бормочет что-то похожее на русское ругательство. Взрывным движением скатываясь с меня, он шагает к широко открытой двери и захлопывает ее, погружая нас обратно в темноту.

Я карабкаюсь в сидячее положение, сдергивая майку, когда слышу его возвращающиеся шаги. *Блядь. Блядь. Блядь. Что я делаю?* Моя рука лихорадочно хлопает по тумбочке в поисках выключателя прикроватной лампы, и свет включается как раз в тот момент, когда матрас прогибается под его весом.

Несколько тактов мы просто смотрим друг на друга, и я замечаю всевозможные детали, от которых трусики плавятся, например, то, как его прямые черные волосы выбиваются из моих пальцев, и как его чувственные губы краснеют и опухают, блестя от наших грубых поцелуев. Мои должны выглядеть точно так же, потому что я могу чувствовать их, влажные и пульсирующие, жаждущие большего его притягательного прикосновения и вкуса. На нем только шорты для бега, его грудь и плечи сплошь мускулистые, а пресс четко очерчен. В отличие от мощных туловищ его ног, усыпанных густыми темными волосами, его торс гладкий, а его слегка загорелую кожу портит только бледный морщинистый шрам на левом плече.

У меня учащается сердцебиение.

Пулевое ранение.

Я никогда не видел ни одного, но я уверена, что я права. Либо так, либо сверло пронзило его плечо.

Затяжное сияние оргазма рассеивается, когда в него просачивается страх, порожденный более ясным мышлением. Кто он, этот великолепный мужчина, который, кажется, так близко знаком с опасностью?

Почему он в моей спальне, на моей кровати?

Я медленно отхожу, не сводя с него глаз. Пулевое ранение, синяки на пальцах, стена вокруг комплекса, охрана... Тут есть история, и нехорошая. Насилие, в той или иной форме, похоже, является частью жизни моего нового работодателя, и я не хочу иметь с этим ничего общего, как бы мое тело ни жаждало, чтобы мы закончили то, что начали.

То, что я начала, поцеловав его так бездумно, так нагло.

Когда я отступаю, его тигриные глаза сужаются, и я чувствую его разочарование, кипящую ярость хищника, наблюдающего неизбежное бегство своей добычи. За исключением того, что в нашем случае это не является неизбежным — с его превосходными размерами и силой он может остановить меня в любой момент, и тот факт, что он остается неподвижным, несмотря на очевидное напряжение в его мощных мышцах, более чем обнадеживает.

Он должен понять, о чем я думаю, потому что выражение его лица разглаживается, а поза принимает расслабленный, почти ленивый вид. — Не волнуйся, зайчик. Я не собираюсь набрасываться на тебя». Голос у него мягкий, тон слегка насмешливый. — Если ты не хочешь этого, так и скажи. У меня нет привычки ложиться спать с теми, кто не хочет... или с теми, кто притворяется таковыми.

Мое лицо такое, как будто кто-то сжигает угли под моей кожей. Он, без сомнения, имеет в виду мой импровизированный оргазм, о котором я еще не позволяла себе думать. Потому что каким бы бесстыдным ни было мое сегодняшнее поведение, ничто не сравнится с тем, чтобы трахать его, как сука в течке, и исходить из этого.

— Я не... — я останавливаюсь, понимая, что готов начать ребяческие отрицания. — Ты прав, — говорю я более ровным тоном. "Я прошу прощения. Я не должна была тебя целовать. Это было совершенно неуместно и..."

— И это снова произойдет. Его глаза подобны янтарным драгоценностям в теплом свете лампы. «Ты будешь целовать меня, и мы будем трахаться, и ты будешь кончать снова и снова. Ты кончишь на моих пальцах и на моем языке, и мой член погрузится глубоко в твою тугую, влажную киску. Ты придешь, когда я трахну твое горло и твою задницу. Ты будешь приходить так чертовски часто, что забудешь, каково это — не приходить — и все равно будешь просить еще».

Я смотрю на него, у меня пересохло в горле, а нижнее белье промокло насквозь. Мой клитор пульсирует в унисон с его тихими словами, мое сердце колотится, как у дятла, даже когда мои легкие изо всех сил пытаются сделать хоть один вдох. Я никогда не слышала, чтобы мужчина говорил со мной так, я никогда не знала, что грязные разговоры могут одновременно возбудить меня и заставить сгореть от стыда.

«Это не... я не...» Я втягиваю кислород. «Этого не произойдет».

«О, но это так, зайчик. Ты знаешь почему?»

Я качаю головой, не веря себе, что могу говорить.

«Потому что это неизбежно. С того момента, как я увидел тебя, я знал, что это будет так... горячо, дико и грубо, совершенно неконтролируемо. И ты тоже это знал. Вот почему ты почти не можешь смотреть на меня во время еды, вот почему наедине со мной ты так боишься». Он наклоняется, глаза блестят. «Ты хочешь меня, Хлоя... и поверь мне, я тоже хочу тебя».

Я ищу, что сказать, но ничего не приходит в голову. Там, где должны быть мысли, есть большая пустая щель. В то же время мое тело пульсирует от электрического сознания, каждое нервное окончание внутренне осознает его близость и темный жар в этих львиных, гипнотических глазах. Это настолько выходит за рамки моего опыта, что у меня нет для этого сценария, я понятия не имею, как реагировать, не говоря уже о том, чтобы действовать. Он мой работодатель, отец моего ученика, и даже если бы он им не был, все равно была бы та аура опасности, насилия, которую он носит как смертельный ореол. Единственное разумное решение закрыть это, отрицать, что я хочу его, но я не могу заставить себя высказать очевидную ложь.

Он ждет, что я заговорю, и когда я молчу, его губы изгибаются в насмешливой полуулыбке. — Подумай об этом, зайчик, — мягко советует он, мускулы его мощного тела дрожат, когда он поднимается на ноги. «Подумай о том, как хорошо будет, когда ты придешь ко мне».

К тому времени, как я наконец сформулирую ответ, он уже ушел, оставив на моих простынях слабый след бергамота и кедра, а в уме и теле — полнейшее смятение.

23

Николай

потребовалось все мое самообладание, которое я вырабатывала годами. Похоть, темная и мощная, пульсирует во мне, требуя, чтобы я вернулся к Хлое и продолжил с того места, где мы остановились.

Вместо этого я направляюсь в свою ванную. Сняв промокшие от пота шорты, я включаю душ и выставляю температуру на холодную. Затем я ступаю под брызги, позволяя холоду воды охладить огонь, бушующий в моей крови.

Слишком, черт возьми, скоро.

Я мог бы подтолкнуть ее дальше, я знаю, но это было бы слишком рано. Она не готова к этому, для меня. Кошмар заставил ее ослабить бдительность, но несвоевременное вмешательство моей сестры напомнило ей обо всех причинах, по которым она не должна хотеть меня, обо всех причинах, по которым она считает, что это неправильно. Ее тело может хотеть меня, но ее разум борется с влечением. Это пугает ее, интенсивность того, что бурлит между нами, и я не могу ее винить.

Это почти пугает меня.

В моем желании к девушке есть что-то другое, что-то одновременно нежное и жестокое... собственничество, выходящее за рамки простой похоти. Когда я думал, что она в беде, я мог думать только о том, как добраться до нее, защитить ее, уничтожить любого, кто причинил ей боль. И когда она начала метаться в муках своего кошмара, потребность утешить ее была слишком сильной, чтобы ее отрицать. Мне хватило присутствия духа, чтобы положить пистолет в коридоре, а потом я был там, держа ее, пока она тряслась и рыдала, ее явный ужас разрывал меня, наполняя разочарованием и беспомощной яростью.

Она была травмирована, ранена кем-то или чем-то, и я не знаю, кто или что.

Я не знаю, и мне нужно знать.

Мне это нужно, чтобы я мог защитить ее.

Мне это нужно, потому что в моем сознании она уже моя.

Я все еще под холодными брызгами, темное осознание пронизывает меня.

Алина правильно опасается за Хлою.

Я *опасен* для нее, хотя и не по той причине, которую воображает моя сестра. Она думает, что я хочу девушку как одноразовую игрушку для секса, случайную игрушку, но она ошибается. Как бы я ни хотел погрузиться в тесное маленькое тело Хлои, я хочу проникнуть в ее разум еще больше. Я хочу знать каждую мысль за этими карими глазами, обнажить все ее желания и нужды... каждый шрам и рану. Я хочу покопаться в ее психике, и не только из-за секретов, которые она скрывает.

Я не просто хочу разгадать тайну, которую она представляет.

Я хочу разоблачить *ее*.

Я хочу разобрать ее и понять, что движет ею.

Я хочу этого, чтобы заставить ее тикать исключительно для меня, чтобы она могла быть только моей.

Я хочу ее так же, как мой отец когда-то хотел мою мать... целую жизнь назад, до того, как их любовь превратилась в ненависть.

В течение одной долгой секунды, вызывающей ощущение пустоты в животе, я размышляю о том, чтобы поступить правильно. Я думаю уйти, или, скорее, позволить Хлое сделать это. Завтра первым делом я мог бы выдать ей двухмесячную зарплату без каких-либо обязательств и отправить ее восвояси... смотреть, как она уезжает отсюда на своей захудалой Тойоте.

Я рассматриваю это и отбрасываю.

Может быть, Хлое еще слишком рано занимать мою кровать, но мне уже слишком поздно поступать правильно.

Было слишком поздно, когда я увидел ее... может быть, даже в тот момент, когда я родился.

Я имел в виду то, что сказал ей сегодня вечером.

Это *неизбежно*. Я чувствую уверенность в этом глубоко в своих костях.

Она придет ко мне, привлеченная той же темной, первобытной потребностью, которая корчится у меня под кожей.

Она отдаст себя мне, и это решит ее судьбу.

Выключив холодную воду, я выхожу, вытираюсь полотенцем и молча иду в спальню. Встроенные светильники в изголовье горят, отбрасывая мягкое свечение на белые шелковые простыни, но кровать не кажется уютной. Не то, что чувствовала *ее кровать с ее маленьким теплым телом в ней*. Не то, что *она* чувствовала, корчась возле меня, не прося, а получая от меня удовольствие, ее губы, как мед и грех, ее вкус, как невинность и темнота вместе взятые.

Мой член снова твердеет, волна жгучей похоти прогоняет холод, оставшийся после душа. Сев на кровать, я выдвигаю ящик тумбочки и смотрю на пару ключей на пушистой розовой цепочке — те, что Павел дал мне вчера вечером, сразу после того, как перепарковал машину Хлои.

Осторожно, благоговейно я беру их в руки и подношу к носу. Сами клавиши пахнут металлом, но розовый мех хранит в себе слабый след полевых цветов и весны, ее свежей нежной сладости. Я глубоко вдыхаю, впитывая каждую ноту, каждый нюанс.

Затем я опускаю ключи обратно в ящик и задвигаю его.

24

Хлоя

Со стоном я переворачиваюсь на спину и закрываю глаза рукой, чтобы защитить их от солнечного света. Мне потребовалось несколько часов, чтобы заснуть после ухода Николая, и я чувствую себя полной развалиной. Все, что я хочу сделать, это закрыться от дурацкого солнечного света и...

Подожди, солнечный свет?

Я резко выпрямляюсь, щурясь на яркий свет, льющийся из окна.

Черт.

Я опоздал на завтрак?

Я окинул комнату лихорадочным взглядом, но часов нет. Однако на потолке свисает телевизор, а на тумбочке я замечаю пульт. Я хватаю его и нажимаю кнопку питания, надеясь, что это не один из тех сложных домашних кинотеатров, для работы с которыми требуется степень в области компьютерных наук.

Включается телевизор, удобно настроенный на новостной канал, и я облегченно вздыхаю.

7:48 утра

Если я потороплюсь, я успею спуститься вниз вовремя.

Я бегу в ванную и быстро выполняю утреннюю рутину, а затем мчусь к своему шкафу. Телевизор все еще включен, ведущий новостей бубнит о предстоящих выборах, а я хватаю одну из своих новых джинсов и мягкую на вид рубашку с длинными рукавами — еще одно новое приобретение. Судя по информативной синей полосе в нижней части экрана телевизора, сегодня утром температура около пятидесяти градусов, что значительно ниже, чем вчера. Кроме того, мне не мешает прикрыть еще не заживающие струпья на руке — прошлой ночью я видел, как Николай на них глазел.

Я выхожу из шкафа полностью одетым в 7:55 и, как последнюю мысль, хватаю шкатулку с кулоном и серьгами и сую в карман, чтобы вернуть ее Алине. В новостной программе сейчас показывают отрывок из вчерашних предварительных президентских дебатов, в котором один из лидеров, популярный сенатор от Калифорнии, уничтожает своих оппонентов шквалом искусно сформулированных фактов и цифр. Я не особо слежу за политикой — моя мама считала всех политиков отбросами земли, и ее мнение передалось мне, — но этот парень, Том Брэнсфорд, достаточно известен, и я знаю, кто он такой. В свои пятьдесят пять лет он является одним из самых молодых кандидатов в президентской гонке и настолько красив и харизматичен, что его сравнивают с Джоном Ф. Кеннеди. Не то чтобы у него было что-то на моего работодателя.

Если бы Николай баллотировался в президенты, всему женскому населению США потребовалась бы смена трусов после каждого дебатов.

Время на экране меняется на 7:56, и я выключаю телевизор. Может быть, сегодня вечером у меня будет возможность посмотреть что-нибудь, желательно легкую веселую комедию. Впрочем, ничего романтического — мне нужно отвлечься от Николая и запутанной ситуации между нами, а не вспоминать об этом.

Я не хочу еще одной бессонной ночи, когда мое тело болит от возбуждения, а мои мысли закливаются на ролике с рейтингом X, воспроизводя его грязные обещания и

темные, горячие образы, которые они вызывают в воображении.

К моему удивлению, Николая не было за столом, когда я спустился туда ровно в 7:59. Его сестра, однако, и Слава тоже. Ребенок одаривает меня яркой улыбкой, которая контрастирует с гораздо более спокойной улыбкой Алины, и я улыбаюсь им обоим в ответ, хотя мысль о том, что Алина видела прошлой ночью, вызывает у меня желание улизнуть и никогда больше не показываться в этом доме.

— Доброе утро, — говорю я, садясь на свое обычное место рядом со Славой. Заманчиво избегать взгляда Алины, но я полон решимости не поддаваться своему смущению.

Ну и что, если она застанет меня целующимся с ее братом? Не то чтобы я была гувернанткой в викторианские времена, которую видели ласкающей хозяина поместья.

"Доброе утро." Тон Алины нейтрален, выражение ее лица тщательно сдержано. «Николай на вызове, так что он не присоединится к нам за завтраком».

"Ох, ладно." Я снова испытываю эту странную смесь разочарования и облегчения, как будто тяжелый тест, к которому я готовился, был перенесен. Хотя сегодня утром я старалась не думать о Николае, должно быть, я подсознательно настраивала себя на то, что увидела его здесь, потому что чувствую себя опустошенной, несмотря на ослабление напряжения в плечах.

Сунув руку в карман, я достаю шкатулку с драгоценностями и передаю ее Алине. «Спасибо, что одолжил мне это прошлой ночью».

Ее длинные черные ресницы опускаются, когда она берет его у меня. "Без проблем. Какая — *нибуддь гречка* ? — спрашивает она, указывая на горшок с темным зерном, стоящий рядом с ней. Завтрак здесь, кажется, намного проще: к основному блюду прилагается только банка меда и несколько тарелок с ягодами, орехами и нарезанными фруктами.

Кивнув с благодарностью, я протягиваю Алине свою миску. — Я бы хотел немного, спасибо. Я более чем счастлив, что она ведет себя нормально. Надеюсь, оно продолжится.

Когда она возвращает миску мне, я пробую ложку зерна, которое она называла «гречка». Он получается удивительно ароматным, с насыщенным, ореховым вкусом. Подражая тому, что делает Алина, я добавляю в миску свежие ягоды и грецкие орехи и поливаю все это медом.

«Это жареная гречка, — объясняет она, пока я копаюсь в ней. — Дома ее обычно едят в качестве пикантного гарнира, часто смешивая с жареной морковью, грибами и луком. Но мне нравится так, больше похоже на овсянку».

«Я думаю, что это вкуснее, чем овсянка».

Алина кивает, отсыпая Славе его порцию зерна. «Вот почему я люблю его на завтрак». Она насыпает в тарелку Славы ягоды, орехи и щедрую порцию меда и ставит ее перед мальчиком, который тут же сует ложку. его дыхание.

Я ухмыляюсь, понимая, что наконец-то вижу, как он играет со своей едой, как нормальный ребенок. Перехватив его взгляд, я подмигиваю и начинаю складывать ягоды черники друг на друга, словно строю башню. Я добираюсь только до второго уровня, прежде чем ягоды скатываются друг с друга и приземляются на часть зерна, слипшегося от меда.

Я гримасничаю, изображая испуг, а Слава хихикает и начинает строить свою ягодную башню. Получается намного лучше, чем у меня, так как он использует мед в качестве клея и подпирает свою чернику нарезанной клубникой.

— Очень хорошо, — говорю я с впечатленным выражением лица. — Вы действительно

прирожденный архитектор.

Он улыбается мне и с гордостью зачерпывает ложку гречки вместе с кусочком своего ягодного творения. Запихивая его в рот, он торжествующе жует, а я хвалю его за то, что он такой умный. Воодушевленный, он строит еще одну башню, и я снова заставляю его смеяться, заставляя одну из моих ягод ежевики гоняться за черникой, которая все время откатывается от моей ложки.

— Ты действительно любишь детей, не так ли? — бормочет Алина, когда мы со Славой устаем от игры и продолжаем есть. Выражение ее лица заметно потеплело, ее зеленые глаза наполнились странной задумчивостью, когда она посмотрела на своего племянника. — Для тебя это не просто работа.

"Конечно нет." Я улыбаюсь ей. «Дети потрясающие. Они могут заставить нас увидеть мир таким, каким мы когда-то его видели... заставить нас испытать то чувство радости и удивления, которое уносят уходящие годы. Они ближе всего к машине времени или, по крайней мере, к окну в прошлое».

Ее ресницы снова опускаются, скрывая выражение глаз, но нельзя не заметить внезапное напряжение, сжимающее ее рот. «Окно в прошлое...» В ее голосе звучит странно ломкая нота. — Да, это именно то, что Слава.

И прежде чем я успеваю спросить, что она имеет в виду, она меняет тему на сегодняшнюю прохладную погоду.

25

Николай

«У нас проблема», — говорит Константин вместо приветствия, когда его лицо — более худощавая, более аскетическая версия моего, с очками в черной оправе на ястребином носу — заполняет экран моего ноутбука.

Я наклоняюсь ближе к камере, мой пульс ускоряется от предвкушения. — Что ты узнал?

Константин хмурится. «О, насчет девушки? Пока ничего. Моя команда все еще работает над этим». Не обращая внимания на острую боль разочарования, которую он только что доставил, он продолжает. «Это мой ядерный проект. Правительство Таджикистана только что отозвало наши разрешения».

Я вдыхаю и медленно выпускаю воздух. В такие моменты мне хочется задушить старшего брата. "И что?" Он должен знать, что мне плевать на его любимые проекты, особенно те, которые граничат с научной фантастикой.

Опять же, может быть, он не делает. Несмотря на свой гениальный IQ — а возможно, и благодаря ему — Константин может удивительно не осознавать, что происходит вокруг него, особенно если это касается людей, а не нулей и единиц.

— Значит, Валерий думает, что это Леоновы, — говорит он, блестя глазами за линзами очков. «Атомпром делает ставку против нас, и Алексей был замечен обедающим с главой комиссии по энергетике в Душанбе».

Блядь. Это все, что я могу сделать, чтобы скрыть вспышку ярости, обжигающую меня.

Я был неправ. Мой брат прекрасно понимает, что делает, вовлекая меня в это. Если бы это был кто-нибудь, кроме Леоновых, мне *было бы наплевать* — бизнес есть бизнес, — но я ни за что не позволю их вмешательству ускользнуть.

Не после Славы.

— А Валерий... — мрачно начинаю я, но Константин уже качает головой.

«Комиссия по энергетике отказалась с ним разговаривать. Какая-то чушь о том, как избежать неправомерного влияния. У Валери есть несколько идей, как действовать дальше, но я решил поговорить с вами, прежде чем мы пойдем по этому пути.

Я делаю еще один успокаивающий вдох и заставляю свои напряженные плечи разжаться. "Ты поступил правильно." Тактика убеждения, которую любит использовать наш младший брат, может привлечь ненужное внимание, и после того трюка, который Леоновы провернули два года назад, мы уже находимся на тонком льду с таджикскими властями.

Нужен более деликатный штрих, поэтому Константин обратился ко мне с этим.

— Я позвоню главе комиссии и назначу встречу, — говорю я. «Мы вместе учились в интернате. Он увидит меня.

Константин опускает голову. «Встретимся в Душанбе. Как скоро ты сможешь быть там?

"Завтра. Я вылетаю сегодня утром». Чем быстрее я покончу с этим дерьмом, тем скорее вернусь сюда.

Впервые с тех пор, как я покинул Москву, это тихое уединение в глуши волнует меня больше, чем любой другой город на свете.

26

Хлоя

К тому времени, как мы позавтракаем и я отвожу Славу к себе, серые тучи сменяют яркое солнце, разбудившее меня, и температура падает еще больше, когда начинается легкий дождь. По словам Алины, к полудню у нас должна начаться гроза, поэтому я отказываюсь от идеи взять свою ученицу в очередной поход.

Вместо этого я позволяю Славе выбирать, что он хочет делать в помещении, и присоединяюсь к нему в этом занятии, которое больше похоже на сборку башни LEGO. Мне это хорошо помогает, так как позволяет нам практиковать некоторые слова, которые он выучил. Когда ему это надоедает, мы строим крепость из подушек и одеял и играем в кемперы и медведей, где я рычу, гоняясь за ним по всему дому, зарабатывая неодобрительные взгляды Людмилы и Павла, которые готовятся к следующему. еда на кухне. После этого я читал ему его любимые комиксы, и мы играли с машинами и грузовиками, выбранные нами автомобили мчались друг против друга, а я комментировал, как спортивный комментатор NASCAR.

Мальчик действительно яркий и забавный; учить его одно удовольствие. Тем не менее, какими бы увлекательными ни были наши игры, я не могу полностью сосредоточиться на них или на нем. Часть моего разума где-то в другом месте, на другой паре золотых глаз. После того, как Николай ушел, я часами лежала без сна, моя кожа покраснела, а сердце бешено колотилось. Каждый раз, когда я закрывала глаза, я слышала его глубокий, мягкий голос, дающий эти плотские обещания, и пульсирующая боль между ног возвращалась, делая меня скользкой, опухшей и такой чувствительной, что я едва могла выносить прикосновение своих пижамных шорт. Только когда я сдалась и использовала свои пальцы, чтобы достичь еще одного оргазма, я смогла заснуть — и даже тогда мой сон был прерывистым, наполненным туманными сексуальными мечтами, перемежающимися фрагментами ночных кошмаров.

Но не мои обычные кошмары.

В них был только один человек в маске, и он не хотел меня убивать.

Он хотел захватить меня.

Он хотел сделать меня своей.

Мы со Славой валяемся на животе на его кровати и листаем книжку про азбуку, когда я чувствую покалывание между лопатками. Я бросаю любопытный взгляд через плечо — и жар наполняет все мое тело, когда я встречаюсь взглядом с Николаем.

Он прислонился к дверному косяку, наблюдая за нами, выражение его лица тщательно скрыто. Я понятия не имею, как долго он стоял там, но я не помню, чтобы услышала, как открылась дверь, так что, должно быть, это было давно.

— Давай, заканчивай то, что делаешь, — бормочет он. — Я не хочу прерывать урок.

С трудом сглотнув, я возвращаю свое внимание к Славе и книге. Он также заметил своего отца, но его реакция намного спокойнее. Он немного подавлен, когда мы продолжаем называть буквы и объекты, которые начинаются с них, но к тому времени, когда мы доходим до Р и я издаю звуки *хрю-хрю*, чтобы соответствовать изображению поросенка, он снова становится своим оживленным, хихикающим «я».

Не в силах удержаться, я украдкой оглядываюсь через плечо — и мое сердце на мгновение замирает. Николай смотрит теперь не на меня, а на сына, и что-то мягкое и болезненное в его глазах... какая-то странная, отчаянная тоска.

Я моргаю, и так же быстро его внимание переключается на меня, странное выражение исчезает, сменяясь знакомым палящим жаром. Покраснев, я отворачиваюсь и продолжаю урок, мой пульс бьется неровно. Должно быть, я вообразил себе этот взгляд или как-то неправильно его истолковал. Николаю нет смысла тосковать по сыну, который прямо перед ним. Если он хочет быть ближе с мальчиком, все, что ему нужно сделать, это протянуть руку к нему, улыбнуться ему, поговорить с ним... узнать его поближе.

Он может попытаться *стать* папой, а не этой далекой авторитетной фигурой, с которой Слава, кажется, не знает, что делать.

С другой стороны, мне всегда было легко общаться с детьми. Вот почему я выбрал этот путь карьеры. Если у Николая было минимальное общение с детьми до того, как он узнал о существовании своего сына, возможно, он просто чувствует себя потерянным и неуверенным — как ни трудно поверить в такого могущественного и самоуверенного человека.

Импульсивно, я поворачиваюсь в сидячее положение лицом к нему. "Не хочешь присоединиться к нам? Может быть, мы вдвоем закончим просмотр последних писем со Славой.

Его охватывает странная тишина. "Двое из нас?"

— Или ты можешь сделать это сам, если хочешь. Я начинаю чувствовать себя глупо. Весьма вероятно, что я неправильно все понял, приписав Николаю мысли и эмоции, отражающие мои собственные выдаваемые за действительное желания. То, что я втайне мечтала встретить своего отца и сблизиться с ним, не означает, что каждые отношения между родителями и детьми должны соответствовать определенной динамике или...

— Я присоединюсь к вам. Николай отталкивается от дверного косяка и приближается к кровати теми длинными изящными шагами, которые напоминают мне походку камышового кота.

Я отползаю назад, когда он садится на матрас рядом со мной, но со Славой, растянувшимся между мной и стеной, я не могу уйти далеко. Николай так близко ко мне, что мы почти соприкасаемся, и у меня перехватывает дыхание, когда его чувственный аромат кедрового дерева и бергамота окутывает меня, напоминая мне о прошлой ночи. Яркие сексуальные

образы вторгаются в мой разум, и меня охватывает еще больше тепла, от которого мое нижнее белье становится влажным, а мое сердце начинает биться быстрее. Неловко осознавая, что Слава смотрит на нас широко открытыми глазами, я пытаюсь подавить свое возбуждение, но жар не рассеивается, мой пульс отказывается войти в более ровный ритм.

Это была плохая идея. Очень плохая идея. Я должен держаться на расстоянии от своего работодателя, не выпуская то, что равнозначно приглашению обниматься на двуспальной кровати. Там едва хватает места для меня и Славы. Единственный способ для всех нас соответствовать, если-

— Ложись, зайчик, — мягко говорит Николай, злобная полуулыбка изгибает его губы, когда он тянется вокруг меня, чтобы взять книгу. «Так что я могу правильно присоединиться к вам».

Кровь, приливающая к моему лицу, кажется лавой, когда я неохотно подчиняюсь, поворачиваясь и ложась на живот рядом со Славой, который, кажется, очарован происходящим. Николай вытягивается рядом со мной, его большое твердое тело прижимается к моему, и мне с опозданием приходит в голову, что Слава должен быть посередине и служить буфером. Прежде чем я успеваю предложить это, Николай кладет тяжелую руку мне на плечи, прижимая меня к месту, и кладет книгу передо мной.

— Давай, — шепчет он мне на ухо, от его теплого дыхания у меня по руке бегут мурашки. «Посмотрим, как ты поработаешь со своей обучающей магией».

Магия? Единственная магия здесь заключается в том, что я каким-то образом цела, а не лужица слизи на простынях — именно так ощущается мое тело, когда я лежу в его объятиях. Мой пульс стучит в висках, дыхание разрывает губы, нижнее белье становится еще скользче, и только присутствие ребенка рядом с нами удерживает меня от повторения вчерашней ошибки, поддавшись опасному гипнотическому притяжению Николая. мне.

Вместо этого я пытаюсь сосредоточиться на поставленной задаче. Прочистив горло, я прочитал: «Т — поезд: чу-чу». Также для грузовика. Мой голос слишком хриплый, но я просто рад, что мой мозг работает достаточно, чтобы разобрать слова на странице. К счастью, Слава, кажется, не замечает ничего неладного, а я продолжаю, указывая на изображение грузовика слегка дрожащим пальцем.

Бросив любопытные взгляды на отца, он повторяет за мной слова, его голос сначала тихий и приглушенный, затем все более живой, и к тому времени, когда мы доходим до Z, он смеется над полосами на зебре и намеренно неправильно произносит слово, совсем забыл о большом мужчине в постели с нами.

После его третьей неудачной попытки я с притворным разочарованием цокаю и смотрю на Николая. — Почему бы тебе не попробовать сказать это? — предлагаю я, не обращая внимания на то, как учащается мой пульс, когда я встречаюсь с ним взглядом. — Может быть, тебе повезет больше.

Выражение лица Николая не меняется, но рука, лежащая у меня на плече, слегка напрягается. — Хорошо, — говорит он размеренным тоном и, глядя в книгу, произносит с сильным преувеличенным русским акцентом: — Зи-брух.

Глаза Славы округляются. Он явно не ожидал, что у его отца будут проблемы с английским словом. Я снова цокаю, качая головой, словно разочарованная попыткой Николая, и после короткого напряженного момента Слава раздражается смехом.

— Зебра, — поправляет он сквозь хихиканье, его произношение такое же идеальное, как и мое. «Зебра, зебра».

"Ага, понятно." Николай смотрит на меня с озорным блеском в глазах. — Итак... Зибро?

Слава сейчас чуть не умирает от смеха, и я тоже не могу не ухмыльнуться. Это сторона моего работодателя, которую я никогда раньше не видел, и, судя по реакции Славы, тоже. Хихикая, он поправляет отцовское произношение, и Николай снова портит его, вызывая у мальчика новые приступы смеха. Наконец, Славе удается «научить» Николая, как это делается, и мы торжественно закрываем книгу, изучив весь алфавит.

Сразу же напряжение между мной и Николаем возвращается, воздух потрескивает от сексуального заряда. Я изо всех сил старалась не обращать внимания на то, как он прижимается ко мне, но без отвлеченной книги это невозможно. Его большое тело теплое и твердое рядом со мной, его рука тяжела на моих лопатках, и, хотя мы оба полностью одеты, близость такого лежания вместе неоспорима.

К моему облегчению, Николай убирает руку и садится. Я делаю то же самое, быстро отодвигаясь назад, чтобы увеличить дистанцию между нами — отступление, которое он наблюдает с мрачным весельем, прежде чем сказать что-то по-русски своему сыну.

Мальчик кивает, все еще краснея от волнения, и Николай поднимается на ноги.

«Пойдем в мой кабинет», — говорит он мне. — Есть кое-что, что я хотел бы обсудить.

27

Николай

Я сижу за маленьким круглым столом в своем кабинете, а Хлоя сидит напротив меня и смотрит на меня своими красивыми настороженными карими глазами. Ее руки переплетаются на столе, пока она ждет, когда я начну разговор, и я позволяю моменту растягиваться, наслаждаясь ее нервозностью. Лежать рядом с ней на крохотной Славиной кровати было пыткой; если бы не мой сын, я бы не смогла себя контролировать. Мне все еще тяжело находиться рядом с ней, ощущать ее тепло и вдыхать ее свежий сладкий аромат. Мне нужно все, чтобы не протянуть руку и не схватить ее прямо здесь и сейчас, разложив ее на этом самом столе.

С усилием сдерживаю себя. Слишком рано, тем более, что я уезжаю через полчаса и не вернусь несколько дней. Быстрый трах — это не то, что мне нужно. Этого будет недостаточно.

Как только я уложу Хлою в свою постель, я намерен держать ее там часами. Может быть, даже дни или недели.

Кроме того, я не поэтому позвал ее в свой кабинет.

Положив предплечья на стол, я наклоняюсь вперед. "О последней ночи..."

Она напрягается, пульс на ее шее заметно ускоряется.

— ...это было из-за твоей матери?

Она моргает. "Что?"

"Ваш кошмар. Это было из-за смерти твоей матери? Вопрос мучает меня все утро, а так как Константин не пришел с отчетом, то есть только один способ узнать ответ.

При слове «смерть» ее подбородок почти незаметно дергается. — Это... да, в некотором смысле, это о ней... — Она тяжело сглатывает. "Ее смерть."

"Мне жаль." Что бы она ни скрывала, ее боль непритворна, и она тянет меня, как тупой рыболовный крючок. — Как она умерла?

Я знаю, что говорится в полицейском отчете, но я хочу услышать мнение Хлои. Я уже

отбросил возможность того, что она могла убить свою мать — девочка, за которой я наблюдал последние два дня, не более убийца, чем я святой, — но это не значит, что что-то пошло *не так*. вниз. Что-то, из-за чего она вылетела из сети и отправилась в путешествие по пересеченной местности на машине, которую десять лет назад следовало выбросить.

Руки Хлои сжимаются крепче, ее глаза сверкают болезненным блеском. «Это было признано самоубийством».

— И было ли это?

"Я не знаю."

Она врет. Ясно как божий день, что она не верит ни единому слову из полицейского отчета, что она что-то мне не говорит. Я испытываю искушение надавить на нее сильнее, заставить ее открыться мне, но для этого еще слишком рано. У нее пока нет причин доверять мне; если я нажму слишком сильно, это будет только иметь неприятные последствия.

Последнее, чего я хочу, это напугать ее, заставить ее хотеть бежать, пока меня нет.

— Это сложно, — вместо этого тихо говорю я. — Неудивительно, что тебе снятся кошмары.

Она кивает. «Это было довольно тяжело». Она осторожно спрашивает: «А как насчет твоих родителей? Они вернулись в Россию?»

«Они мертвы». Мой тон слишком резок, но моя семья — не та тема, в которую я хочу углубляться.

Глаза Хлои расширяются, прежде чем наполниться ожидаемым сочувствием. "Мне правда жаль-"

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее. «У тебя же нет ни телефона, ни ноутбука, ни какого-либо планшета, верно?»

Она выглядит ошеломленной. "Верно. Я ничего не взяла с собой в поездку».

Я встаю и иду к своему столу. Открывая один из ящичков, я достаю новенький ноутбук, все еще запечатанный в коробке, и возвращаю его на стол.

"Здесь." Я кладу его перед ней. — Я уезжаю в Таджикистан через, — я сверяюсь с часами, — через пятнадцать минут. Я не знаю, как долго меня не будет, но это будет не менее трех-четырёх дней, и я хочу, чтобы ты держал меня в курсе успехов Славы.

"Да, конечно." Она тоже встает, ее карие глаза смотрят на меня. «Вы хотите, чтобы я посылал вам ежедневное электронное письмо или...?»

«Я позвоню тебе по видеосвязи. Попроси Алину создать для вас учетную запись на безопасной платформе, которую мы используем. Кроме того, — я вытаскиваю свою визитную карточку и протягиваю ей, — вот мой номер мобильного на случай непредвиденных обстоятельств».

Я планирую наблюдать за ней через камеры и в комнате Славы, но этого будет недостаточно. Я уже знаю, что. Мне нужно больше общаться с ней, мне нужно слышать, как она разговаривает со *мною*, видеть, как она улыбается *мне*, а не только моему сыну. Видеозвонков тоже будет недостаточно, но это лучшее, что я могу сделать, кроме как отказаться от поездки в целом, и я еще не так далеко ушел.

Нет, так и должно быть, и постоянное информирование о прогрессе Славы служит хорошим оправданием для этих звонков.

Моя грудь снова сжимается при мысли о моем сыне, но на этот раз боль сопровождается тревожным теплом. Слава смеялся вместе со мной, смотрел на меня сегодня утром не с опаской... и это из-за нее, потому что она была рядом, одаривая меня своей

сладостью, своим лучезарным волшебством.

Я хочу большего.

Я хочу забрать весь ее солнечный свет, использовать его, чтобы осветить каждый темный, пустой угол моей души.

Медленно, стараясь не спугнуть ее, я подхожу ближе и нежно провожу ладонью по ее шелковисто-гладкой щеке. Она смотрит на меня, не двигаясь, едва дыша, эти мягкие, пухлые кукольные губы приоткрыты, и мои внутренности сжимаются от неистовой потребности, голода, столь же сильного, как и темнота. Как бы я ни хотел ее трахнуть, я хочу обладать ею еще больше.

Я хочу владеть ею внутри и снаружи, приковать ее к себе и никогда не отпускать.

Что-то из моих намерений должно проявиться, потому что ее дыхание сбивается, а горло нервно сглатывает. «Николай, я...»

— Оставь ноутбук включенным по вечерам, — тихо приказываю я и, опуская руку, отступаю назад, прежде чем успеваю поддаться опасному водовороту внутри себя.

Зверю, которого не может скрыть никакая утонченность.

28

Хлоя

колотящимся сердцем я смотрю через окно в комнате Славы, как Павел загружает чемодан на заднее сиденье гладкого белого внедорожника и садится за руль. Через минуту Николай подходит к машине. Одетый в строго скроенный серый костюм и белую рубашку в тонкую полоску, с сумкой для ноутбука, перекинутой через одно плечо, он выглядит как влиятельный бизнесмен. Двигаясь со своей обычной спортивной грацией, он забирается на переднее пассажирское сиденье и закрывает дверь.

Я судорожно вздохнула, мой пульс замедлился, когда машина отъехала и исчезла на извилистой подъездной дорожке. Я понятия не имею, как я отношусь к его уходу или к тому, что произошло в его офисе. Он собирался меня поцеловать? Если бы я не назвал его имени, он бы...

— Хлоя? — раздается тихий высокий голос, и я поворачиваюсь с улыбкой, отбрасывая все мысли о моем работодателе.

"Да, дорогой?"

Слава держит коробку с деталями LEGO. "Замок?"

Я ухмыляюсь. «Конечно, давайте». Мне нравится, что он запомнил это слово и чувствует себя достаточно комфортно, чтобы называть меня по имени. Он действительно один из самых способных детей, которых я когда-либо встречала, и я не сомневаюсь, что мне придется о многом сообщить Николаю, когда он позвонит мне.

Мое сердцебиение снова ускоряется при мысли о разговоре с ним на видео, и я занят тем, что достаю детали LEGO из коробки. Какая-то часть меня рада, что Николай ушел... что следующие несколько дней мне не придется бороться с его опасным магнетическим присутствием. Но другая, более слабая часть меня уже оплакивала его отсутствие. Пасмурное небо снаружи кажется темнее, серее, дом пустее и холоднее.

Как будто что-то жизненно важное исчезло из моей жизни, оставив после себя странное чувство пустоты.

Остаток утра я провожу со Славой, играя в разные развивающие игры, а потом обедаем в

столовой, только вдвоем, а Людмила выносит все блюда.

«Головная боль», — сообщает она мне, когда я спрашиваю об Алине. — Ты сам себя ешь, ладно?

Я киваю, сдерживая смех неудачной фразы. Может быть, жена Павла согласится на уроки английского, пока я здесь? Надо будет как-нибудь у нее спросить. Пока я сосредотачиваюсь на том, чтобы дать Славе щедрую порцию всего, что есть на столе, а затем сделать то же самое для себя, пока Людмила исчезает на кухне. Я не вижу ее снова до обеда, который Алина тоже пропускает, оставляя меня ужинать наедине с моей подопечной.

Я не возражаю. На самом деле это облегчение. Несмотря на роскошную одежду, которую мы со Славой надели в соответствии с «домашними правилами», ужин кажется гораздо более непринужденным, когда мы вдвоем, в атмосфере отсутствуют все напряжение и напряжение, которые приносят с собой братья и сестры Молотовы. Я играю со своей едой, заставляя Славу хихикать как сумасшедший, и продолжаю учить его словам, обозначающим разные продукты, а также основным фразам во время еды. Вскоре он по-английски просит меня передать ему салфетку, и, используя множество жестов и выражений лица, нам удается обсудить, какие продукты ему нравятся больше всего, а какие нет.

Только когда Людмила уводит Славу, чтобы уложить его спать, а я поднимаюсь в свою комнату, я понимаю, что мне нужна Алина. Это она должна создать для меня учетную запись на защищенной платформе для видеоконференций. Сомневаюсь, что Николай позвонит мне сегодня вечером — он, скорее всего, все еще в воздухе, — но он мог бы легко позвонить мне завтра утром. Или посреди ночи, если он приземлится.

Тем не менее, я не хочу беспокоить ее, если она плохо себя чувствует.

Решаю начать с настройки самого компьютера. Это элегантный MacBook Pro высокого класса, и когда я распаковываю его из коробки, я понимаю, что у меня никогда не было такого дорогого ноутбука. Трудно поверить, что у Николая она лежала в ящике стола, как запасная ручка.

Опять же, чему я удивляюсь? У этой семьи явно есть деньги, чтобы сжечь.

Я загружаю ноутбук и выполняю новую процедуру настройки компьютера. Но когда я пытаюсь подключиться к Wi-Fi, я не могу — он защищен паролем. Мне нужна Алина для этого тоже. Полагаю, я могу спросить Людмилу, но она сейчас укладывает Славу спать, и нет никакой гарантии, что она знает пароль, учитывая, насколько параноидально Молотовы относятся к безопасности, цифровой и прочей.

Раздосадованно выдохнув, я закрываю ноутбук. Без интернета это практически бесполезно.

Думаю, сегодня вечером я буду бездельничать и смотреть телевизор.

Я переодеваюсь в вечернее платье и надеваю пару мягких леггинсов и хлопчатобумажную футболку с длинными рукавами — оба новых приобретения — и удобно устраиваюсь на кровати. Включив телевизор, я нахожу шоу о природе и провожу следующий час, изучая равнины Серенгети. Повествование Дэвида Аттенборо, как всегда, великолепно, и я полностью поглощен историей, разворачивающейся на экране, и впервые за несколько недель мой разум спокоен. Только когда я смотрю, как лев преследует газель, мои мысли возвращаются к убийцам, преследующим меня, и ко мне возвращается беспокойство.

Я до сих пор не знаю, кто эти люди и что они хотели от моей мамы — почему они убили ее и выставили это как самоубийство. Наиболее логичная возможность состоит в том, что она наткнулась на них, когда они грабили квартиру, но тогда почему она была одета в

халат, как будто отдыхала дома? И почему полиция не заметила следов взлома или пропажи вещей?

По крайней мере, я предполагаю, что они этого не заметили. Если они это сделали и все равно сочли ее смерть самоубийством... что ж, это поднимает множество других вопросов.

Другая возможность, более вероятная и гораздо более тревожная, заключается в том, что они пришли специально, чтобы убить ее.

Выключив телевизор, я встаю и подхожу к окну, чтобы посмотреть на быстро темнеющий пейзаж. Моя грудь стеснена, мой разум снова взбалтывается. С тех пор, как это произошло, я ломаю голову, пытаюсь придумать причины, по которым кто-то может хотеть убить мою маму, и не могу придумать ни одной. Мама не была идеальной — она могла быть острой на язык, когда устала, и была склонна к приступам депрессии, — но я никогда не видела, чтобы она была намеренно злой или недоброй по отношению к кому-либо. Сколько я себя помню, она работала на двух или более работах, чтобы прокормить нас, оставляя у нее мало времени и энергии, чтобы общаться и заводить друзей — или врагов. Насколько мне известно, она даже не встречалась, хотя мужчины постоянно к ней приставали.

Она была красива... и едва исполнила сорок, когда умерла.

Мое горло сжимается, под глазами нарастает жгучее давление. Мало того, что я потеряла единственного человека в мире, который любил меня безоговорочно, так еще и ее убийцы на свободе. Полиция не поверила ни единому моему слову, репортеры, с которыми я связался, не ответили на мои электронные письма, и никто не ищет убийц моей мамы. Никто не охотится на них так, как на бешеных животных.

Вместо этого убийцы охотятся за мной.

К черту это дерьмо.

Повернувшись на каблуках, я подхожу к кровати и беру ноутбук. Я не могу сидеть и смотреть телевизор, как будто мой мир не рухнул месяц назад. Не тогда, когда я, наконец, в безопасности и у меня есть компьютер, на котором я могу проводить исследования на досуге. Неделями я металась от одного кризиса к другому, вся моя энергия была сосредоточена на выживании, на побеге, но теперь все по-другому. У меня сытый живот, безопасное место, где можно отдохнуть, и — если только я смогу узнать пароль от Wi-Fi — ноутбук с подключением к Интернету. Больше не нужно пробираться в библиотеку в каком-нибудь маленьком городке, чтобы сторбиться над их медленными, древними рабочими столами, каждую минуту оглядываясь через плечо; больше никаких наспех написанных электронных писем, прежде чем бежать к машине.

Здесь, в уединении своей комнаты, я могу не торопиться и искать улики, подтверждающие мои утверждения, какие-то доказательства, чтобы передать их в полицию.

Я могу попытаться разгадать тайну убийства мамы и перевернуть столы с ее убийцами, заставить их бежать.

29

Хлоя

Я не знаю, какая комната у Алины, но она должна быть рядом с моей, чтобы она слышала меня обе ночи. Прижав ноутбук к груди, я стучу в ближайшую к спальне дверь и, не получив ответа, иду к следующей.

Все равно не повезло.

Пробую еще три двери в спальню и кабинет Николая, но безрезультатно. Осталась

только комната Славы, а так как там все тихо, значит, он уже спит.

подавив раздражение, я спускаюсь вниз. Я почти уверена, что комната Людмилы и Павла рядом с прачечной; Я слышала их голоса оттуда, когда вчера доставал белье из сушилки. Надеюсь, Людмила еще не легла спать и может сообщить мне пароль или найти Алину.

На этот стук тоже никто не отвечает — Людмилы нет ни на кухне, ни в других местах общего пользования внизу. Я уже собиралась сдаться и вернуться в свою комнату, когда до моих ушей донесся далекий взрыв смеха.

Это приходит извне.

Окончательно.

Оставив ноутбук на журнальном столике в гостиной, я спешу к входной двери и выхожу в прохладную туманную темноту. Дождь больше не идет, но воздух все еще хранит влажную прохладу, а густые облака блокируют все намеки на лунный свет. Если бы не свет, льющийся из окон, и солнечные фонари вдоль каждой стороны подъездной дорожки, было бы слишком темно, чтобы что-то разглядеть. На самом деле это все еще более чем жутко, и я обхватываю себя руками, чтобы перестать дрожать, и иду к задней части дома, следуя за звуками голосов.

Я нахожу Алину и Людмилу сидящими на паре валунов у края обрыва, перед ними весело потрескивает маленький костерок. Они смеются и разговаривают по-русски — и, как я понимаю, подойдя ближе, делят косяк.

Травянистый запах травы безошибочен.

При моем приближении они замолкают, Людмила смотрит на меня с открытым испугом, а Алина со своим обычным загадочным выражением лица. Делая глубокую затыжку, сестра Николая медленно выпускает дым и протягивает косяк мне. "Хочешь немного?"

Я колеблюсь, прежде чем осторожно взять его у нее. "Конечно, спасибо." Я не новичок в марихуане, я выкурила больше, чем моя справедливая доля на первом курсе колледжа, но я уже давно не курил.

Однако раньше это помогало мне расслабиться, и сегодня я мог бы использовать это.

Я сажусь на валун рядом с Алиной и вдыхаю полную грудь дыма, наслаждаясь едким, травянистым вкусом, затем передаю косяк настороженно выглядящей Людмиле. Алина бормочет ей что-то по-русски, и другая женщина заметно расслабляется. Делая затыжку, она передает косяк Алине, которая делает затыжку и передает ее мне, и мы идем так по кругу, курия в товарищеском молчании, пока не остается только маленький бесполезный окурок.

— Я сказала ей, что ты не сдашь нас моему брату. Алина бросает окурок в огонь и наблюдает за образовавшимся взрывом искр. — Или ее муж.

«Они не любят травку?» Мой голос хриплый и мягкий, а мысли приятно туманны. Даже перспектива огорчить моего работодателя не беспокоит меня прямо сейчас, хотя я знаю, что должна. Кроме того, технически Алина тоже мой работодатель, и она предложила мне косяк, так что я не виноват. Или я? Может, все-таки только Николай мой работодатель?

Трудно думать прямо.

«Николай может быть... взволнован некоторыми вещами. И Павел не держит от него секретов. Алина подталкивает кончиком туфельки тлеющий уголь, и я смутно замечаю, что на ней туфли на шпильке и голубое коктейльное платье, которое идеально подошло бы для открытия художественной галереи. Ее единственная уступка окружающей нас дикой местности — это белый искусственный мех, накинутый на ее стройные плечи — по-

видимому, для защиты от холода. Она также использует свою обычную помаду и подводку для глаз.

— Людмила сказала, что у тебя болит голова, — говорю я прежде, чем успеваю одуматься. «Ты одеваешься и красишься, даже когда болеешь?»

Алина тихо смеется и закуривает еще один косяк. Делая затяжку, она предлагает его Людмиле, которая делает то же самое и предлагает мне. Я начинаю тянуться к нему, но передумаю. Я знаю по опыту, что я настолько мягка, насколько это возможно; что-нибудь еще только сделает меня тупоумным. Не то, чтобы я уже не была но тот первый косяк был мощной штукой, такой же сильной, как все, что я пробовала. Кроме того, была причина, по которой я пришла сюда, и не для того, чтобы накуриться.

— Я в порядке, спасибо, — говорю я, отдергивая руку, и, пожав плечами, Людмила возвращает косяк Алине.

Я смотрю, как потрескивают и танцуют языки пламени, пока они курят и разговаривают по-русски. Хотела бы я говорить на этом языке, чтобы понимать их, но я не понимаю, и плавный ритм их речи напоминает мне журчание горного ручья, слова, перетекающие одно в другое, не поддающиеся осмыслению.

Это то же самое, что Слава, когда я говорю? Или для Людмилы?

Так ли это было с моей мамой, когда ее впервые привезли в Америку из Камбоджи?

Она никогда не говорила много о своих ранних годах; все, что я знаю, это то, что ее усыновила миссионерская пара, когда она была примерно в возрасте Славы. Я никогда не требовала от нее подробностей, не желая вызывать плохих воспоминаний. Я полагала, что у нас будет целая жизнь, чтобы поговорить о чем угодно, и она, в конце концов, расскажет мне, если будет о чем рассказать.

Я была близоруким идиотом.

Я должна была узнать все, что нужно было знать о моей маме, когда у меня был шанс.

Смех Алины привлекает мое внимание, и я перевожу взгляд с танцующих языков пламени на ее лицо, изучая каждую яркую черту. Ей легко было бы позавидовать и необыкновенной красоте, и богатству, но у меня почему-то не складывается впечатление, что сестра Николая особенно счастлива. Даже сейчас, когда она должна быть более чем взвинчена, в ее смехе есть хрупкая грань... своеобразная хрупкость под ее глянцевым фасадом. И, может быть, это отблески костра смягчают фарфоровое совершенство ее кожи, но сегодня вечером она кажется моложе своих лет двадцати пяти, на которые я ее рассчитывал.

Гораздо моложе.

"Сколько тебе лет?" — выпаливаю я, внезапно забеспокоившись, что могла принять травку от подростка. Долей секунды спустя я вспоминаю, что она закончила Колумбийский университет, так что она должна быть как минимум моего возраста, но уже слишком поздно забирать свой слишком личный вопрос.

К моему облегчению, Алина не считает это неуместным. — Двадцать четыре, — мечтательно отвечает она. — Двадцать пять на следующей неделе. Ее глаза немного расфокусированы, она протягивает руку и касается моих волос, потирая одну прядь между пальцами. «Кто-нибудь когда-нибудь упоминал, что ты немного похожа на Зою Кравиц?» Не дожидаясь ответа, она проводит кончиками пальцев по моей челюсти. — Я понимаю, почему мой брат хочет тебя. Такая хорошенькая... такая милая и свежая...

Неловко смеясь, я отмахиваюсь от ее руки. — Ты такая обдолбанная. Я чувствую на нас

взгляд Людмилы, любопытный и осуждающий, и мое лицо становится теплее, когда я размышляю о том, сколько слов Алины она поняла — и что она уже знает. Эти двое кажутся хорошими друзьями, и я не удивлюсь, если хотя бы часть их прежнего смеха была за мой счет.

«Чрезвычайно обдолбанная», — соглашается Алина, бросая в огонь второй окурок. — Но это не меняет фактов. Упираясь локтями в колени, она наклоняется, огоньки танцуют в ее глазах, когда она тихо говорит: «Не влюбляйся в него, Хлоя. Он не твой белый рыцарь.

Я отстраняюсь. — Я не ищу...

"Но ты." Ее голос остается мягким, даже когда ее взгляд становится острым, как лезвие ножа, вся туманность исчезает. «Тебе нужен белый рыцарь, благородный, добрый и чистый, защитник, который лелеет и любит тебя. И мой брат не может быть таким для тебя или для кого-то еще. Молотовцы не любят, они обладают, и Николай не исключение.

Я смотрю на нее, мой желудок становится пустым, когда приятное состояние химически вызванного отсутствия беспокойства рассеивается, моя голова проясняется с каждой секундой. Я не понимаю, что она имеет в виду, не до конца, но я не сомневаюсь, что она искренна, что ее предупреждение предназначено для того, чтобы защитить меня.

Отстранившись, Алина закуривает третий косяк и протягивает его мне. "Более?"

"Спасибо, не надо. Я, гм... — я прочищаю горло, чтобы избавиться от остаточной хрипоты. «На самом деле мне нужен пароль Wi-Fi. Вот почему я пришла сюда, чтобы искать тебя. Кроме того, Николай хотел, чтобы ты устроила меня на своей платформе для видеоконференций — если, конечно, ты готова к этому.

Она делает глубокую затяжку и медленно выпускает дым мне в лицо. — Я полагаю, это можно устроить. Вручая косяк Людмиле, она поднимается на ноги. "Пойдем."

И походкой, лишь слегка шатающейся, она ведет меня обратно в дом.

Когда мы добираемся до гостиной, я вручаю ей ноутбук и с немалой долей удивления наблюдаю, как она переходит к настройкам и вводит пароль, а ее изящные пальцы порхают над клавиатурой. Если бы не сильный запах марихуаны, прилипший к ее волосам и одежде, и если бы я лично не была свидетелем того, как она курила большую часть этих двух косяков, плюс сколько бы она ни делилась с Людмилой до моего приезда, я бы никогда не знала, что она высока.

Она так же безошибочна в установке программного обеспечения для видеоконференций и настройке учетной записи, ее пальцы с красными кончиками двигаются со скоростью, которой мог бы гордиться хакер.

«Ты действительно хороша в этом», — говорю я после того, как она передает мне ноутбук и объясняет основы программного обеспечения. «Ты специализировалась в области компьютерных наук или что-то в этом роде?»

— Боже, нет. Она смеется. «Экономика и политология, как Николай. Константин в семье гик, а остальные в лучшем случае опытные».

"Попалась. В любом случае, спасибо за это». Я закрываю ноутбук и прячу его под мышкой. «Я собираюсь лечь спать. Ты...?" Я машу рукой в сторону входной двери.

Она кивает, уголки ее рта приподнимаются в полуулыбке. «Людмила ждет меня. Спокойной ночи, Хлоя. Сладких снов."

Хлоя

Вернувшись в свою комнату, я принимаю душ, чтобы избавиться от оставшегося тумана в голове, и переодеваюсь в пижаму. Затем, переполненный предвкушением, я устраиваюсь поудобнее на кровати, открываю ноутбук и запускаю браузер.

Я начинаю с поиска новостей о смерти моей мамы. Ничего особенного, только некролог и короткая статья в местной газете о том, что женщина была найдена мертвой в своей квартире в Восточном Бостоне. Ни один из них не вдаётся в подробности, тактично опуская упоминания о самоубийстве. Я уже прочитала и статью, и некролог, когда зашла в библиотеку в Огайо пару недель назад, так что не трачу на них много времени. Вместо этого я записываю имя репортера и ищу ее контактную информацию, затем захожу в свой Gmail и отправляю ей длинное подробное электронное письмо с описанием того, что произошло в тот июньский день.

Возможно, с ней мне повезет больше, чем с другими журналистами, с которыми я уже общался. Никто из них не удосужился ответить — вероятно, отмахнувшись от меня как от душевнобольного, как это сделала полиция. Но это были репортеры крупных новостных агентств, и их, несомненно, преследуют всевозможные сумасшедшие. В фильмах мелкий репортер всегда достаточно заинтригован, чтобы начать расследование, и, возможно, так будет и здесь.

Всегда можно надеяться.

Затем я набираю мамино имя в Google и смотрю, что еще можно найти. Может быть, где-то есть упоминание о том, что она вела тайную двойную жизнь, что-то, что объясняет, почему кто-то хотел ее убить.

И, может быть, свиньи сядут на космический корабль и полетят на Луну.

Я нахожу именно то, что и ожидал: большое жирное ничто. Единственное, что выдает мой поиск, — это мамин профиль на Facebook, и следующие полчаса я провожу чтение ее постов, сдерживая слезы. Маме не нравилась идея выставлять свою жизнь напоказ, поэтому количество ее друзей исчисляется двумя цифрами, а ее постов немного и они редки. Фотография, на которой мы вдвоем одеты, чтобы пойти в клуб на мой двадцать первый день рождения, снимок букета цветов, который ее коллеги в ресторане подарили ей на ее сорокалетие, видео, на котором я кормлю салатом жирафа во время нашего недавние каникулы в Майами — ее профиль почти не затрагивает основных моментов нашей жизни, не говоря уже о том, что я еще не знал.

Тем не менее, я старательно просматриваю профили всех ее друзей в Facebook на случай, если один из них может быть наркоторговцем, который достаточно глуп, чтобы объявить об этом в социальных сетях. Потому что это лучшая теория, которую я могу придумать.

Мама стала свидетельницей того, чего ей не следовало видеть, и именно поэтому те мужчины пришли за ней — точно так же, как сейчас они преследуют меня, потому что я видела их и знаю, что ее смерть не была самоубийством.

По общему признанию, доказательств этой теории не существует, но я не могу придумать разумной альтернативы. Ну, я могу — кража со взломом пошла не так, — но с этой идеей слишком много проблем. Я имею в виду пистолеты с глушителями? Какие грабители их носят?

Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что эти люди пришли убить ее.

Большой вопрос: почему?

Через три часа я удаляю историю своего браузера и очищаю файлы cookie — на случай, если мне придется неожиданно вернуть компьютер, — и закрываю ноутбук. Мои глаза словно натерты наждачной бумагой из-за всего, что я читала на экране, а смягчающий эффект травы давно исчез, оставив меня усталой и подавленной. Я прогуглила почти все, что могла придумать в связи с жизнью и смертью мамы, прошерстила местные газеты в поисках сообщений о других преступлениях примерно в то же время — в том маловероятном случае, что мамиными убийцами были два серийных убийцы, работающих вместе, — и преследовала каждого из своих друзей на Facebook и сотрудников ресторана с настойчивостью самого преданного онлайн-тролля. Я даже изучила смерть ее приемных родителей, на случай, если в их автокатастрофе было что-то большее, чем мне сказали, но, похоже, это был простой случай, когда пьяный водитель врезался в них на шоссе.

Нечего, абсолютно нечего предъявить копам. Неудивительно, что мне не поверили, когда я в тот день ворвался в участок, дрожа и в истерике.

Я, наверное, должна закончить вечер и подумать обо всем на свежую голову завтра, но, несмотря на мою усталость, мой разум гудит от всевозможных тревожных вопросов, лишь некоторые из которых связаны со смертью мамы. Потому что есть еще одна тайна, о которой я пока не позволяю себе думать, и которая может иметь не меньшее значение для моей безопасности.

Кто такой Николай Молотов и что имела в виду Алина своим странным предупреждением?

Я смотрю на подушку, потом на компьютер. Уже поздно, и мне действительно пора спать. Но шансы заснуть, пока я в таком напряжении, малы, почти отсутствуют.

К черту это. Кому нужен сон?

Открываю ноутбук, набираю в браузере «Николай Молотов» и погружаюсь.

31

Николай

Первое, что я делаю по прибытии в отель, — включаю ноутбук, открываю видеотрансляцию из комнаты Славы и проверяю, мирно ли спит мой сын.

Он. Ночной свет в форме автомобиля, который он любит, чтобы мы оставили включенным, освещает его спящие черты, открывая крошечный кулачок, спрятанный под его мило округлой щекой. Мое сердце бьется сильнее при этом виде, теперь уже знакомая боль растекается по моей груди. Я понимаю это не больше, чем свою растущую одержимость его учителем, но я не могу отрицать, что она здесь, такая же настоящая и конкретная, как моя ненависть к женщине, которая его родила.

За Ксению и весь клан Леоновых гадюк.

Ярость вспыхивает в моем животе, и я отрываю от них свои мысли. Завтра будет достаточно скоро, чтобы разобраться с их последним саботажем; сегодня вечером у меня есть более приятные вещи, чтобы думать о.

Открывая новое окно, я вызываю трансляцию с веб-камеры на ноутбуке Хлои, и теплое сияние разливается по мне, когда ее красивое лицо заполняет экран. Несмотря на поздний час, она проснулась, ее гладкий лоб нахмурился, и она пристально вглядывается в свой компьютер. Должно быть, она что-то делает в сети, потому что я вижу, что ее браузер активен, и когда я захожу в ее историю поиска, я рада, что она изучает меня.

Я надеялся, что она будет думать обо мне так же, как я думаю о ней.

Она, конечно, понятия не имеет, что я это вижу. Ноутбук, который я ей подарил, из специальной партии, модифицированной одним из более темных предприятий Константина. Он выглядит как обычный новенький Мас, но поставляется с предустановленным незаметным шпионским ПО, которое позволяет нам следить за всевозможными влиятельными бизнесменами и политиками.

Многие коммерческие сделки были заключены благодаря этому удобному программному обеспечению и секретам, которые оно раскрыло.

Я наблюдаю за ней несколько минут, забавляясь ее попытками прочитать статью из российской газеты с помощью бесплатных инструментов веб-перевода. Когда она озадачена, она самым очаровательным образом морщит нос, ее глаза то расширяются, то сужаются, а зубы часто тянут нижнюю губу. Я хочу прикусить эту пухлую губу и успокоить ее поцелуем, а потом сделать то же самое по всему ее восхитительному маленькому телу.

Мой член вздрагивает при этой мысли, и я делаю вдох, чтобы отвлечься от разгорающегося внутри меня тепла. Как ни приятно наблюдать за ней, еще больше я хочу поговорить с ней, услышать ее мягкий, хриплый голос и увидеть ее солнечную улыбку. Я скучаю по этой улыбке.

Бля, я скучаю по *ней*.

Это смешно, я знаю — я встретил ее только на этой неделе, и мы были в разлуке меньше дня — но так оно и есть, это неизбежность всего этого. Судьба свела ее со мной, и теперь она моя, даже если еще не знает об этом. Если бы не эта поездка, она бы уже была у меня на руках, но Леоновы сунули свои грязные лапы в наши дела, и вот мы здесь.

Сделав еще один успокаивающий вдох, я открываю видеопрограмму Константина и звоню.

32

Хлоя

Я как раз кропотливо сравниваю перевод русской статьи в Bing с версией Google в надежде разобраться в трех особенно запутанных предложениях, когда раздается тихий звуковой сигнал и появляется запрос на видеозвонок с фотографией Николая.

Сердцебиение учащается, дыхание неудержимо учащается. Как будто он пресловутый дьявол, вызванный моими мыслями или моими исследованиями. Это возможно? Он как-то знает, что я читаю о нем в этот самый момент?

Поэтому он звонит так поздно? Уволить меня за слезку?

Нет, это безумие. Вероятно, он только что приземлился, увидел в приложении для видеоконференций, что я в сети, и решил зарегистрироваться.

Судорожно вздохнув, я приглаживаю волосы ладонями и нажимаю «Принять».

Его великолепное лицо заполняет экран, заставляя мое сердце биться сильнее. — Привет, зайчик. Его голос мягкий и глубокий, его взгляд завораживает даже через камеру. В общем, качество видео безумное; это как фильм в HD. Я вижу все, от искусных движений на абстрактной картине, висящей на стене в нескольких футах за его стулом, до зеленовато-зеленых пятнышек в его янтарных глазах. Должно быть, он только что прибыл, потому что на нем все еще рубашка и галстук, в которых я видел, как он уходил, но вместо того, чтобы выглядеть усталым и помятым, как нормальный человек после трансатлантического перелета, он представляет собой воплощение непринужденной элегантности, каждая

блестящая черная шевелюра. на месте.

Понимая, что смотрю на него, как фанатка, пораженная звездами, я заставляю свои голосовые связки работать. "Привет." Мое горло все еще немного першит от дыма, но я надеюсь, что он приписывает хриплость в моем голосе позднему часу. "Как прошел твой полет?"

Его чувственные губы изгибаются в теплой улыбке. «Без происшествий. Почему ты все еще спишь? Там уже за полночь.

— Просто... не спать. Особенно сейчас, когда я с ним разговариваю. Получить этот звонок было все равно, что выпить пять порций эспрессо; даже моя усталость ушла, сменившись нервным возбуждением, которое лишь частично связано с тем, что я читал.

Как я и подозревала, Молотовы баснословно богаты, и в России они имеют большое значение. «Одна из самых могущественных семей олигархов» — это переведенная Google цитата из одной российской статьи, и в российской прессе много упоминаний о Николае и его братьях, а до этого об их отце Владимире. Я даже нашла прошлогоднее фото, на котором Николай сидит рядом с президентом России на каком-то официальном мероприятии в Москве, выглядя так же круто и комфортно, как и на своих семейных обедах.

Чего я, к моему огромному облегчению, не нашла, так это ничего о том, что Молотовы являются мафией или связаны с криминалом, хотя, возможно, я просто не копала достаточно глубоко. Даже с помощью инструментов веб-перевода сложно подобрать правильные поисковые запросы на русском языке, а о семье Николая на английском написано на удивление мало — мимолетное упоминание на CNN трубопровода в Сирии, проложенного одной из их нефтяных компаний., абзац в Bloomberg о новом лекарстве от рака, разработанном одной из их фармацевтических компаний, строчка о Владимире Молотове в статье *New York Times*, в которой обсуждается огромное богатство России. О них нет ни статей в Википедии, ни таблоидов. Их даже нет ни в одном *спуске Forbes*, хотя есть несколько российских миллиардеров, а Молотовы кажутся еще богаче.

Конечно, возможно, я ничего не смог найти из-за того, что все ссылки на коктейль Молотова загромождали результаты поиска. Мне придется спросить Николая или его сестру, не имеют ли они никакого отношения к советскому министру иностранных дел, в честь которого уничижительно названа самодельная взрывчатка.

В ответ на мой ответ Николай хмурится в камеру, выглядя обеспокоенным. — У тебя не было другого кошмара, не так ли?

Я с улыбкой качаю головой. — Я просто еще не ложился спать.

Может быть, это отсутствие каких-либо тревожных открытий в моих поисках или простая реальность, что он здесь не для того, чтобы заставить мое тело гудеть от физического осознания, но я чувствую себя спокойнее, разговаривая с ним сегодня вечером... в большей безопасности. В конце концов, вполне возможно, что события последнего месяца расшатывали мои нервы, заставляя меня видеть опасность там, где ее нет, и все предполагаемые тревожные флажки — его шрам от пулевого ранения и сломанные суставы пальцев, охранники и все меры безопасности — ушли в прошлое. безобидные объяснения. Фактически...

— Ты когда-нибудь служил в армии? — импульсивно спрашиваю я, и еще больше напряжения уходит с моих плеч, когда Николай кивает, слабая улыбка танцует на его губах, когда он откидывается на спинку стула.

«Моя семья имеет долгую историю выдающихся заслуг перед страной, и мой отец

настоял на том, чтобы мы с братьями следовали этой традиции. Все трое были зачислены в восемнадцать лет и служили несколько лет». Он наклоняет голову, задумчиво глядя на меня. — Ты интересовалась этим? Он касается левого плеча.

— Да, — смущенно признаюсь я. Я начинаю чувствовать себя идиотом из-за того, что раньше давала волю своему воображению. "Что случилось? Тебя расстреляли?"

Он кивает. «Снайпер пустил в меня пулю. К счастью, он промахнулся».

"Пропущенный?"

Его белые зубы сверкают в ухмылке. — Я не умер, не так ли?

— Нет, слава богу. Тем не менее, моя грудь сжимается, когда я представляю этот шрам и боль, которую он, должно быть, испытал, когда пуля пронзила его плоть. — Тебе потребовалось много времени, чтобы восстановиться?

"Несколько недель. В то время мне было всего двадцать, и это помогло».

«Тем не менее, я не могу представить, что это было весело». Не в силах сопротивляться искушению, я спрашиваю: «Ты и по сей день продолжаешь тренироваться? Например... драться и все такое?»

Я пытаюсь быть тонкой, но он все равно видит меня насквозь.

Злобно ухмыляясь, он поднимает руки, поворачивая их, чтобы показать в камеру ушибленные костяшки пальцев. — Ты спрашиваешь об этом, я полагаю? Это после спарринга с несколькими моими охранниками. Они из моей бывшей части, и время от времени мы туда заходим — по крайней мере, когда Павел не может мне угодить.

Я улыбаюсь ему в ответ с таким облегчением, что готова расплакаться. Конечно, его охранники — его армейские приятели; это имеет большой смысл и многое говорит о его характере. — Павел тоже был с вами в армии? Я легко могу представить человека-медведя в армейской форме, с М16 и, возможно, с танком на плечах.

К моему удивлению, Николай качает головой. «Он фактически служил с моим отцом. Он записался в четырнадцать, и ему разрешили, так как он уже был своего нынешнего размера и выглядел на все двадцать пять».

"Ух ты. Значит, он знал вашу семью еще до вашего рождения?"

— Задолго до этого, — подтверждает Николай. «Мой отец нанял его прямо из армии, и с тех пор он в нашей семье».

— Людмила тоже?

— Нет, они женаты всего около десяти лет. Он смеется. «У Алины чуть не случился припадок, когда он впервые представил нам Людмилу. Я думаю, моя сестра была под впечатлением, что Павел был ее исключительной собственностью».

Мои глаза расширяются. — Она была влюблена в него?

— Не совсем, нет. Я думаю, что она думала о нем больше как о втором отце». Его улыбка тускнеет, и что-то мрачное мелькает в его глазах, прежде чем его губы приобретают свой обычный мрачно-чувственный изгиб — ту циничную, оболстительную улыбку, которая, как я теперь понимаю, скрывает его истинные эмоции. Наклоняясь ближе к камере, он тихо говорит: «Хватит о них. Расскажи мне, как прошел твой день, зайчик. Что вы со Славой делали, пока меня не было?»

Верно, поэтому он и звонит: получить отчет о своем сыне. Скрывая иррациональный приступ разочарования, я надеваю шляпу репетитора и рассказываю ему о наших занятиях и успехах Славы. Он внимательно слушает, время от времени прерывая его, чтобы задать уточняющие вопросы, и по мере того, как наш разговор продолжается, я понимаю, что

должна пересмотреть еще одно отрицательное мнение, которое сложилось о нем.

Николай заботится о своем сыне. Много.

Я мельком увидела это сегодня утром, когда мы со Славой лежали там на кровати, и вижу это теперь по тому, как смягчается его лицо, когда я говорю о мальчике. Не знаю, почему он отказывается защищать сына от такой очевидной опасности, как острый нож, но это не потому, что он его не любит. Да, но, судя по тому, как он ведет себя со Славой, я не удивлюсь, если ему трудно это признать.

Думаю, Николай хочет быть ближе к сыну, но не знает как.

Я думаю... он может быть хорошим человеком, в конце концов.

Предупреждение Алины снова вторгается в мой разум, но я отталкиваю его. Она была под кайфом, и между братом и сестрой явно есть напряжение, какая-то история, в которую я не посвящен. Кроме того, я не знаю, что, по ее мнению, происходит между мной и Николаем, но любовь нигде не обсуждается. Возможно, секс — я достаточно реалистична, чтобы признать, что моя решимость не спать с моим боссом не может сравниться с сильным влечением между нами — но любовь — это совсем другая игра. Я была бы идиоткой, если бы влюбилась в такого мужчину, как Николай, который, несомненно, привык к тому, что самые красивые женщины в мире бросаются на него. Если бы мы переспали вместе, для него это ничего бы не значило, а я не могу допустить, чтобы это что-то значило для меня.

А еще лучше, мы не должны спать вместе.

Таким образом, никто не пострадает.

Мы говорим о Славе еще двадцать минут, прежде чем поздний час настигает меня и зевок настигает посреди фразы. Я сразу замолкаю, но Николая не одурочить.

— Ты устала, не так ли? — бормочет он, с беспокойством глядя на меня. — Ты должна была что-то сказать, зайчик. Я не хотел тебя задерживать.

«Нет, нет, все в порядке. Я просто... Еще один неконтролируемый зевок прерывает мои слова, и я прикрываю его тыльной стороной ладони, прежде чем грустно улыбнуться ему. — Ладно, да, мне пора спать. Как ты так проснулся? Ты, должно быть, страдаешь от смены часовых поясов вдобавок ко всему».

Зеленые искорки в его глазах сияют ярче. «Мне не нужно много сна».

Конечно, нет. Я бы не удивилась, если бы он был наполовину сверхчеловеком — это объяснило бы его необыкновенно красивую внешность, которую он разделяет со своей сестрой.

— Ну, в любом случае, спокойной ночи, — говорю я, борясь с еще одним зевком. — И удачи тебе в любом деле, которое у тебя там есть.

— Спасибо, Зайчик. В его улыбке есть нежная нота. "Спокойной ночи. Я позвоню тебе завтра вечером».

Он вешает трубку, и когда я убираю ноутбук, я чувствую, как мое сердце бьется в новом, неровном ритме, моя грудь наполняется теплом, которое я не осмеливаюсь исследовать.

Я закрываю глаза после того, как мы отключились, пытаюсь удержать непривычное чувство благополучия, вызванное разговором с Хлоей, но оно быстро исчезает. На его место приходит мрачное осознание того, что я должен сделать сегодня, смешанное с мрачным предвкушением.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как я был в этом мире. Шесть месяцев с тех пор, как я позволил себе вмешиваться в наши дела на любом уровне, кроме самого поверхностного. И хотя я хотел бы сказать, что ненавижу возвращаться, я не могу отрицать, что часть меня упивается всем этим... что моя кровь быстрее течет по моим венам.

Открыв глаза, я закрываю ноутбук и поднимаюсь на ноги.

Пора на работу.

Павел уже ждет в холле гостиницы, и мы вместе выходим. Наша цель — небольшая таверна в нескольких кварталах отсюда, точнее, ее подвал.

Зрелище, которое встречает нас, когда мы спускаемся, некрасиво. Мужчина висит за запястья на цепи, привинченной к потолку, носки его обутых ботинок едва касаются голого бетонного пола. Его бледное лицо покрыто синяками и опухло, область под смещенным носом покрыта коркой темной крови. Двое мужчин Валерия стоят рядом с ним, их лица суровы, а глаза бесстрастны.

"При удаче?" Я спрашиваю одного из них, и он качает головой.

«Утверждает, что у него нет кода входа. Это ложь. Мы видели, как он его использовал».

"Хм." Я подхожу к пленнику и медленно обхожу его, замечая, как участилось его дыхание. От его промежности исходит едкий запах мочи, а на бежевой форме «Атомпрома» видны пятна грязи и крови.

Бедный парень знает, что его трахнули.

"Как тебя зовут?" — спрашиваю я, останавливаясь перед ним.

Он смотрит на меня, его губы дрожат, а затем вырывается: «Я не знаю кода. Я не!"

«Я спросил твое имя. Ты знаешь это, не так ли?»

— Ив... — Его голос срывается, как будто он подросток, а не двадцатилетний мужчина. «Иван».

— Хорошо, Иван. Вот что я вам скажу: я знаю, что вы не хотите злить своего работодателя, но на самом деле у вас нет выбора. Я дарю ему сочувственную улыбку. — Ты видишь это, не так ли?

«Я не знаю кода!» На его лбу выступили капли пота. — Клянусь... клянусь жизнью моей матери.

— Но она мертва, Иван. Она погибла во время пожара на фабрике, когда тебе было пятнадцать. Это было трагично, извини».

Его лицо становится белым, как льняное белье, и я продолжаю в том же сочувственном тоне. — Послушай, ты неплохой парень, Иван. У тебя была тяжелая жизнь, и ты сделал все возможное, чтобы помочь своей семье и позаботиться о младшей сестре. Она что, сейчас в десятом классе?

«Т-ты...» Он дрожит так сильно, что не может говорить. — Вы, ублюдки!

Я тск-тск. «Оскорбления ни к чему не приведут. А теперь послушай меня, Иван. Я могу позволить им, — я указываю на бесстрастных охранников, — выбить из вас ответ. А если не получится, всегда есть мой помощник, — я смотрю на Павла, тихо стоящего в углу, — и его умение обращаться с ножами. Не говоря уже о всевозможных других, менее пикантных тактиках, которые любит использовать мой брат. Но зачем идти туда, когда мы можем заключить сделку, ты и я?

Его кадык нервно двигается. — Ч-что за сделка?

Я нежно улыбаюсь ему. — Ты боишься Леоновых, не так ли? Вот почему ты такой

храбрый. Тебе наплевать на растение, которое ты охраняешь. Что тебе до того, если мы получим код входа, верно? Но семья Леоновых... — Я делаю еще один медленный круг вокруг него. «... они могут что-то сделать с вами, с вашими близкими. К твоей младшей сестре. Я останавливаюсь перед ним. «Кивни, если я на правильном пути».

Он опускает подбородок в едва заметном кивке, по лицу течет пот.

"Это то, о чем я думал." Я вытаскиваю салфетку из кармана и промокаю его лоб. «Итак, как насчет этого: вы сообщаете нам код входа и делитесь всем, что знаете о протоколе безопасности на заводе, где вы работаете, и мы посадим вас и вашу семью на ближайший рейс в пункт назначения по вашему выбору. Это может быть любое место: Зимбабве, Фиджи, Таиланд... Каймановы острова. Назовите его, и мы отправим вас туда с новым именем и сотней тысяч наличными в качестве бонуса за переезд. Как это звучит?"

Тяжело дыша, он смотрит на меня, надежда борется со страхом в его глазах.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Иван, — мягко продолжаю я, позволяя грязной салфетке упасть на пол. «Как вы можете доверять мне, чтобы я выполнил свою часть сделки? Что помешает нам убить тебя, как только ты расскажешь нам то, что мы хотим знать, верно?"

Он снова сглатывает. «П-правильно».

«Ответ — ничего». Я позволил намеку на жестокость просочиться в мою улыбку. "Совершенно ничего. Но это не имеет значения, потому что доверять мне — единственный вариант, который у тебя есть. Если не сделаешь, расскажешь нам все по жесткому, а когда Леоновы узнают о прорыве на заводе, будут искать виновного. Когда они узнают, что это ты, они придут за твоей семьей. Понимаешь, Иван? Ты понимаешь, что должен сделать, если хочешь, чтобы твоя сестра жила?"

Его подбородок дрожит, когда он смотрит на меня, слезы текут из уголков его глаз. Наконец, он качает головой в поражении.

"Хороший. А теперь скажите этим джентльменам то, что они хотят знать.

Отвернувшись, я киваю людям Валерия, и они тут же подходят, доставая телефоны, чтобы начать запись.

«Знаете, вам не обязательно было делать это лично», — тихо говорит Павел, когда мы выходим из таверны. — Они могли получить от него ответы. В противном случае я бы вмешался. Так было бы дешевле».

"Может быть. Но таким образом мы знаем, что он не обманывает нас, чтобы боль прекратилась». Я бросаю взгляд на своего пожизненного телохранителя, чей взгляд беспокойно осматривает окрестности, несмотря на то, что охрана Валерия уже оцепила периметр. «Многочисленные исследования показали, что информация, полученная под пытками, недостоверна».

— Не та информация, которую я получаю, — мрачно говорит он, и я хихикаю.

— Боишься, что твой нож заржавеет?"

Павел этого не отрицает. Он скучает по гуще событий, как и я — или скучал. Сейчас я бы предпочел быть в Айдахо с Хлоей. Я хочу быть там на случай, если ей приснится очередной кошмар. Я хочу обнять ее, успокоить, утешить... и, в конце концов, соблазнить. Ее решимость уже колеблется, я это чувствую — вот почему я решил успокоить ее по поводу синяков на костяшках пальцев и шрама на плече.

Я не собираюсь лгать ей о том, какой я мужчина, но я не хочу, чтобы она боялась меня.

Я не причиню ей вреда... по крайней мере, не таким образом.

— Вы уже договорились о встрече с главой Энергетической комиссии? — спрашивает Павел, когда мы останавливаемся на перекрестке, и я киваю, отвлекаясь от Хлои.

«Я встречаюсь с ним за обедом в понедельник», — говорю я, выходя на улицу, когда перед нами загорается зеленый свет. Потребовалось три телефонных звонка, чтобы дозвониться до этого парня, но мне это удалось, как я и знал. — Это еще одна причина, по которой я пошел по этому пути с Иваном, — продолжаю я. «Не было времени, чтобы сломать его должным образом — нам нужен был этот код как можно скорее».

— У меня тоже не заняло бы много времени, — бормочет Павел, и я смеюсь — как раз в тот момент, когда мотоцикл с ревом вылетает из-за угла и несется прямо на меня.

34

Николай

Я реагирую за доли секунды, но Павел еще быстрее. Он толкает меня как раз в тот момент, когда я ныряю в сторону, и мы оба сильно ударяемся о землю, когда байк с ревом проносится мимо нас, так близко, что я чувствую свист горячего воздуха на моем лице.

Адреналин сразу же заставляет меня вскочить на ноги, но байкер уже проехал половину квартала, продираясь сквозь поток машин со скоростью гоночного автомобиля. Все, что я могу сказать с такого расстояния, это то, что это мужчина в черной кожаной куртке и шлеме.

Павел тоже уже вскочил на ноги, его челюсти напряглись от ярости. — Ты видел его лицо?

"Нет." Я поправляю куртку и галстук, стряхиваю грязь и гравий с исцарапанных ладоней. Мое плечо пульсирует от приземления на него, и во мне горит холодная ярость, но мой голос спокоен. «У его шлема был зеркальный козырек. Может быть, кто-то из парней Валерия зацепил его номерной знак. Я вижу собравшуюся толпу очевидцев, некоторые из которых достают свои телефоны, предположительно, чтобы позвонить в полицию. — Нам лучше уйти отсюда.

Павел мрачно кивает, и мы быстро идем к отелю.

Леван Абхази, местный начальник охраны Валерия, встречает нас в моей комнате через час. Крепкий грузин примерно того же возраста, что и Павел, полностью лысый, но с густой черной монокровью и такой же бородой.

Вытащив папку, он раскладывает на столе серию зернистых фотографий. «Это все, что нам удалось получить из соседнего магазина и дорожных камер», — сообщает он по-русски с сильным акцентом. «У группы, дислоцированной на крышах, не было подходящего угла для номерного знака, и там было слишком много гражданских, чтобы рискнуть выстрелить в него».

Мы с Павлом рассматриваем фотографии. На одном из них можно разобрать часть цифры, а на других в лучшем случае виден угол номерного знака. Байкер либо самый удачливый сукин сын, когда-либо ходивший по земле, либо он знал, где находится команда Валерия.

Я смотрю на Павла. "Мысли?"

«Профи, однозначно». Его лицо имеет резкие черты. «Он не сбавил скорость, никак не отреагировал на то, что чуть не сбил тебя. И он знал, как обращаться с этим байком — и как избегать камер».

Монокровь Абхази хмурится. — Ты не думаешь, что это мог быть несчастный случай?

Если этот парень профессионал, он должен знать, что сбить кого-то на улице — не самый эффективный способ совершить нападение».

«Это зависит от того, хотите ли вы, чтобы это выглядело как несчастный случай, — говорит Павел. — Кроме того, это не было хитом.

Грузин бросает на него растерянный взгляд. — Что это было тогда?

— Сообщение, — говорю я, помещая фотографии обратно в папку. «От наших друзей, Леоновых. Они хотели, чтобы я знал, что они знают. Вопрос: знаете что?»

35

Хлоя

Просыпаюсь улыбаясь, и пару минут просто лежу с закрытыми глазами, паря в том блаженном состоянии между снами и полным бодрствованием.

И какие это были мечты.

Моя рука скользит между моих бедер, и я нажимаю на сладкую боль, которая там задерживается, пытаюсь вспомнить чувственные сцены, которые крутились в моей голове всю ночь. Сейчас я помню только их фрагменты, но я знаю, что во всех них фигурировал Николай... его злая улыбка... его глубокий, ровный голос... Лучше всего то, что это были единственные сны, которые мне приснились прошлой ночью.

Кошмары, которые преследовали меня после смерти мамы, остались в стороне.

Улыбка стала шире, я открываю глаза и сажусь. Ясно и солнечно, так что я, наверное, проспала. Впрочем, я не слишком беспокоюсь. Николай здесь не для того, чтобы следить за временем приема пищи, и в любом случае, теперь, когда я знаю его лучше, я не думаю, что он уволит меня за такой незначительный проступок.

Тем не менее, я не хочу пользоваться этим, поэтому я вскакиваю с кровати и включаю новости. Они снова сообщают о первичных дебатах, но меня волнует только время — 9:20 утра. Это еще и суббота, я понимаю, глядя на дату. Интересно, значит ли это, что у меня выходной.

Наверное, мне следует спросить об этом Николая в следующий раз, когда мы поговорим.

Теплое сияние наполняет мою грудь при мысли о том, что он снова звонит мне и мы вдвоем разговариваем до поздней ночи — почти как влюбленная пара. Потому что вчерашний видеозвонок ощущался именно так: как то, что вы делаете со своим парнем, пока его нет, своего рода свидание на расстоянии. Хотя большую часть времени мы говорили о Славе, как и подобает нашим отношениям между работодателем и репетитором, в том, как Николай смотрел на меня и в том, как он говорил, была определенная мягкость... скрытая нежность, от которой мое сердце замирало. каждый раз, когда я думаю об этом.

Как будто он начинает заботиться обо мне, как будто между нами есть что-то большее, чем животное влечение.

Я стараюсь не думать об этом в течение дня, потому что это такая глупая мысль. Николай никак не может испытывать ко мне чувства. Мало того, что это слишком рано, но я была бы идиоткой, чтобы представить, что такой мужчина заинтересуется мной по какой-либо причине, кроме близости. Я единственная свободная женщина здесь ; он точно не может перепихнуться с Людмилой или его сестрой. Так что, если он позвонил мне, как только приземлился вчера? Это не значит, что он думал обо мне во время долгого полета.

Он мог просто беспокоиться о своем сыне.

Тем не менее, это теплое сияние остается со мной, когда я пробираюсь на кухню, чтобы перекусить поздним завтраком (официальный завтрак уже закончился), прежде чем взять Славу на долгую приятную прогулку. И это сохраняется до обеда, несмотря на то, что присутствие Алины за столом напоминает мне о ее странном предупреждении.

— Как твоя головная боль? — спрашиваю я, когда мы садимся есть, и она отмахивается от моего беспокойства, утверждая, что полностью выздоровела. Однако я не могу не заметить, что она тихая и странно отстраненная, часто во время еды смотрит в никуда. Это заставляет меня задуматься, не под кайфом ли она снова, но я решаю не спрашивать.

Прошлой ночью костер и кастрюля снизили все запреты, создав ложное ощущение близости, но сегодня она снова чувствует себя чужой. Как и Людмила, которая даже не улыбается мне, когда выносит еду. Может быть, она смущена, что я увидела ее накуренной? В любом случае, я тороплюсь с едой, и как только Слава поел, я отвожу его в его комнату на наши уроки игры.

Мы строим еще один замок и повторяем алфавит, и я учу его считать до десяти по-английски. Потом играем в прятки и читаем книжки, в том числе, по просьбе Славы, рассказ про семейство уток. Прежде чем мы начнем, он с гордостью показывает мне книгу на русском языке, которая, кажется, является ее переводом, и я понимаю, что он пытается применить свои знания сюжета и персонажей, чтобы лучше понимать английские слова и фразы, которые я читаю ему вслух.

— Ты такой умный мальчик, — говорю я ему, и он улыбается мне. Хотя я сомневаюсь, что он точно понимает, что я говорю, мой тон одобрения безошибочен.

Я сижу на полу, прислонившись спиной к кровати, и Слава забирается мне на колени, когда мы начинаем рассказ, который оказывается на удивление сложным для детской книги. В утиной семье не все счастливы и беззаботны; они ссорятся и конфликтуют, и в какой-то момент главный герой, молодой утенок, убегает из дома. Когда он возвращается, он обнаруживает, что Мама Утка ушла, и плачет, думая, что заставил ее уйти.

Я слежу за Славой во время этой части, опасаясь, что это может вызвать воспоминания о потере его матери, но выражение лица мальчика остается любопытным и расслабленным. Однако, когда мы доходим до той части, где утенок должен остаться с бабушкой, Слава напрягается и настаивает на том, чтобы пропустить следующие три страницы.

— Тебе не нравится бабушка Утка? Я догадываюсь, и ребенок пожимает плечами, избегая моего взгляда.

"Хорошо. Нам не нужно читать о нем. Забудь о бабушке Даке». Улыбаясь, я взъерошиваю ему волосы и перехожу к менее проблемному разделу книги.

Алина не присоединяется к нам за ужином — опять головная боль, хрипло говорит мне Людмила, — так что мы со Славой еще раз спокойно покушаем, прежде чем я пойду в свою комнату на вечер. Переодевшись в строгий обеденный костюм, я устраиваюсь поудобнее на кровати и открываю ноутбук — чтобы провести еще какое-то исследование, говорю я себе. Не ждать звонка Николая, как влюблённая подружка. Так что, если он пообещал, что позвонит? Может быть, он будет, а может быть, он не будет.

Мне все равно.

Решив не сидеть сложа руки и грызть ногти, я возобновляю расследование маминой смерти. Репортер, которому я отправил электронное письмо прошлой ночью, не ответил, так

что я нашел контактную информацию еще нескольких бостонских журналистов и отправил им сообщение. Я также исследую владельца ресторана, в котором работала мама, а также корпорацию, стоящую за высококлассным отелем, в котором расположен ресторан.

Должна быть причина, по которой эти люди убили мою маму.

Я нахожу то же самое, что и вчера: ничего. Что мне действительно нужно, так это частный сыщик, но сейчас я никак не могу его себе позволить. Хотя... не мешает получить некоторые расценки. Приходи во вторник, у меня будут деньги, и если я останусь здесь — а я не понимаю, почему бы и нет — я мог бы использовать эти деньги, чтобы получить некоторые ответы.

Да это оно.

Именно это я и сделаю.

Воодушевленный, я ищу несколько многообещающих потенциальных клиентов и отправляю им по электронной почте цитату. Затем, чувствуя себя готовой к вечеру, я переключаюсь на другой свой проект: узнать все, что можно, о Николае.

Я подумала о еще нескольких фразах, которые я могу перевести на русский, и мой поиск выдал несколько таблоидных фотографий. На одном изображен Николай на благотворительном гала-концерте в Варшаве с высокой белокурой красавицей под руку; на другом он изображен на московском показе мод, сидящим рядом со скучающей Алиной. Еще пара показывает, как он отдыхает в различных экзотических местах, неизменно с какой-нибудь длинноногой моделью рядом с ним, смотрящей на него с обожанием.

Я была права. Он почти тонет в великолепных женщинах. Насколько я знаю, он мог быть в постели с какой-нибудь потрясающей моделью в этот самый момент, подцепив ее прошлой ночью в каком-то VIP-ночном клубе.

Эта мысль подобна брызгам кипятка на моей груди. Я не имею права так себя чувствовать, но мне вдруг хочется выдрать каждый волосок на голове этой воображаемой женщины — прямо перед тем, как сделать то же самое с Николаем.

Отложив ноутбук в сторону, я спрыгиваю с кровати и начинаю ходить взад-вперед.

Почему он не звонит?

Он сказал, что будет.

Он обещал.

Он должен знать, что здесь становится позже с каждой минутой.

Это потому, что он занят работой или какой-то женщиной? Я представляю ее блестящие красные губы, обернувшиеся вокруг его члена, ее глаза, смотрящие на него сквозь искусно приложенные накладные ресницы, когда она...

С кровати раздается тихий звонок, и я бросаюсь к открытому ноутбуку, мой пульс учащается. Плюхнувшись на живот, я подтягиваю компьютер к себе и нетвердым пальцем нажимаю «Принять» на запрос Николая на видеозвонок.

Его лицо заполняет экран, позади него виднеется его гостиничный номер, и я судорожно выдыхаю, моя иррациональная ревность угасает, когда я вижу нежное выражение его тигриных глаз.

— Привет, зайчик, — бормочет он, его низкий голос такой бархатистый, что мне хочется потереть его о щеку. "Как прошел день?"

"Это было хорошо. Как было у тебя? Я имею в виду твое утро или твой вчерашний день? Я задыхаюсь, но ничего не могу с собой поделать. Мое сердце колотится в ритме техно, и каждая клеточка моего тела вибрирует от возбуждения. Как ни прискорбно, я весь день

ждала этого звонка. Даже когда я не думала об этом сознательно, это скрывалось в глубине моего сознания.

Он криво улыбается. «Мое утро было в порядке, как и остальная часть вчерашнего дня. Какие-то встречи, какая-то ерунда — все как обычно.

"Какой вид бизнеса?" Понимая, как любопытно это звучит, я открываю рот, чтобы забрать вопрос, но он уже отвечает.

"Чистая энергия. В частности, атомная энергетика. Одна из наших компаний разработала запатентованную технологию, позволяющую создавать небольшие портативные ядерные реакторы, которые можно использовать для обеспечения дешевой электроэнергией небольших деревень и других отдаленных населенных пунктов».

"Ух ты. И они в безопасности? Не то что — что это был за знаменитый в Украине?"

«Чернобыль? Нет, они не такие. Во-первых, каждый реактор размером всего с автомобиль, так что даже если бы произошла авария, количество высвобождаемой радиации было бы намного меньше. Что еще более важно, наши инженеры добавили так много резервов, что авария практически невозможна. Наш девиз — «*Безопасность* превыше всего», в отличие от наших соперников». В последней части его голос становится жестче.

«Есть ли другие компании, которые делают то же самое?» — спрашиваю я, очарованный этим взглядом на мир, о котором ничего не знаю.

Его глаза мрачно блестят. "Один. Они торгуются против нас за крупный контракт с таджикским правительством. Кто бы ни выиграл его, он будет доминировать в этой зарождающейся отрасли в Центральной Азии, поэтому мой брат попросил меня принять участие».

"Ой?"

«Глава Энергетической комиссии Таджикистана был моим одноклассником в школе-интернате, и мой брат надеется, что мне больше повезет, если я донесу до него наше дело». Кривая улыбка касается его губ. «Как вы, наверное, догадались, личные связи очень важны в бизнесе».

Я преувеличенно расширяю глаза. "Нет! Действительно?"

Он смеется. "Я знаю. Трудно представить, правда? В понедельник у меня с ним встреча за ланчем, а потом, надеюсь, я смогу вылететь обратно».

— Значит, ты вернешься ко вторнику? Я уже считаю дни до своей первой зарплаты, и теперь у меня есть еще одна причина пожелать, чтобы следующие пятьдесят часов я мог перемотать вперед.

— Я должен быть, да. Он делает паузу, затем тихо говорит: «Я скучаю по тебе, зайчик».

Мое дыхание буквально останавливается, даже когда мое сердце стучит быстрее, а кожа покрывается румянцем. Независимо от того, что, как я думала, я увидела в его глазах прошлой ночью — что, как я надеялась, он мог почувствовать — я никогда не мечтала, что услышу, как он сегодня вечером скажет мне это так небрежно... так открыто.

Как бойфренд.

Он смотрит на меня, терпеливо ожидая моего ответа, поэтому, как только мое дыхание восстанавливается, я заставляю себя говорить. — Я... я тоже по тебе скучаю. И Слава. Он скучает по тебе. Мы оба скучаем по тебе. Он действительно знает». Я знаю, что ничего не понимаю, но ничего не могу с собой поделать. У меня никогда не было проблем с выражением своих чувств к парням, с которыми я встречалась, но я никогда раньше не встречалась с кем-то вроде Николая — не то чтобы мы встречались. Или мы? Может быть,

он просто скучает по мне в смысле друга? Или репетитора сына смысл?

Боже, я понятия не имею, что происходит.

Уголки его чувственных губ дергаются в сдерживаемом веселье, и у меня снова возникает тревожное подозрение, что он смотрит прямо в мой мозг и видит там путаницу. — Расскажи мне еще, зайчик, — бормочет он, наклоняясь ближе к камере. «Чем сегодня занимался мой сын?»

Слава, вот так. Я хватаюсь за тему, как утопающий за буй, и начинаю подробно описывать все, что мы со Славой сделали и чему научились. Николай увлеченно слушает, его взгляд наполнен той особой мягкостью, которую он хранит для своего сына. Однако, когда я добираюсь до книги, которую Слава читал последней, — рассказ об утках, — и я, смеясь, упоминаю о явной неприязни Славы к дедушке Утке, в выражении Николая исчезают все следы мягкости, его глаза приобретают жесткий, острый блеск.

— Он что-нибудь сказал? — требует он. — Объяснить это как-нибудь?

— Нет, я... я не спрашивала. Я отстраняюсь, глядя на его лицо, выражение такое мрачное и холодное, что у меня по телу пробегает мурашки. Это та сторона Николая, которую я никогда не видела, и вдруг мои прежние опасения по поводу мафии перестали казаться такими глупыми.

Я могу представить, как этот человек отдает приказ стрелять — даже сам нажимает на курок.

Однако в следующий момент его черты разглаживаются, леденящий взгляд исчезает, когда он просит меня продолжать, и я снова задаюсь вопросом, не сыграло ли со мной шутку мое непокорное воображение. Может быть, я слишком много понял в этом кратком изменении выражения лица... или, может быть, я просто заглянул в какую-то семейную драму Молотовых. Возможно, Николай просто не ладит с бабушкой Славы — если, конечно, он есть по материнской линии.

Я еще многого не знаю об этой семье.

Решив исправить это, я заканчиваю отчет об успехах Славы повторением того, чему научила его за обедом, а затем осторожно — очень осторожно, чтобы не наступить на какие-нибудь мины, — прошу Николая рассказать мне о его братьях.

К счастью, моя просьба его не расстраивает. «Я второй по старшинству, — говорит он мне. «Валерий моложе меня на четыре года, а Константин — гений семьи — на два года старше меня. Он руководит всеми нашими технологическими предприятиями, а Валерий курирует всю организацию».

— Что ты и делал, верно? — спрашиваю я, вспоминая то, что сказала мне Алина.

"Вот так." Он не выглядит удивленным, что я знаю. «Но это сложно сделать удаленно, поэтому я попросил Валерия подменить меня, пока меня не будет».

— Почему ты уехал? — спрашиваю я, не в силах сопротивляться вопросу, который так долго крутился у меня в голове. — Что привело вас в этот уголок мира?

Он улыбается моему откровенному любопытству. "Я знаю. Это странно, правда?"

«Крайне странно». На самом деле настолько странно, что я состряпал в голове сумасшедшую историю о мафии, но я молчу об этом.

Он откидывается на спинку стула, улыбка исчезает, пока не остается только след чувственной кривой. — Это долгая история, зайчик, и уже поздно. Ты должна пойти спать."

— Все в порядке, я не устала. А даже если бы и была, я бы отрицала это, потому что умираю от желания услышать эту историю, какой бы длины она ни была. Сев прямо, я

устраиваю компьютер поудобнее на коленях и смотрю на него своими лучшими щенячьими глазами, трепещущими ресницами и всем остальным. — Пожалуйста, Николай... скажи мне. Красиво, мило, пожалуйста».

Я имел в виду это как шутку, в лучшем случае легкий флирт, но его лицо напрягается, взгляд темнеет, когда он наклоняется к камере. — Мне нравится слышать свое имя на твоих губах. Его голос — низкое медовое мурлыканье. — И мне очень, очень нравится, когда ты умоляешь.

Во рту у меня пересыхает, сердцебиение неровное, когда огонь проносится по моим венам и концентрируется в самом сердце. Он был так далеко, а наши видеочаты оставались в основном на безопасные темы, и я каким-то образом позволила себе забыть о сексуальном напряжении, которое тлеет между нами и готово разгореться в пожар при малейшей искре. Я убедилась, что вообразила себе это чувство затравленной добычи... это тревожное, но странно волнующее осознание того, что я нахожусь во власти этого опасно соблазнительного мужчины.

— Это... — я сглатываю, не зная, стоит ли рисковать. «Это твоя вещь? Женщины попрошайничают?»

Темный жар в его глазах усиливается. «Мое дело, зайчик, это ты. Я хочу тебя всеми возможными способами... сладко и грубо... на коленях, и на спине, и сверху, оседлав меня... Я хочу лизать твою киску на десерт после каждого приема пищи и сливать свою сперму тебе в горло каждое утро. Я хочу трахнуть тебя так сильно, что ты закричишь, а потом я хочу обнимать тебя часами. Больше всего я хочу утопить тебя в удовольствии... так много удовольствия, что ты не будешь возражать против случайных укусов боли... На самом деле, ты будешь умолять об этом.

Ой. Мой. Бог.

Я смотрю на него, мое дыхание короткое и неглубокое, мой клитор пульсирует, а соски твердеют. Мое тело ощущается как один из его ядерных реакторов в расплавленном состоянии, жар под моей кожей такой обжигающий, что я могу спонтанно воспламениться. *Или приезжайте.* Если я сейчас нажму на свой клитор, я точно смогу кончить.

Я облизала губы, пытаюсь игнорировать пульсирующую боль между ног. «Итак... ты увлекаешься вещами. Типа, странные вещи.

Как только слова слетают с моих губ, я вздрагиваю от того, как юношески и ванильно я звучу. И я не ванилька. По крайней мере, я так не думаю. Мои сексуальные фантазии всегда имели более темный оттенок, и один или два раза меня связывал парень, а в другой раз отшлепал. Ничто из этого меня не возбудило, но опять же, моему парню это не очень нравилось. С ним это было неловко и вынужденно... как-то по-детски.

Чувствую, с Николаем ничего подобного не будет.

Мужчина не знает, что такое ребячество и неуклюжесть.

Конечно же, его губы изгибаются в еще одной мрачно-чувственной улыбке. Голосом, похожим на раскаленный шелк, он бормочет: «Хлоя, зайчик... Мне все нравится — лишь бы это было с тобой».

На этот раз мое сердце переходит в состояние расплавления. Потому что это звучит очень похоже на... «Ты хочешь сказать, что не хочешь видеть других женщин?» — выпаливаю я, и мне тут же хочется пнуть себя за то, что я снова звучу так, как будто я учусь в старшей школе. Он просто флиртует, не беря на себя никаких обязательств исключительности. Мы даже не...

— Я не знаю, — мягко говорит он, заставляя мои мысли резко остановиться. — Я не хочу никого, кроме тебя. Я не был с того момента, как мы встретились.

"Ой." Я смотрю на него, не в силах придумать, что еще сказать.

Это большое.

Огромный, правда.

Здесь нет никакого возможного недоразумения, никакого шанса, что я веду себя как глупый романтик.

Николай говорит мне, что он хочет меня и никого другого... что по сути мы *исключительны*.

— Это тебя пугает? — спрашивает он смущающе пронизательно. — Это слишком много для тебя?

Это. Слишком много. И все же... — Нет, — говорю я, собираясь с духом. "Это не. И я... я тоже не хочу никого видеть."

Его ноздри раздуваются. "Хорошо. Как только ты станешь моей, я не буду добр ни к одному человеку, который попытается тебя украсть."

Испуганный смех вырывается из моего горла, но Николай не улыбается в ответ. Его взгляд по-прежнему прикован ко мне, выражение его лица мрачное, и, к моему удивлению, я понимаю, что он имеет в виду именно это, что это вовсе не шутка.

Я пытаюсь сделать это в любом случае. — Собственник?

— С тобой, — говорит он, не отрывая взгляда, — очень.

Мое сердце снова останавливается. "Почему я?" — спрашиваю я, когда восстанавливаю голос. — Это потому, что я единственная женщина здесь, на расстоянии вытянутой руки? Это удобно или... — я замолкаю, когда веселье осветляет темное золото его глаз, подчеркивая зеленоватые пятна.

«Если бы я был так склонен, — мягко говорит он, — я мог бы каждую неделю привозить новую женщину — и я часто делал это до твоего приезда. В кандидатах, желающих совершить поездку, недостатка нет, поверь мне, зайчик.

О, я ему верю. Еще до того, как я наткнулся на эти бульварные фотографии, я знал, что у него, должно быть, есть целая конюшня великолепных женщин в его побегушках. Как он мог не с его внешностью, богатством и сексуальной привлекательностью?

Удивительно не то, что женщины готовы прилететь, а то, что они не разбили лагерь в лесу.

"Тогда почему?" — неуверенно спрашиваю я. "Почему я?"

Он наклоняет голову. — Ты веришь в судьбу, зайчик?

"Судьба? Как Бог или судьба?"

— Или предопределение. Все мы связаны, как нити в гобелене, который был соткан задолго до нашего рождения».

Я смотрю на него, ошеломленный. "Я не знаю. Я никогда не задумывалась об этом».

Его губы изгибаются в слабой улыбке. "У меня есть. И я думаю, что в какой-то момент при плетении этого гобелена ваша нить соединилась с моей. Наши пути должны были пересечься, дата нашей встречи была назначена задолго до того, как я увидел тебя. Все, что произошло в нашей жизни, привело нас к этому моменту, к тому месту и времени... все хорошее и плохое». Его голос грубеет. «Особенно плохие».

Как смерть моей мамы. Если бы не это, я бы никогда не был в этой поездке, никогда не видел список вакансий, никогда не встречал его. Это не значит, что это суждено. Но

Николай, кажется, верит в это, и я должен признать, что мы не были бы здесь сегодня, если бы не жестокий переворот в моей жизни. И, вроде бы, без каких-то потрясений в его.

— Что плохого случилось с тобой? — мягко спрашиваю я. — Или это длинная история, которую ты мне обещаешь?

Его улыбка приобретает печальный оттенок. "Более менее. К сожалению, зайчик, тебе пора спать, а мне нужно встретиться с братом. Как насчет того, чтобы я позвонил тебе завтра примерно в то же время, и мы еще поговорим?"

"Да, конечно. Я не хотел тебя задерживать.

— Ты этого не сделал. Этот нежный взгляд снова в его глазах, заставляющий мое сердце биться в хаотичном, радостном ритме. — Если бы я мог, я бы говорил с тобой весь день.

— Я тоже, — признаюсь я с застенчивой улыбкой.

Его ответная улыбка ослепительна. "Тогда до завтра. Спи спокойно, зайчик.

И когда он отключает вызов, я сталкиваю компьютер с колен и танцую по комнате, ухмыляясь так сильно, что у меня болят щеки.

36

Николай

«Ты в хорошем настроении для того, кого вчера чуть не убили», — говорит Константин после того, как мы сделали заказ официанту, и я понимаю, что улыбаюсь так много, что это заметил даже мой социально невнимательный брат. И все из-за нее.

Хлоя.

Она быстро становится моим наркотиком для хорошего самочувствия.

Мне нравится, что она начинает доверять мне, принимать то, что происходит между нами. Я не хотел слишком сильно вмешиваться в наш сегодняшний звонок, но пришло время ей узнать о моих намерениях — и теперь она знает. Что еще более важно, я заставил ее признать, что она отвечает взаимностью на мои чувства.

Ее сладкое бормотание «я тоже» все еще крутится в моей голове.

— У вас есть отчет? — спрашиваю я, не обращая внимания на комментарий Константина. Его не касается, в каком я настроении и почему. Кроме того, нет ничего лучше, чем почти умереть, чтобы ценить жизнь и все ее чудесные возможности — например, уложить Хлою в постель, как только я вернусь домой.

— Еще нет, — говорит Константин, беря чашку ромашкового чая. «Надеюсь, сегодня или завтра. Но мы проверили информацию, предоставленную охранником, и все подтвердилось. Операция назначена на вечер».

«Что так долго? Ваши хакеры обычно приходят в течение нескольких часов.

Он моргает за линзами своих очков. — Ты все еще говоришь об отчете о девушке?

Я стискиваю зубы. "Что-то еще?"

«Моя команда была занята, и вы поставили перед ними непростую задачу».

"Как так? Все, о чем я прошу, это чтобы вы расследовали смерть ее матери и ее передвижения за последний месяц. Насколько это сложно? Я знаю, что она была вне поля зрения, но должны же быть дорожные камеры, камера на заправочной станции..."

— Кажется, какие-то помехи. Он отпивает чай. «Несколько лент безопасности, которые вытащили мои ребята, были повреждены или стерты».

Я по-прежнему. — Вытерли?

— Профессиональная работа, судя по всему. Он ставит свою чашку. — Ты сказал, что

она просто гражданка, верно? Нет принадлежности?

— Насколько мне известно, ничего, — ровно отвечаю я.

Является ли это возможным?

Могла ли она обмануть меня?

Милая маленькая Хлоя связана с мафией... или, что еще хуже, с правительством?

— Почему ты не сказал мне об этом раньше? — спрашиваю я Константина, который, снова не обращая внимания на то, что он произвел, спокойно намазывает песто из вяленых помидоров на кусок свежее испеченного ржаного хлеба. — Ты не думаешь, что мне важно это знать?

Он вгрызается в хлеб и неторопливо жует. — Я говорю тебе сейчас, — говорит он после того, как сглотнул. — Кроме того, мои ребята поняли, что происходит, только прошлой ночью. Пара поврежденных лент может быть просто везением. Но несколько — это закономерность.

«Итак, позвольте мне прояснить это. Вы говорите мне, что кто-то стирает все записи с камер наблюдения, где она появляется.

«Не все записи». Он тянется за другим куском хлеба. «Моя команда смогла реконструировать ее движения на протяжении большей части прошлого месяца. Только некоторые записи... те, которые, как я подозреваю, могут содержать ответы, которые вам нужны.

Блядь.

Это большое.

Не знаю, что, по моему мнению, раскроют хакеры Константина, но не это.

В голову лезет мысль, такое ужасное подозрение, что у меня переворачивается желудок. — Думаешь, это...

— Леоновы? Константин откладывает свой хлеб. "Я сомневаюсь в этом. Мои ребята уже сталкивались с работами их хакеров, и это не похоже на это».

— Хочешь?

Свет блестит на линзах его очков. «Это трудно объяснить неспециалисту, но да. Есть какая-то небрежность в том, как это было сделано, что не подходит Леоновым».

— Я думал, ты сказал, что это профессионалы.

«Есть разные уровни профессионализма. Мои ребята на высоте, команда Леоновых не отстает, а многие намного, намного хуже. Эти ребята где-то посередине, поэтому я думаю, что моя команда поможет вам. Им просто нужно больше времени».

Я делаю вдох и медленно выдыхаю. Одной вероятности того, что Хлою могли нанять мои враги, достаточно, чтобы у меня подскочило давление. Но Константин знает, о чем говорит, и если он думает, что это не они, я должен пока развеять это подозрение. Кроме того, если бы Леоновы знали достаточно, чтобы посадить Хлою в мою резиденцию, я сомневаюсь, что они послали бы парня на мотоцикле в качестве предупреждения.

Не было бы никакого предупреждения, просто война.

— Насчет байкера, — говорю я. — Удалось выследить его?

"Нет. И на нем действительно есть отпечатки пальцев Леонова. Если бы мне пришлось угадывать, Алексей в ярости, что ты здесь и мешаешь его заявке.

"Возможно Вы правы." Я замолкаю, когда официант приносит нашу еду. Как только он уходит, я продолжаю. — Должно быть, он узнал о моей встрече с главой Комиссии.

— До тех пор Валерий удваивает вашу безопасность, на всякий случай. А теперь, —

Константин поливает заправкой свой греческий салат, — давайте обсудим ваши темы для завтрашнего разговора.

И пока он обсуждает технические характеристики нашего продукта, я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на его словах, а не на растущем числе вопросов о Хлое и моей растущей одержимости ею.

37

Хлоя

Я никогда не чувствовала себя так легкомысленно, как в это воскресенье. Весь день я ловлю себя на том, что безудержно улыбаюсь и хожу, как будто парю на облаке. Это смущает, правда, но я не могу остановиться. Каждый раз, когда я думаю о вчерашнем звонке, мой пульс учащается от волнения.

Николай хочет меня.

Он скучает по мне.

Он хочет, чтобы мы были исключительными.

Я чувствую себя подростком, чья кинозвезда только что пригласила ее на свидание. Что, в некотором смысле, и происходит.

Николай хочет, чтобы мы встречались, а точнее, были в отношениях.

Это должно показаться безумием, и на каком-то уровне это так и есть. Мы знакомы меньше недели, и последние пару дней он не был здесь лично. Слишком рано говорить об исключительности, не говоря уже о судьбе и судьбе. Но я не могу отрицать силу притяжения, которое горит между нами, той мощной магнетической силы, которая пугала меня с самого начала. Однако я боялась не самого влечения — оно причиняло боль. Я боялась влюбиться в мужчину, который в лучшем случае думал обо мне как о развлечении на несколько ночей. Но для Николая это не так. Он дал понять это прошлой ночью, и хотя это может быть наивно с моей стороны, я ему верю.

Я не вижу причин, чтобы он мне лгал.

Конечно, в наших отношениях есть и другие препятствия — например, его статус моего работодателя и тот факт, что я нахожусь в бегах от пары безжалостных убийц. В какой-то момент мне придется раскрыть это, и я понятия не имею, как он отреагирует. Но это забота другого дня.

Прямо сейчас все, о чем я хочу думать, это увидеть его сегодня вечером на экране моего компьютера.

— Кто-то гонится за тобой? — спрашивает Алина за ужином, и я замираю, мое сердце останавливается на секунду, прежде чем я понимаю, что она имеет в виду скорость, с которой я поглощаю свою еду.

— Просто голодна, — говорю я, сглотнув. — Извини, если я груба.

Она пожимает изящными плечами, обнаженными из-за вечернего платья без бретелек. "Мне все равно. Просто любопытно, почему ты так торопишься."

Я тороплюсь, потому что мне очень хочется подняться в свою комнату на случай, если Николай позвонит раньше, но я ни за что не скажу ей об этом. "Нет причин, кроме вкусной еды."

Слава хихикает рядом со мной. "Вкуснятина. Я люблю вкусняшки в животике».

Я улыбаюсь ему. — Да, ты знаешь. Мы целый день учили разные слова и фразы, в том

числе и этот маленький стишок, и я очень рада, что он его помнит.

«Такими темпами он заговорит по-английски через неделю», — говорит Алина, отрезая кусок курицы и кладя его ему на тарелку.

Я улыбаюсь ей. «Я надеюсь на это, но более реально, через пару месяцев».

Она улыбается мне в ответ и продолжает есть, и я делаю то же самое, желая покончить с собой и уютно устроившись в своей постели с ноутбуком. Как и Алина, я в вечернем платье и с нетерпением жду возможности переодеться в пижаму. Хотя... может, и не стоило. Николаю может понравиться видеть меня такой, даже через камеру.

На самом деле, мне, вероятно, следует освежить свой макияж до того, как он позвонит.

«Хотите участвовать в гонках?» — спрашиваю я у Славы и издаю звук ревущих двигателей, чтобы напомнить ему о нашей игре в гонки с игрушечными машинками. «Смотри, кто быстрее ест?»

Он моргает, не понимая, поэтому я беру вилку и начинаю с преувеличенной скоростью заталкивать еду в рот. Со временем он делает то же самое, и мы убираем тарелки в рекордно короткие сроки. Алина, которая ест в нормальном темпе, с интересом наблюдает за нашим забегом, а к тому времени, как мы закончили, отталкивает недоеденную курицу.

— Думаю, я тоже закончила, — сухо говорит она. Громче она зовет: «*Люда, Слава готов!*»

Из кухни появляется Людмила, вытирая руки о фартук. Я улыбаюсь и благодарю ее за вкусную еду, хотя, по правде говоря, она была далеко не так хороша, как то, что готовит ее муж. Курица была пересушенной, картофель был слишком соленым, а большинство закусок и гарниров были остатками. Но я не собираюсь придираться: еда есть еда, и я благодарен за то, что она у меня есть.

Улыбаясь мне в ответ, Людмила берет Славу, и вот мой вечер свободен.

Как только я добираюсь до своей комнаты, я полностью перекрашиваю свой макияж — все, что на мне было за ужином, — это легкий слой тонального крема и слой туши — и укладываю волосы. Я все еще не выгляжу так отполировано, как тогда, когда Алина делала это для меня, но, надеюсь, Николай не будет возражать.

На наших последних двух звонках я был без макияжа и в пижаме, так что это определенно улучшение.

Снова чувствуя головокружение, я улыбаюсь своему отражению. Я выгляжу намного лучше, чем когда впервые попал сюда. Мои щеки больше не болезненно впалые, а темные круги под глазами исчезли, как и выражение отчаяния на них. Прошлая ночь была еще одной, без кошмаров, только сны о сексе, и я должна благодарить Николая за это. Может, я и проснулась мокрой и болящей, с зажатой между бедер рукой, но, по крайней мере, я проспала всю ночь.

Боже, я не могу дождаться, чтобы поговорить с ним.

Торопясь к своей кровати, я ложусь на живот и хватаю ноутбук, желая, чтобы он позвонил прямо сейчас.

Он не знает. Думаю, мои умственные способности не на высоте.

Вздыхнув, я захожу в свой почтовый ящик, чтобы проверить, нет ли ответов от журналистов. Естественно, там ничего нет, хотя есть *цитата* из одной из фирм, занимающихся PI, с подробным описанием их почасовых ставок и авансовых платежей.

Я просматриваю его и вздрагиваю. Это намного, намного больше, чем я могу надеяться

покрыть своей зарплатой за первую неделю, по крайней мере, учитывая количество часов, которые, как я предполагаю, им придется потратить. Мне нужна плата по крайней мере за пару недель только на гонорар. Возможно, другие ИП будут дешевле, но они еще не ответили, так что придется подождать.

Словно я жду Николая, *который до сих пор не звонит*.

Вздыхнув, я напоминаю себе о терпении. Он сказал, что позвонит мне примерно в то же время, что и вчера, и это далеко не так. А пока мне нужно себя чем-то отвлечь, поэтому я снова начинаю изучать маминых друзей и коллег на случай, если я что-то пропустила в первый раз.

Я просматриваю фотографии quinceañera дочери ее менеджера, когда появляется запрос на звонок, и мой пульс учащается.

Сияя, я приглаживаю волосы и нажимаю «Принять».

38

Николай

Улыбка Хлои такая сияющая, что мне кажется, что я вышла из подземного бункера на залитый солнцем пляж. «Привет», — говорит она, слегка задыхаясь, откидываясь на стопку подушек и кладя компьютер себе на колени. "Как это работает? Как твои ядерные торги?"

Я улыбаюсь ей в ответ, удовольствие растекается по мне, как расплавленный мед. — Хорошо, зайчик, спасибо.

И это. Операция Валерия прошла без сучка и задоринки, а Энергетическая комиссия уже копошится вокруг завода «Атомпром», пытаясь сдержать радиоактивные осадки взорвавшегося за ночь реактора. Утечка радиации, как и ожидалось, минимальна, но ущерб репутации «Атомпрома» значителен, что настраивает нас на сегодняшнюю встречу за обедом с главой Комиссии.

Что еще более важно, в течение последнего часа я наблюдал за онлайн-деятельностью Хлои и изучал ее вчерашнюю историю браузера, и я пришел к выводу, что она вряд ли связана с каким-либо правительством или конкурирующей организацией. Если бы она была растением, то уже знала бы обо мне все, и ей не нужно было бы переводить русские статьи с помощью бесплатных онлайн-инструментов. Она также не будет исследовать друзей и коллег своей матери, используя только их общедоступные социальные сети, или изучать фирмы, занимающиеся частными услугами.

Что-то еще происходит с Хлоей, что-то, что меня одновременно тревожит и интригует.

Лучше всего заставить ее открыться мне, сказать мне правду, но если я нажму на нее сейчас, она может испугаться и попытаться сбежать, а я этого не хочу. Не тогда, когда я за океаном. Следующий лучший вариант — заставить команду Константина взломать ее Gmail; программа-шпион позволяет мне видеть, на каких сайтах она находится, но не их содержимое, например отдельные электронные письма.

В любом случае, я получу ответы. Мне просто нужно еще немного потерпеть.

"Как прошел день?" — спрашиваю я, устраиваясь поудобнее в кресле. — Что Ты делала со Славой?

Ее улыбка становится невозможно ярче, и она рассказывает мне все об удивительных успехах моего сына, ее маленькое лицо так оживленно, что я не могу оторвать от него глаз. Она звучит так же гордо, как любой родитель, и впервые с тех пор, как я узнал о существовании Славы и смерти Ксении, моя грудь не сжимается так болезненно, когда я

думаю о нем и о будущем, которое его ждет из-за испорченной крови. бежит по его венам. Вместо этого я чувствую лучик надежды, когда представляю Хлою со Славой, играющую с ним, обнимающую его, любящую его... дающую ему то, чего не может его мать.

Что я не могу.

И это часть этого, я понимаю, часть того, почему я так сильно хочу ее. Я хочу ее не только для себя, но и для своего сына. Я хочу, чтобы ее солнечный свет коснулся его, согрел его... чтобы как можно дальше отдалить тьму его наследия. Я хочу ее такой, какой я ее видел через камеры в комнате Славы, радующей сына своей лучезарной улыбкой, заставляющей его чувствовать себя для нее самым важным человеком в мире.

И я хочу, чтобы она была такая.

Я хочу, чтобы она любила Славу даже больше, чем я хочу, чтобы она любила меня.

Я жадно слушаю, как она говорит о нем, впитывая каждое слово, упиваясь каждым выражением лица. На ней одно из ее новых вечерних платьев, бледно-желтое платье с тонкими бретельками, обнажающими тонкие плечи. Ее карие глаза сверкают, и даже через камеру ее бронзовая кожа сияет в золотом свете прикроватной лампы. Она захватывает дух, эта милая загадочная девушка — и моя. Все мое. Возможно, я еще не забрал ее физически, но фактов это не меняет. Она была создана для меня, ее свет был идеальным фоном для темной пустоты внутри меня, ее тепло заполнило каждую холодную, пустую щель в моем сердце. Мне все равно, кем она окажется и какие секреты скрывает.

Преступница или жертва, она принадлежит мне, несмотря ни на что.

Когда она заканчивает рассказывать мне о Славе, я спрашиваю ее о ее любимых книгах и музыке, и нас объединяет общая любовь к группам восьмидесятых и романам Дина Кунца. Я не удивлен, что у нас есть что-то общее; вот как это часто работает, когда вы находите свою вторую половину, кусочек головоломки, который дополняет вас. Она моя противоположность во многих отношениях, но есть нити, которые связывают нас, связывают нас вместе задолго до того, как мы встретились.

Мы разговариваем целый час, и я узнаю больше о ее детстве и подростковом возрасте, о ее молодой матери и о том, как много она работала, чтобы вырастить Хлою одна. Она рассказывает мне о том, как тусовалась в центре города с друзьями и отдыхала во Флориде с матерью, как боролась с математическими расчетами в старшей школе и работала на двух работах три лета подряд, чтобы самостоятельно купить свою покосившуюся Corolla.

«Он почти такой же старый, как и я, — нежно говорит она, — но он все еще работает. Даже после того, как я проехал на нем столько миль, путешествуя по стране. Кстати говоря, у тебя была возможность спросить Павла о моих ключах от машины? У меня до сих пор их нет».

Я скрываю выражение лица, скрывая зверя, который шевелится во мне при мысли о том, что она садится в свое ржавое ведро автомобиля и уезжает. — Он сказал, что не может их найти. Мы поищем их, когда вернемся.

Это ложь, но я не могу сказать ей правду. Она бы не поняла. Я сам не до конца понимаю. Все, что я знаю, это то, что я лучше сплю, зная, что ключи на этой пушистой цепочке в моем распоряжении, что мой зайчик в целостности и сохранности под моей крышей.

Легкая морщинка морщит лоб. "Ох, ладно. Но он их найдет, верно?"

«Я уверен, что он будет. Если нет, я куплю тебе другую машину».

Она смеется, явно думая, что это шутка, но я совершенно серьезно. Я куплю ей машину, что-нибудь получше, побезопаснее, чем Королла. Это чудо, что он не сломался на какой-

нибудь пустынной дороге, оставив ее без телефона на милость любого убийцы или насильника, который мог пройти мимо.

Одна только мысль о ней в такой ситуации заставляет меня покрыться холодным потом.

«Я просто позову слесаря», — говорит она, когда перестает смеяться. — В Элквуд-Крик есть слесари, верно?

— Я уверен, что есть по крайней мере один. И я так же уверен, что он не приближается к машине Хлои. Чем больше я думаю о том, как она едет по стране в полном одиночестве, тем мрачнее становится мое настроение. С ней могло случиться что угодно, абсолютно все, и, насколько я знаю, так оно и было.

Ее кошмары могли не иметь никакого отношения к тому, что случилось с ее матерью, и все они были связаны с тем, что какой-то подлец напал на нее по дороге.

Ярость горит во мне, когда я представляю, как на нее нападают, причиняют боль и травмируют, и все, что я могу сделать, это не требовать, чтобы она сказала мне правду прямо сейчас, чтобы я мог уничтожить виновных. Только страх, что она может отступить и попытаться уйти, заставляет меня молчать. Это и воспоминание о тех поврежденных записях, которые указывают на то, что происходит что-то большее, что она связана с кем-то или чем-то, у кого есть ресурсы, чтобы скрыть свои передвижения.

Не обращая внимания на бурю внутри меня, она ухмыляется и говорит: «Хорошо. Можешь сказать Павлу, чтобы он не переживал по этому поводу. Полагаю, он расстроен, что потерял их?»

— Я поговорю с ним, не волнуйся. И я буду. Мне нужно объяснить ситуацию и попросить его извиниться перед Хлоей. Сейчас он понятия не имеет, что что-то не так. — Что касается...

Меня прерывает тихий звонок, и, к моему разочарованию, я вижу, что пора идти на встречу. Я поставил будильник на телефоне, чтобы не опоздать.

"Тебе нужно идти?" — проницательно спрашивает Хлоя, и я киваю, застегивая куртку.

«Это встреча, ради которой я здесь. Хорошая новость в том, что если все пойдет так, как ожидалось, сразу после этого я сяду на самолет домой».

Ее глаза светлеют. "Действительно? Во сколько вылетает ваш рейс?"

«Когда я скажу. Это мой самолет». Наклоняясь в камеру, я бормочу: «Не могу дождаться, когда увижу тебя лично».

Она дарит мне милую улыбку. "То же самое. Удачи на встрече и лети домой в целостности и сохранности».

— Спасибо, Зайчик. Голос огрубевший, я советую: «Хорошо спи сегодня ночью — тебе это понадобится».

И когда ее губы раскрываются на испуганном вдохе, я вешаю трубку, стремясь завершить встречу, чтобы быть в воздухе, на пути к ней.

Я уже сижу за столиком, когда Юсуп Бахори заходит в «Аль-Шам», один из лучших ближневосточных ресторанов Душанбе и, согласно исследованиям Константина, любимое место Юсупа. После обязательных полчаса навerstывания любимых школьных воспоминаний и обсуждения одноклассников и других общих знакомых я перевожу разговор на наши разрешения и торги по контракту с таджикским правительством.

— Николай, ты же знаешь, я не могу... — начинает он, но я поднимаю руку, останавливая этот бред.

«Давай не будем играть в игры. Мы оба знаем, что наш продукт лучше, чем у Атомпрома. Так почему же наши разрешения были отозваны?»

Он моргает, не ожидая, что я буду так прямолинеен. — Ну, были соображения безопасности и...

«У нас никогда не было расплавления или утечки. Наши протоколы безопасности выходят за рамки любых государственных требований, и, что самое главное, наши реакторы могут обеспечить дешевой и чистой энергией каждое поселение и деревню, какими бы труднодоступными или удаленными они ни были».

Он вздыхает, отглатывая недоеденный шашлык. — Послушайте, я не знаю подробностей, но если наши инспекторы...

«Это те самые инспекторы, которые одобрили заявку «Атомпрома»? Если да, то за сколько?»

У него есть благодать, чтобы смыть. — Мы только начали расследование вчерашней аварии, — сухо говорит он. «Если выяснится, что имело место неправомерное поведение, мы примем соответствующие меры. Мы не терпим коррупции и взяточничества. Безопасность наших граждан и окружающей среды имеет для нас первостепенное значение».

Я киваю, беря вилку. «Именно поэтому «Атомпром» никогда не был подходящей компанией для сотрудничества с вами. Их показатели безопасности ужасны».

Я спокойно съедаю два кусочка фалафеля, давая ему подумать, и ничуть не удивляюсь, когда он резко говорит: «Хорошо. Я могу изучить разрешения для вас. Может быть, какой-то инспектор переусердствовал».

«Было бы очень признательно. И если выяснится, что произошло недоразумение, мы будем признательны, если вы отмените решение и замолвите за нас словечко во время торгов».

Он облизывает губы. "Я понимаю."

Конечно, он знает. Благодарность от Молотовской организации — очень прибыльная вещь. Как и благодарность от Леоновых — но он ее уже получил.

Его новый особняк в Худжанде тому подтверждение.

Было бы легко указать на это, используя доказательства коррупции, обнаруженные хакерами Константина, чтобы заставить его делать то, что мы хотим, но, в отличие от Валерия, я верю в то, что нужно помахать пряником, прежде чем схватить кнут.

Так дела идут более гладко.

Цель достигнута, я возвращаюсь к нейтральным темам, а остаток трапезы проходит в приятной беседе. Он не упоминает подробностей нашей «благодарности», как и я. Пусть у него будет правдоподобное отрицание, когда наш платеж приземлится на его оффшорный счет; это ничуть не повредит нам.

Когда мы закончили, он направился к своей машине, а я остановилась в туалете перед долгой поездкой в маленький аэропорт, где меня ждал мой самолет. Я мою руки, когда дверь открывается и входит высокий, атлетически сложенный мужчина примерно моего возраста.

Человек, которого я сразу узнаю.

— Ну, если это не пропавший брат Молотов, — протягивает Алексей Леонов, прислонившись к двери и скрестив на груди татуированные руки. — Неожиданно столкнуться с тобой здесь.

Николай

Я небрежно вытираю руки бумажным полотенцем и бросаю его в мусорное ведро. В процессе я сканирую своего врага на наличие видимого оружия. Их не видно, но это ничего не значит. Он мог пристегнуть пистолет к лодыжке или засунуть его сзади в джинсы. И в его байкерских ботинках определенно есть нож или два.

Алексей Леонов известен своей склонностью к насилию.

— Совпадение — забавная штука, — спокойно говорю я, готовясь дотянуться до «Глока», привязанного к моей груди под курткой. «Что привело вас в Душанбе?»

Он резко усмехается. — Думаю, то же самое, что и ты. Разжав руки, он отталкивается от двери и приближается ко мне. Остановившись передо мной, он спрашивает: «Как жизнь в... где ты сейчас? Таиланд? Филиппины?» Даже вблизи его темно-карие глаза кажутся почти черными, что соответствует оттенку его волос.

«Жизнь прекрасна. Как твой старик? Если он думает, что я выболтаю свое местонахождение после всех проблем, через которые прошел Константин, чтобы скрыть это, у него есть еще одна вещь. — Все еще жив и здоров?»

Его улыбка состоит из зубов. — Ты знаешь, какие эти старики. Практически неразрушимый. Нужно *очень* постараться, чтобы заставить их сдохнуть».

Я тоже не берусь за эту приманку. «Передай ему привет от меня. И твоему брату.

Его глаза резко сверкают. «Не моя сестра? О, да, она чертовски мертва.

Мне нужно все, чтобы сохранить покерфейс. "Я слышал. Мне жаль." Это ложь — Ксения заслуживает того, чтобы сгнить с червями, — но что-то большее, чем самый нейтральный ответ, может открыть мне глаза, а он, кажется, уже питает некоторые подозрения.

Его дикая ухмылка возвращается. «Кстати, о сестрах... как дела? мой предназначенный?»

Теперь я не могу упустить это из виду. Я удерживаю его взгляд, позволяя ему увидеть лед в моих глазах. «Алина не твоя. Никогда не было, никогда не будет».

— Это не то, о чем говорится в нашем помолвочном контракте.

— Этот контракт был аннулирован смертью моего отца, и вы это знаете.

— Я? Он наклоняется, пока мы почти не оказываемся нос к носу. На его лице не осталось ни намека на юмор, и на его суровых чертах запечатлелся безошибочный налет жестокости. Убийственно мягким тоном он говорит: «Скажи Алине, что пора. Я устала быть терпеливой».

И, отступив, выходит через дверь.

Раскаленная ярость все еще горит в моей груди, когда Тесла Константина подъезжает к самолету.

— Спасибо за ожидание, — говорит он, выбираясь наружу. — Я подумал, что будет лучше передать это тебе лично. Он протягивает мне флешку.

— Хлоя?

Он кивает. «Это чушь. Вы были правы, что заставили меня копнуть глубже. Девушка не та, кем кажется.

Блядь. «Мафия?»

"Может быть. Смотреть видео. Мои ребята делают все возможное, чтобы узнать больше».

Ублюдок. Я хочу потребовать ответы на все вопросы прямо сейчас, но самолет готов к вылету, и мне нужно рассказать ему о моей встрече с Алексеем. Я делаю это быстро, и когда я дохожу до части об Алине, я вижу отражение той же ярости на его лице.

— Я убью его, если он хотя бы дышит в ее сторону, — свирепо говорит Константин. — Если он думает, что мы будем соблюдать этот чертов средневековый контракт, заключенный, когда нашей сестре едва исполнилось пятнадцать, он...

«Сомневаюсь, что он был серьезен. Скорее всего, он пытался спровоцировать меня в качестве расплаты за взрыв на их заводе. В любом случае, он не знает наверняка, что она со мной. Он стрелял в темноте».

Константин переводит дух, заметно приходя в себя. Из нас троих он ближе всего к Алине, так как провел время, присматривая за ней во время школьных каникул и летних каникул. У меня никогда не было такой роскоши; наш отец рано решил, что я лучше всего подхожу сыну для того, чтобы взять на себя роль лидера в нашей организации, и все мое детство и юность я провел, изучая семейный бизнес.

— Ты прав, — говорит он более спокойным тоном. — Он зол и хочет нас разозлить. На всякий случай скажи Алине, чтобы она была настороже.

«Я не думаю, что это хорошая идея. У нее... были некоторые проблемы в последние пару дней.

Его брови сходятся. — Головные боли вернулись?

Я мрачно киваю. «Людмила говорит, что пока меня не было, она очень сильно принимала лекарства. Горшок тоже.

Алина думает, что я не знаю об этой последней части, но я знаю, и я попросил Людмилу составить ей компанию, когда она захочет покурить. Я не фанат веществ, изменяющих сознание, но я знаю, почему они нужны моей сестре, и травка предпочтительнее некоторых рецептов в ее прикроватном столике.

Константин хмурится. «Она снова закручивается».

— Будем надеяться, что нет. Но если да, то это еще одна причина поспешить обратно. Хотя мы с Алиной едва ладим, что-то в моем присутствии держит ее в равновесии — может быть, даже существующие между нами трения. Это дает ей внешний фокус, отвлечение от ее внутреннего беспорядка.

Со мной у нее есть четкая и настоящая цель, а не тени, скрывающиеся в ее уме.

«Слушай, — говорю я Константину, — мне пора. Я дам вам знать, как она, когда увижу ее лично. Просто скажи своей команде, чтобы они продолжали делать то, что делают — Алексей не может узнать, где мы».

Его челюсть сжимается. "Не волнуйся. Он не будет.

"Спасибо."

Бросив последний взгляд на брата, я сажусь в самолет.

Павел ждет меня на диване в главном салоне самолета, перед ним на кофейном столике открыт ноутбук. Не говоря ни слова, я сажусь рядом с ним и втыкаю флешку в компьютер.

На нем есть два файла, один под названием «Обновленный отчет», а другой «Магазин камеры, Бойсе, 14 июля».

Мое сердцебиение учащается, когда напряжение пронизывает мое тело.

В этот же день она подала заявление о репетиторстве Славы.

Я нажимаю на видео.

На зернистой записи видна невзрачная улица с несколькими магазинами, кофейней, припаркованными машинами и редкими пешеходами. Отметка времени в углу говорит мне, что сейчас только десять утра.

Сначала кажется, что ничего не происходит, но секунд через тридцать я замечаю знакомую стройную фигуру. Одетая в футболку и джинсы, Хлоя быстро идет по улице.

Она проходит мимо бутика одежды, когда это происходит.

С резким *хлопком* окно дисплея слева от нее взрывается.

Павел издает испуганное ругательство, но я игнорирую его, все мое внимание сосредоточено на маленькой застывшей фигурке Хлои. Каждая мышца моего тела напряжена, страх и ярость пульсируют во мне тошнотворными волнами. Даже на размытом видео я вижу шок на ее лице, когда ее широко раскрытые глаза непонимающе осматривают улицу. Затем начинаются крики о выстрелах и 911, и она бросается бежать — как очередной хлопок! Раздается звон, и вокруг нее летит еще больше стекла.

Через несколько секунд она исчезает из поля зрения, и видео обрывается.

— Ублюдок, — бормочет Павел, но я уже открываю другой файл.

Обновленный отчет.

40

Хлоя

Я плохо сплю. Вообще. Кто бы стал с таким предупреждением?

Хорошо выспитесь сегодня ночью — тебе это понадобится.

Я не могу придумать ничего такого, что Николай мог бы сказать, что с *меньшей* вероятностью заставило бы меня получить мои доказательства. С таким же успехом он мог сказать мне, что намерен трахнуть меня до изнеможения, как только вернется домой.

На самом деле, он сказал мне это, более или менее, перед отъездом. Его грязные обещания дали достаточно пищи для моих поллюций и сеансов мастурбации в душе, включая тот, который был долгим после нашего вчерашнего звонка.

Я полагала, что пара оргазмов может меня расслабить, но на самом деле они только усугубили ситуацию. Все время, пока я играла с собой, я все думала о том, что он сделает со мной, когда вернется... как его руки и губы будут ощущаться на мне... как его член будет ощущаться внутри меня. Мое воображение разыгралось, рисуя всевозможные сценарии с рейтингом X, не связанные с компьютером, и они все еще играют в моей голове сейчас, в ярком утреннем свете, промокая мое нижнее белье и заставляя мой пульс учащенно биться.

Не помогает и то, что Алины снова нигде не видно. Она не спускается ни на завтрак, ни на обед, а когда я спрашиваю об этом Людмилу, она говорит мне, что у сестры Николая опять болит голова.

— Она часто их получает? — обеспокоенно спрашиваю я за обедом, и Людмила кивает, ее лицо напряжено, и она отводит глаза.

Меня это удивляет, но Людмила не особо болтает со мной, поэтому я решаю не расспрашивать ее дальше. Вместо этого я провожу день, обучая Славу и считая минуты до ужина, когда ожидается приход Николая.

Мой ученик столь же нетерпелив. Людмила, должно быть, сказала ему, что его отец сегодня вернется, потому что он все время вскакивает и бежит к окну, пока мы повторяем алфавит.

— Хочешь сделать папе сюрприз? — спрашиваю я, когда он возвращается из своей

экспедиции в пятый раз. — Сделать его счастливым?

Брови Славы хмурятся. "Счастливым?"

— Да, счастливым. Я рисую улыбающееся лицо желтым мелком. — Ты хочешь, чтобы твой папа был счастлив?

Он кивает, плюхаясь на пол рядом со мной.

— Тогда повторяй за мной: «Привет, папочка».

Слава молчит. Он знает оба этих слова из книг, которые мы читали, и он повторял за мной фразы, когда я просила об этом, так что я знаю, что это не проблема понимания.

Осторожно, я пробую снова. "Привет, папочка."

Он смотрит на свои кроссовки. "Привет, папочка." Его голос чуть громче шепота, но слова ясны, как и настороженность в его больших золотых глазах, когда он поднимает взгляд.

Он колеблется, и я не могу его винить. Несмотря на небольшой прогресс, которого мы добились на нашем совместном сеансе чтения на днях, отец и сын все еще фактически незнакомы.

Я протягиваю руку, чтобы взять его руки в свои. "Я очень горжусь тобой. Ты храбрый и сильный, как Супермен».

Его маленькое лицо светлеет. «Супермен?»

— Супермен, — подтверждаю я, нежно сжимая его руки, прежде чем отпустить их. «Смелый и сильный».

— Храбрый и сильный, — шепчет он, подбирая слова. Он указывает на свою грудь. — Храбрый и сильный?

Я улыбаюсь ему. «Да, ты смелый и сильный, прямо как Супермен. И ты сделаешь своего папу очень счастливым.

Он широко улыбается. — Счастлив, да. Он указывает на рисунок смайлика и выпячивает свою худую грудь. "Очень счастлив."

Он такой очаровательный, что я не могу не обнять его, и мое сердце тает, когда его короткие руки обвивают мою шею, крепко сжимая. Вот, вот почему я так люблю детей. Все, что им нужно, это любовь и привязанность, и как только они ее получают, они возвращают ее сторицей.

Николай еще не понимает этого в своем сыне, но поймет.

Это всего лишь вопрос времени и небольших усилий с моей стороны.

За час до ужина я оставляю Славу с Людмилой и иду в свою комнату переодеться и собираться. Я так взволнована и нервничаю, что едва сдерживаю дрожь в руках, когда наношу макияж и приглаживаю волосы, создавая подобие полированных волн, которые Алина смогла создать для меня. Если бы она чувствовала себя хорошо, я бы попросила ее повторить свое волшебство, но, поскольку я не видела ее сегодня днем, я должен предположить, что у нее все еще болит голова.

Бедная девушка. Надеюсь, она скоро поправится.

После того, как моя прическа и макияж сделаны, я просматриваю свою невероятно большую коллекцию вечерних платьев, чтобы найти самое лучшее. Без Николая я брала то, что кажется наиболее удобным и легким в надевании, но сегодня вечером я хочу приложить дополнительные усилия.

Я хочу видеть, как у него перехватывает дыхание, а в его глазах загорается тот темный,

дикий жар, который одновременно волнует и тревожит меня.

Я надеваю нежное платье цвета слоновой кости с вплетенными в него тонкими золотыми нитями. Сшитое из какого-то прозрачного материала, оно без бретелек, с корсетом в форме сердца, который приподнимает мою грудь и подчеркивает талию. Облегающая юбка скользит по моим бедрам самым лестным образом, какой только можно себе представить, а когда я иду, разрез до бедра с левой стороны обнажает мои ноги. Я сочетаю платье с золотыми джинсами Jimmy Choos, которые были в моем первом официальном вечере здесь, и я готова.

Готов увидеть Николая и развивать наши отношения дальше.

Машина подъезжает, когда я спускаюсь по лестнице. Я мельком вижу его в одном из больших окон, и мое сердце бьется быстрее. Людмила и Слава уже стоят в гостиной, а мальчик в лучшем вечернем наряде. Когда я приближаюсь, он застенчиво улыбается мне, и я ободряюще сжимаю его плечо.

«Помни, смелый и сильный, как Супермен», — шепчу я, пытаюсь совладать с собственной нервозностью, и он хихикает — только для того, чтобы замолчать при звуке открывающейся входной двери, сопровождаемой шагами, направляющимися в нашу сторону.

Первым появляется Павел, но его фигура размером с дом едва уловима в моем поле зрения. Все мое внимание приковано к высокому, мрачному красивому мужчине позади него, чей тигрино-яркий взгляд устремлен на меня с интенсивностью, которая обжигает мою плоть и успокаивает легкие.

За последние пару дней я забыла, каково это быть рядом с ним, ощущать разрушительное воздействие его присутствия. Я не просто вижу его, я *чувствую* его каждым дюймом своей кожи, каждой клеточкой своего существа. Я беспомощно провожу взглядом по его чертам, отмечая бескомпромиссные углы его челюсти и чувственную форму губ, поразительную густоту его угольно-черных ресниц и то, как его волосы цвета воронова крыла зачесаны назад со лба, обнажая эти высокие, широкие скулы. Он одет более небрежно, чем когда ушел, в синей рубашке на пуговицах, заправленной в слаксы, и он выглядит таким аппетитно горячим, что все, что я могу сделать, это остаться стоять. Мое сердце бешено колотится, все мое тело гудит, как будто под моей кожей находится сеть проводов под напряжением, и я лишь периферийно замечаю, как Людмила подходит, чтобы обнять своего мужа, возбужденно болтая по-русски.

Николай, должно быть, был захвачен тем же мощным заклинанием, потому что на долгое мгновение он стоит неподвижно, его глаза блестят, когда он наблюдает за моим появлением.

Затем он подходит ко мне.

Затаив дыхание, я смотрю на него, когда он останавливается передо мной. Вблизи он намного лучше, чем на экране компьютера. Больше, выше... более опасно, примитивно мужского пола. С его соблазнительным обаянием и прекрасной одеждой можно забыть о том грубом, животном качестве, которым он обладает, о чувстве, что что-то дикое скрывается под его красивым фасадом... что-то, что притягивает меня к нему, даже когда тонкие волосы на затылке встают в предупреждении.

На расстоянии было легко развеять мои представления о том, что он опасен.

Вблизи это бесконечно сложнее.

"Привет, папочка."

Звук этого тонкого, высокого голоса выводит меня из транса, а на Николая действует еще сильнее. Каждый мускул на его лице напрягается, когда его взгляд перескакивает на мальчика, храбро стоящего рядом со мной.

Мгновение отец и сын просто смотрят друг на друга. Затем Николай медленно опускается на одно колено.

— Привет, — хрипло говорит он, когда на его лице играет смесь эмоций. — Привет, Славочка.

Мое сердце сжимается от прилива тепла. Эта версия имени мальчика — нежность; За последние несколько дней я достаточно услышал по-русски, чтобы понять это.

Слава неуверенно улыбается отцу, прежде чем поднять взгляд на меня.

— Ты молодец, — хрипло говорю я, проводя ладонью по его шелковистым волосам. «Прямо как Супермен». Улыбаясь, я ловлю взгляд Николая. — Скажи ему, что он хорошо справился.

Его лицо искажается, что-то темное и мучительное мелькает в его глазах, прежде чем он восстанавливает контроль. — Ты молодец, — равнодушно говорит он мальчику и, вставая на ноги, отступает назад, выражение его лица снова становится застывшим.

Сбитая с толку, я начинаю говорить, но он опережает меня.

«Мне нужно с тобой поговорить», — жестко говорит он мне и, взяв мою руку в неразрывную хватку, ведет в свой кабинет.

41

Хлоя

Мой желудок скручивается, а пульс учащается до тошноты, когда он садится напротив меня за круглым столом, его глаза полны тьмы, и я больше не могу себя убедить, что она проистекает исключительно из моего воображения. Не осталось и следа нежного, соблазнительного мужчины, с которым я столько часов разговаривала по видео, человека, который так открыто говорил о своих чувствах ко мне. На его месте красивый, ужасающий незнакомец, его лицо напряжено от ярости.

Хуже всего то, что я понятия не имею, что я сделала, что случилось, что так расстроило его. Это то, что сказал Слава? Или мое неуклюжее предложение похвалить мальчика за...

— Ты солгала мне, зайчик, — говорит он убийственно мягким тоном, и мое сердце падает.

Я была права.

Это не имеет никакого отношения к Славе.

Это бесконечно хуже.

Я судорожно вздохнул. — Николай, я...

Он поднимает руку, затем открывает ноутбук, который, как я только что заметил, стоит на столе. — Смотри, — приказывает он, поворачивая экран ко мне.

Я смотрю — и то, что я вижу, превращает мою кровь в ледяную жижу.

Это я в тот день в Бойсе.

День, когда в меня открыто стреляли.

Нет ничего более ужасающего, с чем мог бы столкнуться Николай, ни одного инцидента, который более ясно говорил бы об опасности, которую я представляю для его семьи, опасности, о которой я не позволяла себе думать всерьез, сосредоточившись вместо этого на *моей* ситуации, *моем* выживании. Только сейчас, когда передо мной лежит это

зернистое видео, я понимаю, насколько легкомысленным, каким эгоистичным я был.

За мной охотятся два жестоких убийцы, и вот я, играю в одежду, которую он купил для меня, притворяюсь, что я в безопасности на территории, которую он построил для своего сына, яркого, милого ребенка, в которого я уже вырос. обожать.

Ребенок, который в опасности каждую секунду, пока я здесь.

Я каким-то образом выкинул это из головы вместе с сокрушительным ужасом того дня, но больше не могу. Дрожа от боли внутри, я поднимаюсь на ноги. «Николай, мне очень, очень жаль. Я уеду. Я пойду прямо сейчас...

"Сидеть." Его голос стал еще мягче, пугающе контрастируя с дикой свирепостью в его глазах. — Ты никуда не пойдешь.

"Но"

"Сидеть."

Мои колени подгибаются подо мной, повинуюсь его команде.

Он наклоняется, его взгляд приковывает меня к месту. «Я хочу правды. Полная правда. Понимаешь?"

Я киваю, хотя внутри я рушусь, все мои надежды и мечты рушатся вокруг меня.

Я скажу ему.

Я ему все расскажу.

После всей лжи он заслуживает правды.

42

Хлоя

— Все началось, когда я поехала домой после окончания колледжа, — говорю я, пытаюсь — и безуспешно — говорить ровным голосом. «Я должна была прибыть к ужину, но пробки были необычно плотными, и я опоздала почти на час. Как только я нашла место для парковки перед нашим домом, я побежала в квартиру, оставив чемодан в машине. Я решила, что вернусь за ним после того, как мы поели.

«У меня были ключи, поэтому я вошла и пошла прямо на кухню, где, как я думала, мама разогревала еду. Но когда я добралась туда... Я останавливаюсь, чтобы сглотнуть комок, угрожающий перехватить мое горло.

— Она умерла, — мрачно догадывается Николай, и я киваю, горячие слезы щиплют глаза.

«Она лежала в луже крови на кухонном полу с перерезанными запястьями. У меня не было пульса, поэтому я побежала за телефоном — я так торопилась, что забыла сумочку с телефоном в машине. Но прежде чем я смогла выйти из квартиры, я услышала голоса, мужские голоса, доносившиеся из маминой спальни».

Его глаза опасно сузились. "Они были там? В квартире с тобой?"

"Да. Я прыгнула в маленькую нишу шкафа у двери и спрятался там за пальто. Я видела их тогда. Двое здоровяков в лыжных масках. Они вышли из квартиры, затем сразу же вернулись обратно. Я услышала, как они вернулись в спальню, и, поскольку я был прямо у двери, я побежал. Я пробежала все пять лестничных пролетов, а потом продолжала бежать, пока не добралась до своей машины». Я втягиваю судорожный вдох, прогоняя воспоминание о ошеломляющей панике, гипервентиляции и рыданиях, когда я пыталась вставить ключи в замок зажигания.

Николай дает мне время прийти в себя. "Что произошло дальше?"

«Я позвонила в 911 и поехала в ближайший полицейский участок. Я рассказала им, что произошло, и они направили отряд в мою квартиру. Но убийц к тому времени уже не было, а полиция, они решили... Мой голос срывается. «Они признали это самоубийством».

Его брови сходятся вместе. "Я не понимаю. Ты рассказала им о двух мужчинах? То есть подала официальный отчет в полицию?"

"Да. Я сделала. Я рассказала им о масках и пистолетах с глушителями и...

— Пистолеты с глушителями?

Я киваю, обхватывая себя руками. Мне так холодно, что у меня зубы начинают стучать. «Я видела их сквозь пальто в коридоре. Ну, технически, я заметила только одно ружье, но позже, когда я снова увидела их, их было два, так что я предполагаю...

"Потом?" Его челюсть сгибается. — Ты снова видела их вблизи?"

«Не вблизи, нет. Они были примерно в квартале отсюда. Это было после этого». Я дергаю подбородком в сторону ноутбука. «Они бежали за мной, и я их видел. У каждого был пистолет».

— Лыжные маски тоже?

"Да." Я напрягаюсь, чтобы вспомнить эти две фигуры, но, если не считать их общего размера и оружия в руках, они расплывчаты в моем сознании. — По крайней мере, я почти уверена.

Взгляд Николая обостряется. — Но не уверена?

"Я не." Что глупо с моей стороны. Я должна была быть внимательной, должна была запомнить каждую мельчайшую деталь, чтобы я мог...

— Это был единственный раз, когда ты их видела? Единственный раз, когда они пришли за тобой?

"Нет." Дрожь сотрясает мое тело. "Даже не близко."

Его лицо — маска едва сдерживаемой ярости. "Расскажи мне все."

Так я и делаю. Я рассказываю ему о черном пикапе с тонированными стеклами, который чуть не сбил меня, когда я выходил из полицейского участка, и о том, как это случилось снова на стоянке Walmart всего через час после того, как я сообщил о первой попытке. Я рассказываю ему о пожаре в местном мотеле, где я забронировал номер, чтобы не спать в квартире, и о фургоне, который чуть не сбил меня с дороги, когда я уже был в бегах. Я рассказываю ему о своей узкой неудаче в Airbnb в Омахе, где я остановился для столь необходимого отдыха пару недель назад, но в итоге сбежал через окно посреди ночи, когда услышал царапанье в дверь.

"Замок. Они выбирали его». Николай крепко сжал челюсти. — Если бы ты не проснулась...

"Да. И были и другие случаи, когда я думала, что они могли быть близко, например, когда я заметила черный пикап с тонированными стеклами, подъезжающий к заправочной станции как раз в тот момент, когда я выезжала. Однако к тому времени я была настолько параноиком, что это могло быть моим воображением. А может и нет. Может быть, это были они. Я не знаю. Все, что я знаю, это то, что они продолжали преследовать меня, и единственное, что я мог сделать, это продолжать двигаться. То есть до тех пор, пока у меня не закончатся деньги».

«Именно тогда ты наткнулась на мое объявление».

"Да." Я тяжело сглатываю. — Прости, Николай. Я действительно. Я не думала ясно, когда я подала заявку на должность. У меня осталось всего несколько долларов, и я был в

ужасе, потому что они только что снова меня нашли, и они набрались смелости, стреляя в меня среди бела дня. Я уйду, клянусь. Тебе даже не нужно платить мне за неделю. Я найду другую работу и...

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Вскочив на ноги, он упирается кулаками в стол и наклоняется вперед. Голос у него хриплый. — Я же сказал тебе, ты никуда не пойдешь.

Я вскакиваю на ноги и отступаю. — Николай, пожалуйста. Мне очень *жаль*. Я не хотела подвергать опасности твою семью. Я пойду сегодня. Прямо сейчас. Прежде чем они поймут, что я здесь и... Мое сердце подскакивает к горлу, когда он приближается ко мне, его глаза полны огня и серы. "Пожалуйста. Клянусь, я..."

Его руки сжимают мои плечи железной хваткой. — Ты не уйдешь, — рычит он и, притянув меня к себе, прижимает свои губы к моим.

43

Николай

Я пожираю ее рот со всей яростью и страхом внутри, со всем голодом, который сдерживал. Теперь многое имеет смысл: ее голодный вид и аппетит дровосека, колотые раны на руке и кошмары, которые преследуют ее каждую ночь. В течение нескольких недель они охотились за ней, стремясь истребить ее, стереть с лица земли, и в тот день в Бойсе им это почти удалось.

Пара дюймов вправо, и пуля прошила бы ей череп.

Весь полет домой я трясся от ярости, и это было до того, как я понял все остальное. Прежде чем я узнал, сколько раз она была близка к смерти. Если бы она не проснулась и не услышала, как взламывают замки, или не спрыгнула с пути того пикапа... Черт, если бы она хотя бы дышала погромче в этом шкафу, ее бы здесь сегодня не было.

Я бы не стал держать ее, пробовать на вкус.

Я бы не знал, каково это, найти вторую половину своей души.

Ее голова откидывается назад под жестким сжатием моих губ, ее руки отчаянно сжимают мои руки, и я знаю, что должен замедлиться, быть нежным, но я не могу. Вся моя сдержанность исчезла, сгорела дотла в огне моей ярости, уничтожена моим страхом за нее.

В рапорте Константина было так мало того, что она рассказала мне, и так много подозрительных пробелов в полицейских делах, которые он для меня вытащил. Никаких упоминаний о двух мужчинах в масках в квартире ее матери, ничего о попытках наезда. Даже ее электронные письма журналистам, которые хакеры Константина нашли в ее папке отправленных, похоже, не дошли до места назначения, как будто кто-то заблокировал ее сообщения или пометил как спам. А еще есть все стертые и поврежденные пленки, вероятно, те, которые служили бы доказательством других покушений на ее жизнь.

Кто-то приложил огромные усилия, чтобы убить ее мать и замести следы, кто-то с огромными ресурсами, и тот факт, что я не знаю, кто это, разъедает меня, как кислота.

Тяжело дыша, я отрываю свой рот от ее губ и встречаюсь с ее ошеломленным взглядом. — Ты не уйдешь.

Раньше я не собирался отпускать ее, но теперь, когда я знаю, что она в смертельной опасности, я сделаю все возможное, чтобы удержать ее здесь. Я буквально приковаю ее к себе, если придется.

Она моргает, глядя на меня, ее распухшие от поцелуев губы приоткрываются. "Но-"

"Но ничего. Я не хочу слышать это снова. Теперь ты мой, понял? Голос у меня резкий,

гортанный. Я пугаю ее, я вижу это, но не могу остановиться, не могу вернуть зверя на поводок.

Она открывает рот, чтобы ответить, но я не позволяю ей. Грубо, я провожу рукой в ее волосы и сжимаю их в пригоршне, удерживая ее неподвижно, когда я налетаю для еще одного глубокого, мародерского поцелуя. Есть что-то темное и извращенное в том, как я нуждаюсь в ней, в этом принуждении, которое я чувствую, требуя ее. Моя жажда по ней исходит из самой глубокой, самой дикой части меня, той, которую я изо всех сил старался скрыть от нее и от мира в целом... той, которую моя сестра увидела той ужасной зимней ночью, во многом ей во вред.

Хлоя права, опасаясь меня.

Я не нормальный, мягкий человек.

Цивилизация — это просто еще один костюм, который я ношу.

Сначала она напрягается под моим натиском, но через мгновение ее тело прижимается к моему, ее руки обвивают мою шею, когда она поддается горячей потребности, поглощающей нас. Она обнимает меня, когда я трахаю ее своим языком и ем ее мягкие, пышные губы, держится за меня, когда я тащу ее к столу, мои руки жадно блуждают по ее бедрам, ее грудной клетке, ее маленьким, пухлым холмикам. грудь.

Ее платье мешает, так что я разрываю его на лифе, слишком нетерпеливая, чтобы разобраться со всеми крючками и молниями. Под ней нет бюстгалтера, и ее груди выпадают в мои руки, круглые и идеальные, с великолепными коричневыми сосками на кончиках. У меня слюнки текут при виде, и я наклоняю голову, засасывая одну в рот. На вкус она как соль и ягоды, как все, чего я никогда не жаждала, и когда она выгибается ко мне с задыхающимся криком, ее маленькие ручки сжимают мои волосы, я знаю, что никогда не насытлюсь ею.

Это совершенно невозможно.

Мой член настолько твердый, что причиняет боль, яички плотно прилегают к моему телу, когда я переключаю свое внимание на другой сосок, глубоко всасывая его, прежде чем прикусить с рассчитанной силой. Она снова вскрикивает, ее ногти вонзаются мне в череп, и я успокаиваю боль нежными движениями языка, прежде чем причинить еще один укус боли.

Теперь она тяжело дышит, корчится подо мной, и я знаю, что был прав насчет нее, насчет нашей совместимости в этом отношении. Зверь во мне взывает к своему зеркальному отражению в ней, усиливая темную химию между нами. Боль и удовольствие, насилие и похоть — они сосуществовали с незапамятных времен, питаясь друг другом, образуя чувственную симфонию, не похожую ни на что другое.

Симфония, которую я намерен сыграть с ней.

Отпустив ее сосок, я двигаюсь вниз по ее телу, попутно разрывая ее платье пополам. Это было прекрасное красивое платье, но я куплю ей другое. Я куплю ей все, позабочусь о каждой ее потребности. Она никогда не будет голодать, никогда больше не познает нужды. Потому что теперь она моя, ее тело и ее разум, ее секреты, ее страхи и ее желания.

Я хочу всего этого от нее.

Сжимая ее руки, я прижимаю их к бокам, оставляя обжигающие поцелуи на ее вздымающейся грудной клетке, ее плоском животе, уязвимой букве V под ее пупком. На ней белые стринги, и я тоже срываю их, затем снова сжимаю ее руки, продолжая оральное исследование ее тела. Она красивая, вся стройная и подтянутая, ее бронзовая кожа под моими губами подобна теплему шелку. Волосы на ее киске нежные и тонкие, как будто они

только что отросли после эпиляции, и ревность обжигает меня, как адский бульон, когда я представляю, как она ухаживает за бывшим парнем... за каким-то мужчиной, который не я.

Никогда больше.

Никто другой никогда не тронет ее.

Я выпотрошу любого мужчину, который попытается.

Ее дыхание учащается, когда мои губы приближаются к ее члену, мышцы ее бедер напрягаются, даже когда ее ноги раздвигаются, а бедра отрываются от стола. Она хочет этого, очень хочет, и хотя я умираю от желания попробовать ее полностью, я продлеваю ее мучения, уткнувшись носом в ее нежные складочки, вдыхая ее запах и позволяя предвкушению нарастать.

«Николай, пожалуйста...» Ее голос дрожит, ее руки сгибаются в моей хватке, когда я целую и облизываю шов ее щели, давая ей еще немного. «О Боже, пожалуйста, просто...» Она задыхается, когда мой язык, наконец, проникает между ее складками, и я лакаю сливочное свидетельство ее желания, пробуя ее сладкую, насыщенную сущность. Она — все, что я себе представлял, все, что я когда-либо хотел, и мой член яростно пульсирует от потребности быть внутри нее, скользнуть глубоко в ее тугое, влажное тепло. Вместо этого я нахожу ее клитор и жадно атакую его, попеременно сосу и облизывая, и когда она кончает с придушенным криком, я ввожу два пальца в ее спазмирующуюся плоть, усиливая ее оргазм и готовя ее к тому, что должно произойти.

Потому что я не буду нежным, когда возьму ее.

Я не могу быть.

Не в этот раз.

44

Хлоя

Толчки все еще пробегают по моему телу, когда я открываю глаза и вижу Николая, склонившегося надо мной, одна рука опирается на стол рядом со мной, а другая собственнически сжимает мой член, два длинных, толстых пальца зарыты во мне. Его глаза яростно сузились, челюсть напряжена. — Я сейчас тебя трахну. Его голос жесткий и гортанный, опасно дикий. "Ты понимаешь?"

Я делаю. Это предупреждение, а не констатация факта.

Это происходит, и пути назад нет.

Здравомыслящая часть меня хочет бежать, отпрянуть от темной напряженности в его взгляде, даже когда что-то искривленное во мне упивается его потерей контроля, грубым, неприкрытым голодом на его лице. Его гладкие черные волосы выбиваются из моих пальцев, его губы блестят от моей влаги, а на его рубашке нет верхних пуговиц, как будто он их сорвал.

Это не элегантный, утонченный мужчина, который требует строгого времени приема пищи.

Это дикое существо, которое я почувствовал, прячется внизу.

— Я... — я облизала губы, сжимая его пальцы своим телом. "Я понимаю."

Его челюсти яростно сгибаются, а затем он оказывается на мне, его губы и язык поглощают меня, а его пальцы проникают глубже, находя место, которое заставляет искры плясать по краям моего поля зрения. На вкус он как лес, первобытный и дикий, его запах кедра и бергамота смешивается с мускусным оттенком моего возбуждения. Задыхаясь в его

рот, я выгибаюсь к нему, цепляясь за его бока, когда он начинает трахать меня своими пальцами, вбивая их в меня в жестком, безжалостном ритме, от которого напряжение резко возрастает во мне. Я чувствую, как оргазм обрушивается на меня со скоростью убегającego локомотива, а затем обрушивается на меня, обдавая раскаленным добела головокружительным наслаждением.

Задыхаясь, я без костей распластываюсь на твердой поверхности стола, но Николай еще не закончил со мной. Прежде чем я успеваю прийти в себя, он вытаскивает пальцы и отталкивает меня. Приоткрывая свои тяжелые веки, я смотрю, как он расстегивает молнию и натягивает презерватив на свою эрекцию.

Очень большая эрекция.

Я была права насчет его размера. Он крупнее любого парня, которого я знала.

Во мне пробегает дрожь чисто женской тревоги, но он уже надо мной, сжимает мои запястья, чтобы прижать их над головой, и прижимается к моим губам в очередном обжигающем поцелуе. Широкая, толстая головка его члена упирается в мой вход и, найдя его, вдавливается.

Я влажная и мягкая от двух оргазмов, но растяжка все еще горит, мое тело изо всех сил пытается приспособиться к его размеру, когда он скользит глубже. Звук страдания вырывается из моего горла, и он замолкает, поднимая голову.

Тяжело дыша, мы смотрим друг на друга, и непрощенные его слова доходят до меня. Сумасшедшие слова, о предопределении и нитях судьбы... о неизбежности нас. Я до сих пор не знаю, верю ли я в это, но я не могу отрицать мощную связь, которая пульсирует между нами, не могу отрицать, что это больше похоже на связь, чем на простой секс.

Он тоже должен чувствовать это, потому что дикий огонь в его глазах усиливается, а его хватка на моих запястьях крепче. — Да, зайчик... — Его голос — глубокий, темный хрип. "Теперь ты мой."

И с сильным толчком он вонзается до упора.

Шок от вторжения все еще отзывается в моем теле, когда он начинает двигаться, его глаза не отрываются от меня. Его удары безжалостны, настолько тверды и глубоки, что причиняют боль, но вскоре боль вытесняется более темным удовольствием, которое лишь частично связано с новым напряжением, свернувшимся в моем сердце. С каждым безжалостным толчком его таз прижимается к моему, давя на мой клитор, но выражение его глаз усиливает мое возбуждение и вызывает еще один оргазм, пронзающий меня.

Это взгляд собственничества, полный и тотальный, смешанный с чем-то опасно нежным и интенсивным.

Он кончает через несколько мгновений после меня, все еще удерживая мой взгляд, и мое сердце бешено колотится, когда я вижу, как его великолепное лицо искажается от удовольствия-боль его освобождения, когда он втирается в меня, опустошая себя глубоко внутри моего тела.

Это самая интимная вещь, которую я когда-либо испытывала, и самая красивая.

Наши тела все еще соединены, мои запястья в плену его хватки, когда он опускает голову и прижимает к моим губам самый мягкий, самый сладкий поцелуй, а затем прижимается своей щекой к моей, его теплое дыхание омывает мое обнаженное плечо. Я хочу, чтобы мои руки были свободны, чтобы я могла держать его, но это тоже кажется правильным, каким-то странным образом успокаивающим. Стол холодный и твердый под моей спиной, моя внутренняя плоть пульсирует от его грубого владения, но я чувствую себя

совершенно спокойно, мое быстрое дыхание замедляется, когда все остатки напряжения покидают мое тело.

Я могла бы лежать так часами, днями, неделями, но через несколько долгих мгновений он шевелится, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня с нежной улыбкой. Освободив мои запястья, он осторожно отстраняется от меня и приподнимается, чтобы встать. — Ты в порядке, зайчик? — бормочет он, проводя теплой мозолистой ладонью по моей руке, и я киваю, краснея и сажусь.

— Более чем нормально, — признаюсь я, стягивая края порванного платья, пока он выбрасывает презерватив в мусорное ведро у стола.

— Хорошо, — мягко говорит он, застегивая молнию на штанах. «Потому что мы далеки от завершения».

И, прижав меня к своей груди, выносит из кабинета.

45

Хлоя

Я наполовину ожидаю встретить Алину или Людмилу, но мы добираемся до спальни Николая, никого не встретив. Это огромное облегчение, учитывая состояние моего платья и, как я понимаю, мельком увидев нас в зеркале, мое лицо и волосы.

С моими распухшими от его поцелуев губами и взлохмаченными волосами я не просто выгляжу только что трахнутой.

Я выгляжу восхищенной.

Примерно так же я себя чувствую, когда он укладывает меня на свою огромную кровать и начинает раздеваться, вулканический жар вновь вспыхивает в его золотых глазах. Я не знаю, готова ли я к большему так скоро, особенно с учетом вопросов, поднятых видео, нависшим над нами, но когда он полностью обнажен, его великолепное тело обнажается перед моим взглядом, я не могу найти воли протестовать. когда он взбирается на меня и берет мои губы в глубокий, нежно-эротический поцелуй.

На этот раз это занятие любовью, а не трах. Он поклоняется каждому дюйму моего тела, доводя меня до очередного оргазма своими губами и языком, прежде чем осторожно погрузиться в мою воспаленную плоть. Каким-то образом мне удастся снова оказаться рядом с ним, а затем, измученная, я ложусь в его объятия, как тряпичная кукла, прежде чем заснуть.

Я просыпаюсь от ощущения, что меня погружают в теплую воду. Открыв глаза, я понимаю, что мы оба полулежим в ванне с пеной, а Николай ложится на меня снизу, чтобы я не поскользнулась и не утонула.

— Расслабься, зайчик, — шепчет он мне на ухо, проводя мыльной губкой по моей груди и животу. — Закрой глаза, позволь мне позаботиться о тебе.

Ему не нужно просить дважды. После бессонной ночи, которая у меня была, и с моим телом, превратившимся в желе от всех этих оргазмов, я уже улетаю в страну грез. Я смутно ощущаю, как он моет меня полностью, затем вытаскивает из ванны и заворачивает в большое пушистое полотенце. В этот момент я просыпаюсь достаточно, чтобы попросить уединения, чтобы воспользоваться ванной, а затем, спотыкаясь, иду в постель, где он ждет меня с подносом с едой.

Сонно я позволяю ему кормить меня виноградом, сыром и различными намазками на

крекерах — так как мы пропустили ужин из-за секса и всего остального, — а затем я теряю сознание в его объятиях, чувствуя себя в безопасности и заботе.

Ощущение, будто я нашла свой новый дом.

46

Хлоя

Мы занимаемся любовью еще дважды в течение ночи, и Николай доставляет мне два оргазма каждый раз, а к утру я так больна, что не могу двигаться, но так довольна, что оно того стоит. Конечно, возможно, я не могу пошевелиться, потому что его тяжелая рука лежит на моей груди, прижимая меня к себе, пока он спит, почти как ребенок с плюшевым мишкой.

Ухмыльнувшись этой неуместной мысли, я осторожно выворачиваюсь из его объятий и на цыпочках прокрадываюсь в соседнюю ванную, где нахожу заботливо разложенную для меня новенькую зубную щетку. Стараясь вести себя как можно тише, я чищу зубы и занимаюсь делами, затем надеваю огромный мягкий халат, который висит на двери. Это явно его, но, надеюсь, он не будет возражать, если я буду носить его достаточно долго, чтобы вернуться в свою комнату.

В конце концов, он испортил мое платье.

Эта мысль одновременно тревожит и волнует, мой пульс учащается, когда я думаю о том, как он отреагировал, когда я предложила уйти. Не знаю, как я думала, какой будет его реакция, когда он узнает о моем затруднительном положении, но это было не так.

Между нами ничего не решено, но одно я теперь знаю точно, и это наполняет меня огромной благодарностью и надеждой.

Несмотря на опасность, которую я принесла с собой, Николай не хочет, чтобы я ушла.

Я не удивлена, обнаружив, что он все еще спит, когда я возвращаюсь в спальню. Между сменой часовых поясов и долгим перелетом — плюс весь этот секс — он, должно быть, вымотан. Поддерживая края халата, чтобы он не волочился по полу, я тихо иду к двери, но, проходя мимо кровати, не могу сопротивляться желанию остановиться и посмотреть на своего нового любовника.

Потому что именно так теперь выглядит мой великолепный загадочный русский работодатель.

Мой любовник.

Укрытый одеялом до пояса, он лежит наполовину на боку, наполовину на спине, лицо частично повернуто ко мне, а одна мускулистая рука сложена над головой. Некоторые мужчины в покое выглядят моложе, мягче, но не Николай. Сон только усиливает то опасное, животное качество, которое я в нем уловил, даже когда усиливает его поразительную мужскую красоту. С закрытыми глазами я вижу, насколько длинными и густыми его угольно-черные ресницы, как остро очерчены его скулы. Его губы слегка приоткрыты, но даже в этом расслабленном состоянии есть что-то циничное в их изгибе, порочная чувственность в том, как их мягкость контрастирует с оттенком щетины, затемняющей жесткие линии его челюсти.

Я могла бы стоять и смотреть на него целый час, но это было бы жутко, и в любом случае мне нужно вернуться в свою комнату и одеться до того, как проснутся остальные домочадцы. Я не знаю, который сейчас час, но, судя по мягкому свету, просачивающемуся сквозь жалюзи, сейчас не так много времени после восхода солнца, что логично, учитывая,

как рано я заснул прошлой ночью.

Бросив последний взгляд на спящего Николая, я на цыпочках выхожу из комнаты. Как я и надеялся, вокруг никого, в доме полная тишина, пока я иду в свою спальню. Меня не особенно смущает то, что произошло — рано или поздно все узнают, что мы встречаемся, — но нам с Николаем нужно сначала поговорить об этом, наряду со всем остальным.

Я до сих пор чувствую себя ужасно из-за того, что подвергаю опасности его и его семью, и только знание того, что у них есть все эти охранники и меры безопасности, мешает мне прыгнуть в машину и все равно сбежать. Ну, это и тот факт, что у меня до сих пор нет ключей от машины.

Я собираюсь серьезно настаивать на том, чтобы они наняли сюда слесаря как можно скорее.

Войдя в свою комнату, я закрываю за собой дверь и собираюсь снять халат, когда замечаю фигуру на своей кровати.

Мое сердце подскакивает к горлу, даже когда я узнаю, кто это.

— Вы с Колей хорошо потрахались? — спрашивает Алина, поднимаясь на ноги, — и когда она неуверенно идет ко мне, босиком и в одном прозрачном пеньюаре, я вижу чересчур яркий блеск ее глаз и понимаю, что она на чем-то стоит.

Что-то более сильное, чем марихуана.

47

Хлоя

"Что ты здесь делаешь?" — требую я, мой пульс учащается, когда она останавливается передо мной, покачиваясь. Если у меня и были сомнения насчет ее состояния, они растворились, когда я вглядывался в ее огромные черные зрачки и ощущал приторно-сладкий запах ее дыхания. Впервые с тех пор, как я знаю сестру Николая, она не накрашена, ее красивое лицо бледно и одутловато, зеленые глаза в красной обводке и подчеркнуты тенями.

"Я ждала тебя." Ее красивые губы бескровно растягиваются в неровной улыбке. «Мой брат хотел, чтобы вы заплатили за первую неделю вчера к полудню, но я не чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы вставать с постели до позднего вечера, поэтому я пришла, чтобы отдать это». Она небрежно машет рукой толстому конверту, лежащему на тумбочке.

— Ты была здесь *всю ночь* ?

Она смеется слишком ярким раскатом звука. «Не глупи. Я оставила конверт и ушел. Но я не могла заснуть, так что сегодня утром я заскочила еще раз, чтобы проведать тебя, а тебя все еще не было. Итак... — Ее взгляд падает на мою одежду. «Ты хорошо провела время, трахая моего брата? Ходят слухи, что у него безумные способности.

Тепло вторгается в мое лицо. — Я думаю, тебе лучше уйти.

"Я буду. Просто скажи мне, Хлоя... Ты уже влюбилась в него? Неужели его красивое лицо заставило тебя подумать, что он твой рыцарь в сияющих доспехах, в конце концов?"

Я делаю глубокий вдох. — Алина, слушай... Не знаю, какие у тебя претензии к брату, но я думаю, будет лучше, если мы поговорим, когда тебе станет лучше. *Мы с Николаем* начали встречаться, но это не значит...

Она наклоняется ко мне. "Бедный ребенок. Он обманул тебя, не так ли?"

"Ага." Я хватаю ее за плечи, поддерживая; затем я поворачиваю ее и иду к двери. — Мы поговорим об этом позже.

Она вырывается из моей хватки. «Ты не понимаешь. Я пытаюсь тебе помочь». Ее

остекленевшие глаза широко раскрыты, умоляюще. «Ты должна выслушать меня. Он такой же, как *он*».

Я не должен слушать, что она говорит в таком состоянии, но я ничего не могу с собой поделать. "Его?"

"Наш отец. Коля — его копия во *всем*». Она хватается за лацканы моего халата. "Ты понимаешь? Он монстр, убийца. Он... — Она останавливается, ее лицо становится еще бледнее, когда она понимает, что сказала.

Сбросив с меня халат, она пятится, а я смотрю на нее, и мой желудок скручивает, когда все подозрения, которые у меня когда-либо возникали по поводу Молотова, всплывают на поверхность, как отравленная пробка в колодце. Алина явно не в своем уме, но называть брата убийцей?

Это не то обвинение, которое бросают без причины, даже будучи пьяным или под кайфом.

Она уже тянется к дверной ручке, когда я стряхиваю вызванный шоком паралич и бросаюсь за ней. "О чем ты говоришь?" Схватив ее за руку, я поворачиваю ее лицом к себе. — О чем, черт возьми, ты говоришь?

Она качает головой, слезы текут из уголков ее глаз. "Ничего такого. Это ничто. Забудь это. Я просто... не хотела, чтобы ты закончила, как она.

"Кто она?"

— Просто уходи, Хлоя. Уходи, пока не поздно».

Я стискиваю зубы. «Я не могу. Павел потерял мои ключи от машины. Но даже если бы они у меня были, я бы ни за что...

"Я нашла их. В ящике прикроватной тумбочки Коли.

Я отступаю, пошатываясь. "Что? Когда?"

— Вчера утром, когда я зашла к Коле в комнату за деньгами для тебя. Ее нефритово-зеленые глаза выглядят затравленными. — Вот тогда я и знала.

Холод окутывает мой позвоночник. — Знал что?

Игнорируя мой вопрос, она обходит меня и неуверенно направляется к кровати, где начинает рыться в складках одеяла. "Здесь." Она держит пару ключей на розовом пушистом брелке. — Это еще одна причина, по которой я пришел сюда — чтобы отдать это тебе.

Болезненное бурление в животе усиливается. Она врет. Должно быть, она лжет. Она могла найти ключи где угодно, где бы Павел их ни потерял. Потому что, если она не врет, если вчера утром они были в тумбочке у Николая, то они никогда не терялись. Либо это Николай нашел их перед отъездом в путешествие — до нашего видеочата, в котором он утверждал, что Павел не может их найти.

Словно прочитав мои мысли, Алина неровно говорит: «Павел, кстати, ничего не теряет. Я знаю его всю свою жизнь, и он ни разу не потерял даже дырявый носок — по крайней мере, не случайно. В этом отношении он мне как брат. Все, что он делает, запланировано».

Мое сердце колотится в грудной клетке, как молоток. — Дай мне ключи. Подойдя к ней, я выхватываю их у нее из рук и запихиваю в карман халата. Мой разум мчится, мои мысли кувыркаются друг над другом, как кусочки цветного стекла в калейдоскопе. Я не знаю, что думать, чему верить.

Зачем Николаю врать про мои ключи?

Зачем Алина?

— Что ты имел в виду, когда назвала своего брата убийцей? — спрашиваю я, глядя в ее

затуманенные наркотиками глаза. — Кто это *она* ?

Ее лицо сморщивается. «Ты не хочешь этого. Поверь мне, нет».

"Я хочу знать. Скажи-ка."

Она качает головой, из ее глаз течет еще больше слез.

«Алина, пожалуйста... Я должна знать. Я должна знать, потому что... потому что ты права. Я... Я втягиваю воздух, моя грудь сжимается, когда правда вонзает в меня свои клыки. «Я влюбляюсь в него, и быстро».

Ее плечи сотрясаются от безмолвных рыданий, когда она опускается на пол, прислонившись спиной к кровати, и ее длинные волосы падают вперед, скрывая лицо, когда она обнимает колени.

В отчаянии я становлюсь перед ней на колени. — Пожалуйста, Алина. Я должна знать. Чем он похож на твоего отца? Как он монстр? Что случилось? Кого он должен убить?

Несколько долгих мгновений нет ответа. Наконец она поднимает голову, и сквозь черную вуаль ее волос я вижу кричащую агонию в ее глазах. "Наш отец." Слова вырываются прерывистым, прерывистым шепотом. «Он убил ее. А потом Коля убил его. Разрезал его, прямо здесь... — Ее голос срывается. «Прямо передо мной».

И когда я гляжу на нее, немой от ужаса, она уткнется лицом в колени и плачет.

48

Хлоя

Мой желудок превратился в яму со льдом и бурлящей кислотой, мои пальцы онемели и неуклюжи, когда я запикиваю свою старую одежду в чемодан. Алина лежит на моей кровати, потеряла сознание, наркотики и бессонная ночь наконец взяли свое.

Я не знаю, куда иду и что делаю; Я просто знаю, что должна уйти. Прямо сейчас. До пробуждения Николая. Правда или ложь, реальность или безумие, у меня нет шансов во всем разобраться, пока я здесь, под его крышей и в его власти, когда между нами бурлит эта непреодолимая химия, затягивающая меня все глубже под его смертельные чары.

Не знаю, что я ожидала услышать от Алины. Признание того, что они мафия, в конце концов? И, может быть, они. На данный момент меня уже ничем не удивишь. С самого начала мои инстинкты предупреждали меня о Николае, и я должна была прислушаться к ним.

Я должна была прислушаться к этому голосу в своей голове.

Ты не уйдешь.

Вчера его горячо произнесенное заявление казалось романтическим, хотя и несколько авторитарным, его собственничество скорее возбуждало, чем вызывало тревогу. Но теперь, когда откровения Алины звенят у меня в ушах, а ключи, которые я больше не теряю, торчат из кармана джинсов, я не могу не рассматривать его слова в ином, бесконечно более зловещем свете.

Неужели он никогда не собирался возвращать мне ключи?

Была ли я фактически заключенной все это время?

В отчаянии я бросаю последнюю одежду и застегиваю чемодан, затем надеваю свои старые кроссовки и хватаю конверт с деньгами с тумбочки, запикивая его в карман. Мое сердце бьется так сильно, что меня тошнит от этого, или, может быть, у меня просто сердце болит.

Я просто... не хотела, чтобы ты закончила, как она.

Я до сих пор понятия не имею, кого имела в виду Алина; после разрезающего куска она стала бессвязной, рыдая, пока не потеряла сознание от истощения — и неудивительно. Звучит так, будто она была свидетельницей того, как Николай убил их отца, а может быть, и эту таинственную «ее». Его бывшая девушка? Или, что еще хуже, их мать? Или часть «он убил ее» относилась к их отцу, который якобы тоже монстр?

Я напрягаю память, чтобы вспомнить любое упоминание о том, как погибли родители Николая и Алины, но в русских статьях, которые мне попадались, ничего не было. Николай сильно отреагировал, когда я однажды спросила о его родителях, но я списала это на горе. Но что, если это еще не все? Что, если есть вина и гнев, ненависть к себе человека, совершившего непростительное, совершившего самое гнусное преступление?

Не знаю, верю ли я этому Николаю. Я не хочу в это верить. Несмотря на тьму, которую я чувствовала в нем, несмотря на его дикую жажду меня, прошлой ночью я чувствовала себя в безопасности в его объятиях. Его грубость была смягчена нежностью, его сила была осторожно привязана. И то, как он потом заботился обо мне, мыл меня, кормил, так нежно обнимал...

Способен ли монстр заботиться?

Может ли психопат так хорошо симулировать эмоции?

Может, все, что сказала Алина, неправда. Может быть, это уловка, чтобы заставить меня уйти, разорвать отношения, которые она не одобряла с самого начала. Может быть, если я поговорю с Николаем, он все объяснит, докажет мне, что Алина просто больна, сошла с ума от всех этих лекарств.

Заманчивая мысль, настолько заманчивая, что, выходя из своей комнаты, я останавливаюсь и с тоской смотрю в коридор, где дверь в спальню Николая все еще плотно закрыта. Я так сильно хочу доверять ему, и при других обстоятельствах я бы так и сделала. Если бы мы были обычной парой, встречающейся в городской квартире, я бы прошла по коридору и потребовал объяснений, выслушал его версию истории, прежде чем решить, что делать. Но я не могу пойти на такой риск, не тогда, когда я полностью в его власти в этом удаленном, строго охраняемом поместье.

Никто не знает, что я здесь.

Никто не узнает и не будет заботиться, если я исчезну навсегда.

Единственное разумное, что можно сделать, это уйти сейчас, уйти и оценить ситуацию на расстоянии. Когда я нахожусь где-нибудь в мотеле, я могу связаться с Николаем, сообщить ему, что случилось и почему я ушла. Мы можем обсудить это по электронной почте или по телефону, и я могу еще немного покопаться в Интернете, посмотреть, смогу ли я узнать что-нибудь о смерти его родителей.

Это не должно быть навсегда, только сейчас.

Пока я не узнаю правду.

Тем не менее, мое сердце мучительно тяжелое, когда я несу свой чемодан вниз по лестнице к входу в гараж сзади. Я не только буду скучать по Славе, но сама возможность того, что никогда больше не увижу Николая, наполняет меня холодным, пустым страхом. Как и осознание того, что я уйду туда, где за мной все еще охотятся убийцы моей мамы. Но я уклонялся от них раньше, и я должен верить, что смогу сделать это снова, особенно со всеми этими наличными на руках. Когда я бежал из Бостона, все, что у меня было, это пара двадцаток в кошельке плюс пятьсот, которые я снял в банкомате, прежде чем выбросить свою дебетовую карту вместе со всем остальным, что можно было отследить.

Все будет хорошо.

Я сделаю это.

Я должна поверить в это.

Сглатывая растущий узел в горле, подхожу к машине и бросаю чемодан в багажник. Затем я нажимаю кнопку, чтобы открыть дверь гаража, и смотрю, как она бесшумно поднимается. Здесь, слава богу, нет медленных, шумных механизмов. Как можно тише я завожу машину и выезжаю из гаража, затем объезжаю дом и направляюсь к подъездной дорожке.

Мне нужно все, чтобы спуститься с горы спокойно, размеренно, как будто я никуда не тороплюсь. Если охранники следят за дорогой, я не могу допустить, чтобы они что-то заподозрили. Ледяной пот стекает по моей спине, костяшки пальцев белеют на руле, когда я подъезжаю к высоким металлическим воротам.

Что, если Николай дал им указание меня не выпускать?

Что, если я действительно заключенный здесь?

Но ворота раздвигаются при моем приближении, и никто не останавливает меня, когда я проезжаю. Дрожа от облегчения, я сохраняю свою медленную, постоянную скорость еще секунд тридцать или около того, пока не исчезаю из поля зрения, а затем даю газу, удаляясь от безопасного убежища, которое может оказаться логовом дьявола.

От человека, которого я тоскую всеми фибрами своего сердца.

49

Николай

Я просыпаюсь с моим телом, гудящим от удовлетворения, и моим разумом, наполненным большим миром, чем я когда-либо знал. Прошлой ночью было все, о чем я думал, и даже больше. Я до сих пор чувствую ее, обоняю, ощущаю ее вкус на своих губах. Улыбаясь, я переворачиваюсь, похлопывая простынями ее маленькое теплое тельце, и когда моя рука натывается только на свернутое одеяло, я открываю глаза и осматриваю комнату.

Хлои здесь нет, что разочаровывает, но не удивительно, учитывая яркий солнечный свет. Она, наверное, уже позавтракала и учит Славу; может быть, они даже в походе. В обычных условиях я бы услышал, как она встала а я сплю чутко, но я не спал больше тридцати часов, и смена часовых поясов сильно ударила меня по заднице.

Мое настроение немного портится, уровень адреналина растет, когда я думаю о видео, которое доминировало в моих мыслях во время полета, не давая мне заснуть, и обо всем остальном, что рассказала мне Хлоя. Мысль о том, что кто-то хочет навредить ей, убить ее, наполняет меня кипящей яростью, которая сдерживается только осознанием того, что они не могут добраться до нее в моем доме.

Меры предосторожности, защищающие мою семью от врагов, защитят и Хлою от ее, пока я буду выяснять, кто они такие.

Желая приступить к этому, я встаю и отправляю электронное письмо Константину, в котором подробно излагаю все, что узнала прошлой ночью. Затем я прыгаю в душ, быстро ополаскиваюсь, одеваюсь и иду на поиски Хлои.

Начну с комнаты моего сына. Там никого нет, поэтому я спускаюсь вниз. Столовая пуста, но из кухни доносятся голоса, и когда я вхожу, то с удивлением обнаруживаю, что Людмила сама кормит Славу завтраком.

Он застенчиво улыбается мне, и моя грудь наполняется нехарактерным теплом, когда я

вспоминаю, как он приветствовал меня вчера вечером. Несмотря на то, что я был сосредоточен на получении ответов от Хлои, я не мог не отреагировать на этот тихий, сладкий голос, называющий меня *папой*.

Я не знал, как сильно я жаждал услышать это, пока это не случилось.

Пока *она этого не сделала*.

— Доброе утро, Славочка, — бормочу я, опускаясь на корточки перед его креслом. Перейдя на русский, я спрашиваю: «Вы хорошо провели ночь?»

Он кивает, его глаза большие и настороженные, и моя грудная клетка напрягается от знакомой сжимающей боли. Я хочу отойти в сторону, закончить разговор, чтобы избавиться от дискомфорта, но вместо этого я склоняюсь к нему, позволяя себе чувствовать его и нежно улыбаясь сыну.

Он так сильно — слишком сильно — похож на меня, но, возможно, с Хлоей в его жизни он не пойдет по моим стопам.

Может быть, он не вырастет, ненавидя меня так, как я ненавидел своего старика.

— Где Хлоя? — спрашиваю я, и моя улыбка становится шире, когда его глаза загораются при упоминании ее имени.

— Не знаю, — застенчиво говорит он и поднимает взгляд на Людмилу, которая кладет ягоды в его тарелку с манной кашей.

— Я не видела ее сегодня утром, — говорит она. — Может быть, она еще спит?

Моя улыбка исчезает, неприятное чувство шевелится внизу живота. Я не заглядывал в комнату Хлои, но предположил, что она встала с моей кровати, чтобы начать свой день, а не спать в своей. Поднявшись на ноги, я говорю Славе: «Я пойду искать твоего учителя. Ты с нетерпением ждешь уроков английского, верно?»

Он энергично кивает, и я улыбаюсь ему. Импульсивно, я взъерошиваю ему волосы, как это делала Хлоя, и, не обращая внимания на удивленное выражение _____ лица Людмилы, возвращаюсь наверх.

Дверь в комнату Хлои закрыта, поэтому я стучу и жду несколько секунд. Когда ответа нет, я открываю его и вхожу.

Жалюзи все еще закрыты, блокируя большую часть дневного света, но я вижу небольшой холмик на кровати под одеялом.

Ведь она спит.

Нежная улыбка растягивает мои губы, когда я подхожу к кровати и сажусь на край. Она лежит, отвернувшись от меня, одеяло укрывает ее до шеи, оставляя на подушке только волосы. Почему-то в этом свете он выглядит намного темнее, золотые полосы отсутствуют.

Наклонившись над ней, я поднимаю руку, чтобы аккуратно убрать волосы с ее лица, но тут же отдергиваю пальцы назад, когда мое сердце бешено бьется.

— Какого хрена ты здесь делаешь? Я рычу на сестру, когда она переворачивается на спину и моргает, открывая глаза. — Где Хлоя?

Она моргает еще несколько раз, затем медленно садится. "Что?" — хрипло говорит она, нетвердой рукой убирая волосы с лица. Я понимаю, что от нее пахнет коктейлем с наркотиками, моя ярость растет, когда она ошеломленно спрашивает: — Что ты делаешь в моей комнате?

Я вскакиваю на ноги. — *Твоя чертова комната?*

Она смотрит на меня. — Я не... — Ее глаза оббегают спальню, и замешательство на ее

лице медленно превращается в ужас. "Вот дерьмо. Хлоя."

Мой желудок сжимается от ужасного предчувствия, и мне нужно изо всех сил сдерживать себя, чтобы не схватить и не встряхнуть ее. «Где она, черт возьми? Что ты сделал?"

Спина моей сестры выпрямляется, ее глаза сужаются, глядя на мое лицо. "Мне? Что *ты* делаешь в ее спальне?"

— Алина, — предупреждаю я сквозь зубы, и все, что она видит на моем лице, убеждает ее, что она не может трахаться со мной прямо сейчас.

— Слушай, может быть, я... — Она облизывает губы. — Возможно, я сказала ей кое-что.

"Какие вещи?"

— О тебе и... и о нашем отце.

Блядь. — Что именно ты ей сказала?

«Наверное, больше, чем следовало бы», — признается Алина, даже вызывающе вздергивая подбородок. — Но она заслуживает того, чтобы знать, во что ввязывается, тебе не кажется?

Мои руки сгибаются по бокам, ярость пульсирует в каждой клеточке моего тела. Если бы это был кто-то, кроме моей сестры, они бы уже истекли кровью. — Так ты сказала ей... что? Что я убил его? Выпотрошил его, как гребаную рыбу?

Она белеет, но не отводит взгляда. — Точно не помню.

Конечно, нет. Она была чертовски под кайфом — наверное, до сих пор под кайфом.

Наклонившись над кроватью, я сдерживаю с нее одеяло. Это моя вина, что я нянчился с ней, позволив ей погрязнуть в своей слабости.

— Вставай и одевайся, — откусываю я, когда она отползает назад с широко раскрытыми глазами.

— Мы обыщем это место сверху донизу, и когда найдем ее, ты скажешь ей, что все это выдумал. Каждое слово, понятно?

— Николай... — В ее голосе есть странная нотка. — Ты заглядывал в гараж?

У меня стынет кровь. "Что?"

— Я нашла ключи в твоём прикроватном ящике, — с вызовом говорит она. — И я вернула их ей. Она человек, а не вещь, и если она захочет уйти, ты не имеешь права...

— Ты чертова идиотка, — шепчу я, настолько охваченный яростью и ужасом, что едва могу говорить. — За ней охотятся убийцы. Если она ушла отсюда и они доберутся до нее...

И когда моя сестра бледнеет, я разворачиваюсь на каблуках и бегу в гараж.

И действительно, «Тойоты» уже нет, дверь гаража поднята.

Яростно ругаясь, я бегу обратно в дом — только для того, чтобы чуть не скосить Людмилу, которая вышла из кухни, чтобы посмотреть, из-за чего там шум.

— Скажи Павлу, что он мне нужен. Сейчас же, — рявкаю я в ее испуганное лицо и мчусь наверх в свой кабинет.

Схватив свой компьютер, я просматриваю кадры с камер у ворот и перематываю запись, пока не вижу машину Хлои, подъезжающую к воротам. Отметка времени показывает 7:05 утра — более двух часов назад.

К этому времени она могла быть где угодно.

Она могла быть мертва.

Эта мысль настолько невыносима, настолько парализует, что я на мгновение перестаю дышать. Дальше включается логика.

Если только враги Хлои не разбили лагерь прямо возле моего дома, они никак не могли найти ее так быстро. И с нашими инфракрасными дронами, патрулирующими район, мои охранники знали бы об этом, если бы они были там.

Наиболее вероятный сценарий состоит в том, что с Хлоей все в порядке, хотя и напуганной откровениями Алины. У меня еще есть время найти ее и вернуть сюда, где она будет в безопасности.

Немного успокоившись, я звоню Константину по видеосвязи.

«Мне нужно, чтобы вы отсканировали кадры со всех камер в радиусе двухсот миль от моего комплекса на предмет обнаружения машины Хлои за последние два часа», — говорю я, как только лицо моего брата появляется на моем экране. «Начнем с заправок — Павел упомянул, что в машине было мало топлива».

К чести Константина, он не задает никаких вопросов. — Я позову своих парней прямо на это.

«Позвони на мой телефон, когда он будет у тебя. Я буду в машине.

Он кивает и отключается.

Следующим я зову своих охранников. — Бери Кирилова и приходи в дом, — приказываю я, когда Аркаш берет трубку. «Полная экипировка. Мы собираемся в путешествие».

Я не думаю, что у меня возникнут проблемы с возвращением Хлои, но только идиот не готовится к худшему.

«Будь там через десять», — отвечает Аркаш.

Я вешаю трубку, раздается стук в дверь, и входит Павел.

"Девушка?" — лаконично спрашивает он, и я киваю, уже шагая к стене сзади.

Я прижимаю ладонь к скрытой панели, и часть стены соскальзывает, открывая маленькую комнату, полную оружия и боевого снаряжения — главного арсенала в доме.

— Готовься, — говорю я ему, снимая рубашку. — Мы собираемся вернуть ее.

Я надеваю бронежилет и застегиваю рубашку поверх него, чтобы не бросаться в глаза. Павел делает то же самое, и каждый из нас надевает несколько видов оружия.

Если у нас действительно возникнут проблемы, мы будем готовы.

Кирилов и Аркаш уже подъезжают к дому на бронированном внедорожнике, когда мы выходим на улицу. Мы с Павлом запрыгиваем на заднее сиденье и мчимся по подъездной дорожке, летя гравием. У меня нет на уме конкретного пункта назначения, но есть только одна дорога, ведущая вниз с горы, и где бы ни была Хлоя к тому времени, как Константин позовет меня, мы будем ближе к ней, чем если бы мы остались здесь и ждали. Кроме того, мы можем начать с близлежащих заправок и посмотреть, не заметил ли кто-нибудь Хлою на одной из них.

"Что случилось?" — тихо спрашивает Павел, когда мы проходим через ворота. — Почему она ушла?

Моя верхняя губа кривится. «Алина».

«Ах». Затем он замолкает, глядя в окно, и я делаю то же самое, пытаюсь игнорировать тяжелый стук в груди — и растущую боль предательства, распространяющуюся через нее.

Мой зайчик побежал.

Она бросила меня.

Просто так, даже не прощаясь.

Неразумно так себя чувствовать, я знаю. Я *из* тех мужчин, которых она должна бояться и презирать. Что бы моя сестра ни сказала ей в состоянии наркотического опьянения, должно быть, это выставило меня в худшем свете, но это не значит, что история Алины не соответствует действительности.

Я убил нашего отца у нее на глазах.

Тем не менее, дезертирство Хлои причиняет боль. Она отдалась мне. Она добровольно пришла в мои объятия. Прошлая ночь была намного больше, чем просто секс, наша связь была такой глубокой, что я чувствую это всем своим телом. Но она не должна. Потому что если бы она это сделала, она бы знала, что я никогда не причиню ей вреда; она бы доверила мне свою защиту. Тот факт, что она предпочла бы оказаться там, столкнувшись со смертельной опасностью, красноречиво говорит о ее мнении.

Она боится меня.

Она думает, что я монстр.

Моя челюсть затвердевает, и по мере того, как машина набирает скорость, ко мне приходит мрачная решимость. Я должен был держать эти ключи в сейфе, а не в тумбочке, и я определенно должен был предупредить охранников, чтобы они не открывали ворота для ее машины. Мне не приходило в голову, что она побежала за прошлой ночью, но так и должно было быть — и я больше не совершу этой ошибки.

Когда я верну ее, она не уйдет.

Я не позволю ей.

Я сделаю все возможное, чтобы обезопасить ее.

Первую заправку, на которой мы остановились, обслуживает бледный прыщавый мужчина лет двадцати с чем-то с намеком на пивной живот.

«Нет, не видел ее», — говорит он, глядя на фотографию Хлои. «Симпатичная цыпочка, однако. В чем ее дело? Она наполовину азиатка? Латина?»

«А как насчет синей Toyota Corolla конца девяностых?» — тихо спрашиваю я, и то, что парень видит на моем лице, заставляет его терять ту маленькую краску, которой он обладает. «Такая машина останавливалась?»

— Нет, извини, чувак. Он слатывает. — Я бы это увидел. Сегодня у меня было только два других клиента».

Я смотрю на Павла, и он дергает подбородком в сторону выхода.

Как и я, он не думает, что парень лжет.

Ближайшая заправка находится в городе. Седовласая кассирша отрывается от газеты, когда мы с Павлом входим, ее слезящиеся глаза обостряются, когда она замечает нашу внешность.

Я подхожу к прилавку и достаю фотографию Хлои. «Вы видели эту девушку? Или синяя Corolla конца девяностых?»

Пожилая женщина надевает очки и внимательно изучает фотографию, прежде чем поднять взгляд на меня. — Вы два копа или что-то в этом роде? — спрашивает она хриплым голосом.

Я сдерживаю свое нетерпение усилием. "Или что-то. Вы видели ее сегодня утром или нет?"

— Не сегодня утром, нет. Она щурится на меня сквозь очки. «Вы бы посмотрели на это

красивое лицо... прямо как в одном из журналов. Да ещё и так красиво одет. Ты ее бойфренд, дорогая?

Моя рука сжимается на краю прилавка. — Когда ты ее видел?

«О, около недели назад. Она зашла заправиться, спросила о вакансии в газете. С тех пор я ее не видел и сказал им об этом.

Лед наполняет мою грудь. "Их?"

«Два парня примерно твоего роста. Пришел вчера, поздно вечером. Показала мне свою фотографию и все такое. Я сказал им, что видел ее только один раз и понятия не имею, куда она пошла...

— Как именно они выглядели? Павел прерывает меня, когда я замираю, мой разум мчится со скоростью миля в секунду.

Они здесь.

Они знают, что она была здесь.

Что еще хуже, они знают, что она просматривала мой список вакансий.

«Два парня? Ну, высокий, как я сказал. У одного темные волосы, чуть светлее, чем у него, — она машет мне рукой, — другой больше на тебя похож. Вы знаете, соль и перец, за исключением вида облысения.

Челюсть Павла сжимается. "Возраст? Гонка? Телосложение?"

«Кавказский. Тридцатые, сороковые для старшего, может быть. Какой-то большой и мускулистый. Она смотрит на меня сверху вниз. — Не такой красивый, как он, это точно.

"Что-нибудь еще?" — требует Павел. «Татуировки, шрамы? Во что они были одеты?»

«Джинсы, я думаю. Или хаки? Я точно не помню. Черные или серые рубашки, возможно темно-синие. Что-то темное. Никаких шрамов, я думаю. О, но, — она оживает, — у старшего была татуировка на внутренней стороне запястья. Я видел край у него под рукавом.

«Они спрашивали о списке вакансий?» — спрашиваю я, сохраняя голос, несмотря на ярость и страх, переполняющие меня.

Я должен знать, насколько плоха ситуация, насколько они близки к тому, чтобы найти ее.

Женщина кивает. «Конечно. Хотел узнать все об этом, кто и что и где. Я сказал им, что не знаю наверняка, но, вероятно, это была та старая собственность Джеймисона в горах, которую купил тот богатый русский. Скажи, — она косится на Павла, — откуда у тебя этот акцент? Вы, мальчики, случайно не из...

— Спасибо, — коротко говорю я и достаю телефон, чтобы позвонить Константину, пока мы спешим обратно к машине.

Как только мой брат берет трубку, я выдаю описание, которое мы получили, и требую обновления результатов поиска.

Гораздо важнее найти Хлою сейчас, пока это не сделали убийцы.

«Пока ничего», — говорит Константин. «На самом деле... Подождите минутку. Позвольте мне перезвонить вам. Я думаю, что мы только что получили хит».

Я уже собирался прыгнуть во внедорожник, но теперь шагаю впереди него, уровень адреналина в крови растет с каждой секундой.

Возможно, мы уже опоздали.

Они знают о моем комплексе и интересе Хлои к нему.

Может быть, они не стояли лагерем у ворот, когда она выезжала, но они не могли быть далеко.

Развернувшись, стучу в окно рядом с Павлом. — Вызовите медицинскую бригаду на территорию, — коротко говорю я ему. — Он может нам понадобиться.

Мой телефон вибрирует в кармане, и я хватаю его. "Ага?"

«Наблюдений нет, но у нас есть частично стертая пленка», — сообщает Константин. «Та же цифровая подпись, что и у других. Два часа стерты — и похоже, что это было сделано около получаса назад. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что они учуяли ее запах и не хотят, чтобы кто-нибудь об этом знал.

Я уже на полпути в машине. — Откуда кассета?

— Бензоколонка примерно в сорока милях к западу от вас. Я пришлю тебе координаты».

Я вешаю трубку и приказываю Кирилову нажать на газ.

50

Хлоя

Дорога расплывается перед моими глазами уже в сотый раз, и я отрывисто вытираю влажные щеки. Я не знаю, почему я не могу сдерживать слезы, почему у меня болит грудь, как будто я снова потеряла маму. Банан, который я взяла на заправке, лежит на пассажирском сиденье, недоеденный, и хотя это единственная еда, которую я сегодня ел, от мысли о том, чтобы откусить еще один кусочек, меня тошнит.

Я снова еду вслепую, в никуда. Должно быть, первые пару часов я была в шоке, потому что с трудом могу вспомнить, как я сюда попала. Я знаю, что где-то заправил машину, потому что указатель уровня топлива показывает, что бак полный, но у меня есть лишь смутное воспоминание о том, как я зашла в грязный магазин и расплатилась. Банан оттуда, я уверена — я схватила его на автопилоте — но я не помню, чтобы ела его, хотя должна была.

Я почти уверена, что они не продают недоеденные фрукты даже на самых грязных заправках.

Дорога впереди поднимается вверх и резко изгибается, и я заставляю себя сосредоточиться. Последнее, что мне нужно, это съехать со скалы. А так, я чувствую, что это более или менее то, что я делаю с каждой милей расстояния, которое я прокладываю между собой и Николаем.

Я поступила правильно, умно.

Я постоянно говорю себе это, но это не помогает, не уменьшает ощущения, что я совершил ужасную ошибку. Прошло всего несколько часов с тех пор, как я уехала, но я скучаю по нему так остро, как будто мы были в разлуке несколько месяцев. Когда он был в командировке, я знала, что увижу его снова, знала, что мы будем разговаривать каждый вечер, но теперь такой уверенности нет.

Он может отказаться разговаривать со мной, когда я ему позвоню.

Он может быть так зол на то, что я ушла, что не захочет, чтобы я возвращалась.

Теперь, когда я нахожусь здесь, вдали от территории, откровения Алины кажутся еще больше похожими на бред больного, одурманенного мозга, и хотя я не могу полностью отмахнуться от них, я содрогаюсь при мысли о том, чтобы встретиться с Николаем и спросить его действительно ли он убил своего отца.

Какой невинный человек не будет оскорблен этим вопросом?

Какой бойфренд не пришел бы в ярость из-за того, что его девушка поверила такой чудовищной лжи?

Я должна была остаться. Черт, я должна была остаться. Даже если в то время это казалось рискованным, я должна была выслушать Николая справедливо. Ключи ничего не доказывают. Алина могла иметь их все время; она могла даже украсть их у Павла. Если бы Николай хотел лишиться меня свободы, он мог бы предпринять множество других действий — например, сказать охранникам, чтобы меня не выпускали.

И в том-то и дело, я понимаю с самого начала. Вот почему то, что казалось таким рациональным, когда я собирала вещи, теперь кажется ужасной ошибкой. Потому что в тот момент, когда я въехала в ворота, я получила доказательство того, что могу *уйти*, что Николай не планировал держать меня там с какими-то зловещими намерениями. Поначалу я была слишком в панике, чтобы понять это, но чем дальше я ехала, тем глубже укоренялось это знание, последствия моих импульсивных действий давили на меня все больше с каждой пройденной милей.

Я должна была вернуться несколько часов назад.

На самом деле, я должна была сделать это, как только вышла из ворот.

Я бросила безумный взгляд вокруг себя. Везде деревья и скалы. Я снова глубоко в горах, дорога передо мной такая узкая, что едва ли две полосы. Я не могу сделать разворот здесь; было бы самоубийством пытаться.

Крепче вцепившись в руль, еду дальше — и, наконец, вижу.

Немного дополнительного места слева от поворота дороги.

Я смотрю в зеркало, потом прямо вперед и назад.

Ничего такого. Никаких автомобилей. Я одинока.

Резко тормозя, я делаю незаконный разворот и возвращаюсь.

На обратном пути уже двадцать минут, и я отчаянно пытаюсь вспомнить, нужно ли мне повернуть направо или налево на приближающемся перекрестке, когда черный пикап сворачивает на дорогу и приближается ко мне.

Холодок пробегает по моему позвоночнику, тонкие волосы на затылке встают дыбом.

Это может быть моя паранойя, снова работающая сверхурочно, но эти тонированные окна кажутся знакомыми.

Нет времени сомневаться в себе; еще через тридцать секунд мы пройдем рядом друг с другом. Резко дергая руль, я выруливаю на небольшую грунтовую дорогу, ведущую в гору справа от меня, и нажимаю на газ, не обращая внимания на жалобный вой древнего мотора Corolla.

Если это не они, они не последуют за мной.

Я буду чувствовать себя идиоткой, но это лучше, чем умереть.

Мое сердце яростно бьется о ребра, каждая секунда отмечена полдюжиной ударов, пока мой взгляд мечется между зеркалом заднего вида и крутой, усеянной выбоинами дорогой впереди. *Пожалуйста, пусть это будут не они. Пожалуйста, не позволяй этому...*

Пикап появляется в зеркале, его темные очертания стремительно приближаются ко мне.

Я нажимаю педаль газа в пол, мое дыхание становится прерывистым, когда моя машина подпрыгивает над серией выбоин. Адреналин бурлит в моих венах, учащает пульс, пока все, что я слышу, это его рев в ушах.

Хлоп!

Мое правое боковое зеркало взрывается, и мой ужас удваивается, когда я вижу мужчину, высывающегося из окна грузовика со стороны пассажира, с пистолетом в руке. Я

инстинктивно дергаю руль влево, и следующая пуля разбивает заднее стекло и пробивает дыру в лобовом, всего в футах от моей головы.

Третья пуля свистит мимо моего плеча, и я ощущаю вкус смерти. Я чувствую его ледяные, чешуйчатые пальцы. Это все, что осталось несделанным, недосказанным, все то, что не сбудется. Это Николай шепчет мне на ухо, как сильно он меня хочет, любит, а Слава хихикает, крепко меня обнимая. Горько осознавать, что этим мужчинам все сойдет с рук, как они сделали это с убийством мамы, и они будут сожалеть о том, что никто никогда не узнает, как я умерла.

Четвертая пуля пронзает сиденье в дюйме от моего правого бока, и я снова дергаюсь за руль, отчаянно пытаюсь избежать неизбежного, прожить хотя бы секунду дольше. Пикап теперь прямо позади меня, нависая над моей «Короллой», как черная гора, и когда я пытаюсь уклониться от траектории следующей пули, его бампер с силой врезается в мой, заставляя мою голову дернуться вперед.

Хлоп!

Огонь пронзает мое плечо, ощущение такое резкое и внезапное, что поначалу не больно. Вместо этого я чувствую, как что-то горячее и мокрое скользит по моей руке, когда грузовик снова врезается в мою машину, заставляя ее содрогаться от мощного толчка. Затем меня накрывает тошнотворная волна боли, и с отчаянием умирающего животного я дергаю ремень безопасности и толкаю дверь.

Хлоп!

То, что осталось от ветрового стекла, разлетается вдребезги, когда я ударяюсь о грязь, так что тяжелый воздух со свистом вырывается из моих легких. Ошеломленный, я дважды переворачиваюсь, прежде чем приземлиться на спину и с ошеломленным ужасом наблюдать, как грузовик в последний раз врезается в мою «Короллу», сбивая ее с дороги и раздавливая о толстое дерево. С оглушительным визгом сокрушительного металла старая машина сминается, а затем, как в кино, загорается. Грузовик тут же дает задний ход, и какие-то остатки силы поднимают меня на ноги.

Беги, Хлоя.

С трудом переводя дыхание, я бреду к деревьям на ногах, которые на ощупь напоминают сломанные спички, и мои колени угрожающе подгибаются при каждом шаге. Моя нога зацепилась за корень, и боль пронзает мою левую лодыжку — ту самую лодыжку, которую я вывихнул, прячась в мамином шкафу, — но я просто стискиваю зубы и заставляю свои шаги удлиняться, не обращая внимания на горячую кровь, стекающую по моей руке, и головокружение, нахлынувшее на меня. надо мной волнами. Я не могу сдаться, если я хочу жить, поэтому я продолжаю идти, продолжаю хромать вперед в полубеге-полубеге, как у зомби.

Мужской голос что-то кричит позади меня, и я заставляю себя набрать скорость, рваные рыдания разрывают мои губы, когда еще одна пуля просвистывает мимо моего уха, раскалывая ветку передо мной.

«Чертова сука!»

Какое-то шестое чувство заставляет меня пригнуться, и пуля врезается в дерево вместо меня, когда я качаюсь вбок.

Беги, Хлоя.

Голос мамы звучит чище, чем когда-либо, и с приливом силы, о которой я даже не подозревала, я начинаю бег. Моя лодыжка кричит каждый раз, когда моя нога касается

земли, мое зрение расплывается от тошноты и волн боли, но я бегу изо всех сил.

Только этого недостаточно.

Недостаточно.

Сила, подобная грузовику, врзается в меня, сбивая с ног, и огромная тяжесть вдавлиывает меня в усеянную листьями грязь. Я даже не могу хрипеть, когда моя грудная клетка расплющивается, а затем чудесным образом вес уходит, и я переворачиваюсь на спину.

Когда мое зрение проясняется, я вижу огромного темноволосого мужчину, оседлавшего меня, с направленным мне в лицо пистолетом и торжествующим рычанием.

— Попался, маленькая сучка, — говорит он, тяжело дыша. — А поскольку ты заставила нас работать на это, ты должна немного повеселиться.

51

Хлоя

Воздух устремляется в мои кислородно-голодные легкие, и я слепо размахиваю кулаком, целясь в это самодовольное лицо. Он с легкостью перехватывает его, грубые пальцы схватывают мое запястье и прижимают его к земле, вставляя ствол пистолета мне под подбородок.

— Еще раз двинься, и я снесу тебе гребаную башку, — рычит он, и я ему верю.

Я вижу свою смерть в его плоских темных глазах.

— Какого хрена, Арнольд? — восклицает второй голос, и над нами появляется еще один человек. Также вооруженный ружьем, он выглядит на несколько десятков лет старше моего похитителя, с реденеющими седыми волосами и румяной кожей, покрасневшей от напряжения бега. Тяжело дыша, он приказывает: «Всадите в нее пулю и покончите».

— Еще нет, — бормочет Арнольд, не сводя глаз с моего рта. "Она хорошенькая. Вы когда-нибудь замечали это?"

Голос другого человека становится хриплым. «Это не то, как мы делаем вещи».

«Кто трахается? Она все равно мертвое мясо. Кого волнует, насладимся ли мы кусочком, прежде чем закопаем его?»

Мой желудок вздымается от нового приступа тошноты, и только холодная бочка, застрявшая у меня под подбородком, удерживает меня от того, чтобы выцарапать глаза засранцу, когда он отпускает мое запястье и прижимает толстый грязный большой палец к моим плотно сжатым губам.

— Просто закончи уже эту чертову работу.

Тон пожилого человека стал резче, нетерпеливее, и на мгновение я наполовину боюсь, наполовину надеюсь, что Арнольд подчинится. Но он просто наклоняется и проводит влажным, пахнущим вялым языком по моей щеке, как собака, и, когда из моего горла вырывается невольный крик отвращения, он засовывает большой палец мне в рот, так глубоко, что я задыхаюсь.

— Это мило, сука, — шепчет он, его глаза светятся похотью и диким возбуждением. — Это реально...

Резкий треск разрывает тишину, и он отдергивает руку. Через миллисекунду он стоит надо мной на ногах, поднимая пистолет, и молниеносно вращается, но все же недостаточно быстро.

Вторая пуля швыряет его в дерево позади меня, и когда я карабкаюсь назад на руках и

заднице, я вижу, что пожилой человек уже лежит на земле, рот разинут, череп взорван, а мозги вываливаются наружу, как заплесневелый творог.

52

Николай

Я двигаюсь до того, как стихнет звук моего последнего выстрела, выпрыгивая из-за укрытия деревьев, чтобы сократить расстояние между мной и Хлоей. Ее взгляд отрывается от мертвеца рядом с ней, ее лицо в грязи и крови, ее карие глаза ничего не понимают, когда она пятится назад, рот открывается в безмолвном крике при моем приближении.

— Тсс, все в порядке. Это я." Упав на колени, я прижимаю ее к себе, чувствуя судорожную дрожь ее тела — и своего. Меня трясет от облегчения, ярости и последствий ледящего кровь ужаса, ужасного страха, что мы опоздали.

Мы были почти на заправке, когда Константин снова позвонил мне и сообщил, что его команда совершила почти невозможный подвиг, взломав спутник АНБ, и что он смог точно определить местонахождение машины Хлои и черного пикапа. Это было менее чем в получасе от нее.

Сказать, что мы нарушили все существующие ограничения скорости, было бы преуменьшением. Аркаш все еще восстанавливается после полудюжины раз, когда мы чуть не слетели со скалы. И мы все равно почти не успели. Ужас, который напал на меня, когда я увидел ее машину в смятой горячей куче... Если бы не пустой пикап рядом с ней и звук выстрелов поблизости, я бы с ума сошел.

На самом деле, я действительно растерялся, когда увидел ее на земле с темноволосым убийцей, оседлавшим ее, с искаженным вожделением, нарисованным на его лице.

Ублюдох собирался изнасиловать ее, прежде чем убить.

Это была единственная причина, по которой она еще не умерла.

Мои руки рефлекторно сжимаются вокруг нее, и она издает слабый звук страдания.

Я немедленно отстраняюсь. — Тебе больно, зайчик? Как-то ранена?

Она не отвечает, просто смотрит на меня огромными пустыми глазами, ее зрачки расширились настолько, что радужки кажутся черными. Она в шоке, и неудивительно. Даже обученный солдат будет травмирован.

Аккуратно укладываю ее и начинаю осматривать на наличие повреждений, начиная с ребер и живота. Я с облегчением обнаруживаю на ее теле только царапины и синяки, но когда моя рука касается ее правой руки, она дергается с болезненным криком, ее лицо становится серым. Я отдергиваю руку, мой пульс удваивается при виде красного пятна на моих пальцах, когда она зажмуривает глаза, ее дыхание становится болезненно поверхностным.

Блядь. Она *ранена*.

Удерживая руки, я разрываю ее рукав.

— Выстрел? — спрашивает Павел по-русски, появляясь рядом со мной, и я мрачно киваю, отрывая кусок рубашки, чтобы сделать импровизированную повязку.

«Похоже, все прошло чисто, но она теряет много крови».

— Он тоже, — говорит Павел, и я отрываю взгляд от Хлои, чтобы посмотреть на нападавшего. Он сидит, прислонившись к стволу дерева, в нескольких футах от него, Кирилов давит на его рану в груди, а Аркаш охраняет их.

«Я не думаю, что он продержится достаточно долго, чтобы вернуть его на

территорию», — говорит Павел, когда я быстро заканчиваю завязывать повязку и возобновляю осмотр Хлои. Ее цвет немного улучшился, но глаза все еще закрыты, а дыхание слишком поверхностное, на мой вкус. — Если вы хотите допросить его, то сделайте это сейчас.

Блядь. Я намеренно пытался ранить ублюдка только для того, чтобы мы могли его допросить. Если он умрет, уменьшится и наш шанс получить ответы.

Я быстро заканчиваю похлопывать Хлою и вскакиваю на ноги. Как бы я ни хотел немедленно показать свою зайчику врачу, ее травмы не опасны для жизни, но незнание того, кто ее враги, может быть.

Эти люди профессионалы, а это значит, что кто-то их нанял, кто-то влиятельный, и мне нужно знать, кто это.

«Присмотри за ней», — говорю я Павлу и подхожу к нашей пленнице.

Он прерывисто дышит, его лицо совершенно бледное, а вся передняя часть тела пропитана кровью.

Павел прав. У него осталось не так много времени. Я хотел выстрелить ему в плечо, но он слишком быстро развернулся, предупрежденный о моём присутствии пульей, которую я должен был прострелить череп его коллеги. Поскольку Павел и остальная часть команды не могли угнаться за моим подпитываемым ужасом спринтом, у меня не было другого выбора, кроме как быстро убить обоих убийц, прежде чем они успели что-нибудь сделать с Хлоей.

Оглядываясь назад, я должен был ранить их обоих.

Когда я приседаю перед умирающим, его веки поднимаются, открывая злоешие темные глаза.

«Кто вы, черт возьми, люди?» — хрипит он только для того, чтобы закрыть глаза, измученный усилием.

— Не беспокойся об этом. Несмотря на вулканическую ярость, кипящую в моих венах, мой голос смертельно спокоен, сдержан. «Кто вас нанял? Почему ты преследуешь ее?»

Его верхняя губа кривится в ухмылке. «Иди на хуй».

— Ты умираешь, ты знаешь. Я могу позволить тебе исчезнуть с миром или, — я достаю складной нож и открываю его, — могу разорвать тебя на куски и заставить почувствовать каждый кусочек.

Его глаза тяжело открываются. «Отвали».

Я бросаю взгляд через плечо. Хлоя лежит совершенно неподвижно, ее глаза закрыты. Надеюсь, она потеряла сознание или, по крайней мере, находится в таком глубоком шоке, что не заметит следующей части.

В любом случае, выбора нет.

Мне нужно получить ответы, быстро.

Я ловлю взгляд Аркаша. "Сделай это."

Охранник достает шприц и вонзает в шею умирающего убийцу запатентованный препарат нашего фармацевтического подразделения, за который российские военные платят миллионы.

Мужчина поначалу почти не реагирует, только шлепает ослабевшей рукой по месту укола. Однако мгновение спустя его глаза широко распахиваются, и он садится прямо, его дыхание учащается, а румянец заливает его бледные щеки.

«Эпинефрин, смешанный с несколькими другими забавными веществами», — жестоко говорю я ему. — Это не даст тебе заснуть до того момента, как ты захрипнешь. Что будет

либо через несколько нейтральных, либо через несколько ужасных минут. Твой выбор."

Он тяжело дышит, по лицу течет пот. — Кто ты, *черт возьми* ?

«Если ты не начнешь говорить, человек, который превратит твои последние минуты в ад». Я киваю Аркашу и Кирилову, и они хватают мужчину за руки, легко поднимая их над головой, несмотря на его усилия.

— Последний шанс, — подсказываю я, но ублюдок просто смотрит на меня.

Я мрачно улыбаюсь. Я надеялся, что он окажется трудным. Как бы я ни предпочитал вести себя хорошо, это единственный раз, когда я с нетерпением жду возможности применить навыки, которым научил меня Павел.

Со скоростью удара гремучей я вонзаю нож в почку мужчины и поворачиваю лезвие.

Крик, вырывающийся из его горла, едва ли можно назвать человеческим. Наркотик не только держит его в сознании, он усиливает все ощущения, тысячекратно усиливая боль.

Прежде чем он успевает прийти в себя, я выдергиваю лезвие и дважды разрезаю ему живот, разрезая кожу, жир и мышцы в виде большого креста.

Его глаза вылезают из орбит, еще один нечеловеческий крик разрывает его горло, когда я отодвигаю треугольные лоскуты плоти, обнажая его внутренности.

«Вы когда-нибудь задумывались, каково это, когда вам вырезают кишечник без анестезии?» — спрашиваю я в разговоре. "Нет? Потому что ты собираешься это узнать. Вообще-то, подождите — я думаю, это может убить вас слишком быстро. Мы начнем ниже». Еще одним быстрым движением я разрезаю пах на его джинсах, обнажая его вялый член и яйца.

"Жди!" Его глаза безумны, когда мой клинок снова опускается. — Я... я скажу тебе.

Я останавливаюсь в дюйме от его сморщенного члена. "Вперед, продолжать."

— Я не знаю почему, ясно? Он никогда не говорил нам. Он кашляет, срыгивая кровь. — Просто сказал, что мы должны их убрать.

"Их?"

«Женщина и... девушка».

Бля . — Ты должен был убить их обоих в тот день?

"Ага." Его лицо бледнеет с каждым мгновением. «Только девушка опоздала. А потом каким-то образом она увидела нас и... — Он снова слабо кашляет, и я знаю, что лекарство проигрывает битву с его умирающим телом.

"Кто это был?" — срочно требую я, когда его веки опускаются. — Кто вас нанял? Я прижимаю острие ножа к его яйцам. — Назови мне чертово имя!

Его глаза затуманенно открываются, и он хрипит три слога — имя, от которого я чуть не выронил нож. Мой ошеломленный взгляд встречается с глазами Аркаша и Кирилова; на их лицах написано то же недоверие с отвисшими челюстями.

— Ты только что сказал... — начинаю я, снова обращая внимание на убийцу, но в отчаянии замолкаю.

Его глаза пусты, грудь неподвижна, а голова без костей свисает набок.

Закончилось. Ублюдок ушел.

Я вскакиваю на ноги, мой разум яростно перебирает то, что я знаю.

У человека, которого он назвал, определенно есть ресурсы для этого, но какова мотивация? Связь? Как вообще его пути и пути Хлои пересеклись?

Если только... они этого не сделали.

Хлоя была не единственным человеком в его расстрельном списке; ее мать тоже была

на нем.

И тут, как лавина, меня обрушивает.

Калифорния. Молодая мать, еще несовершеннолетняя на момент рождения Хлои. Отец, которого она никогда не знала. Полная стипендия, возникшая из ниоткуда.

Другой мужчина, у которого нормальная, любящая семья, никогда не сделал бы такой извращенный, такой мрачный вывод. Но я Молотов, и я знаю, что общая кровь не гарантирует ни верности, ни безопасности.

Я знаю, что любовь может быть более жестокой, чем ненависть.

Сердце тяжело стучит, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Хлою.

Если я не ошибаюсь, само ее существование — это скандал, заканчивающий карьеру, а еще один так называемый отец заслуживает моего ножа.

53

Хлоя

Я в аду. Либо так, либо в ловушке кошмара. Моя рука горит, внутренности переворачиваются, и каждый раз, когда темный туман в моем сознании рассеивается и я приоткрываю веки, я вижу, как Николай делает что-то еще более ужасное, когда его низкий, ровный голос произносит угрозы, от которых у меня сжимается желчь. горло. И последующие крики... Мой желудок сжимается, и все, что я могу сделать, это не перевернуться и не вырвать.

Это не реально.

Этого не может быть.

Темная дымка угрожает снова затопить меня, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы делать короткие, неглубокие вдохи и держать глаза закрытыми. Это должен быть сон, ужасный, образный сон или галлюцинация, вызванная крайним ужасом. Как еще Николай мог быть здесь? Как бы он меня нашел?

Опять же, как поступили убийцы моей мамы?

Мое сознание должно снова отключиться, потому что, когда я открываю глаза в следующий раз, я сижу на заднем сиденье движущегося внедорожника, удобно устроившись на коленях мужчины. Колени Николая — я узнаю этот запах кедра и бергамота где угодно. Его сильные руки обнимают меня, крепко обнимая, и мой пульс подскакивает от радостного облегчения, когда я понимаю, что это не сон.

Николай здесь.

Он пришел за мной.

Я должна издать какой-нибудь звук, потому что он отстраняется, его глаза яростно золотятся на напряженном лице. — Почти готово, — обещает он более грубым голосом, чем я когда-либо слышал. — Доктор уже ждет.

Пока он говорит, я ощущаю пульсирующую боль в правой руке и общее чувство головокружения и крайней слабости, а также ощущение, что меня всего избили дубинкой. Последнее должно быть из-за того, что он выпрыгнул из машины, а также из-за того, что молодой убийца сбил его с ног. Мое сердцебиение учащается втрое, когда я вспоминаю его лицо надо мной, искривленный голод в его плоских темных глазах.

Как я попала оттуда сюда?

Как это Николай...

Внезапно мой разум проясняется, и нахлынули воспоминания, одно более

тошнотворное, чем другое. Пожилой мужчина с оторванным черепом... Николай прыгает ко мне, держа пистолет как продолжение руки... Его допрос человека, который планировал меня изнасиловать; угрозы Николая и то, как жестоко, умело он орудовал выкидным ножом... И крики, эти грубые, леденящие кровь крики...

Меня начинает трясти, когда мой взгляд скользит по машине, замечая Павла с каменным лицом рядом с нами и двух мужчин опасного вида впереди. Я никогда их раньше не видела, но, должно быть, это охранники комплекса. Мои глаза снова возвращаются к лицу Николая, к этому идеально вылепленному лицу, которое может выглядеть то диким, то нежным, и я замечаю красновато-коричневую полосу над одной высокой скулой.

Кровь. Засохшая кровь.

Моя дрожь усиливается. Неверно истолковав причину, Николай гладит меня по челюсти, его яростное выражение смягчается. — Все в порядке, зайчик, ты в безопасности. Они не могут навредить тебе».

Но *он* может. Я болезненно, остро осознаю, что нахожусь во власти этого прекрасного, ужасающего мужчины. То, что он держит его на коленях, только подчеркивает разницу в размерах и силе между нами; его большое, мощное тело полностью окружает меня, мускулистая полоса его руки на моей спине так же неотвратима, как любая железная цепь. Не то чтобы мне удалось сбежать в любом случае — не с его людьми здесь, не в то время, когда внедорожник мчится на полной скорости.

Мне лучше не знать, но я не могу сдержать вопрос. — Это был ты, не так ли? Мой голос превращается в напряженный шепот. — Ты выстрелил ему в голову.

Словно пелена падает на лицо Николая, исчезают все намеки на выражение. "У меня не было другого выбора. Если бы я только ранил его, он мог бы убить тебя, пока я разбирался с его напарником. Когда их было двое, мне пришлось устранить одного, причем быстро.

— А другой мужчина... — я сглатываю приступ тошноты при воспоминании о криках. "Он...?"

— Умер от ран, да. В голосе Николая нет угрызений совести, в его спокойном взгляде нет и следа вины, а в моих венах застывает лед, когда я понимаю, что он делал это раньше.

Он убивал и пытал других.

Включая, скорее всего, собственного отца.

"Останови машину!" Слова вылетают из моего рта прежде, чем я успеваю осмыслить их мудрость. Не обращая внимания на головокружительную вспышку боли в руке, я просовываю руки между нами и упираюсь ему в грудь, которая почему-то кажется стальной. В отчаянии я прибегаю к попрошайничеству. — Пожалуйста, Николай, выпусти меня. Мне нужно... Мне нужна минутка.

Он не шелохнется, как и никто из его людей, когда он тихо говорит: — Мы почти дома, зайчик. Всего на несколько минут дольше».

Дом? Мой панический взгляд прыгает к окну, и страх сжимает мою грудь, когда я узнаю дорогу, ведущую к комплексу, по крутым изгибам которой я шла только этим утром, когда я бежала от человека, который держал меня... человека, которого я на самом деле боялась и поверьте, был убийцей.

"Не волнуйся. Ко мне приехал доктор и его команда, — говорит Николай, отвечая на вопрос, который только начал формироваться у меня в голове. «Они принесли все необходимое для лечения».

Я смотрю на его безжалостное выражение, мой страх растет с каждой секундой. «Я бы

предпочла больницу. Пожалуйста, Николай... просто отвези меня в больницу».

«Я не могу». Его точеные черты лица вполне могли быть сделаны из гранита. "Это небезопасно."

"Безопасно? Но.."

«Эти двое были просто наемниками. Там, откуда они пришли, их гораздо больше.

У меня пересыхает в горле. В панике я почти забыла о тайне мотивов убийц. — Это он тебе сказал? Человек, которого вы... допрашивали? В конце концов, верна ли моя теория? Моя мама была свидетельницей чего-то, чего ей не следовало видеть?

«Да, и Хлоя...» Он обхватывает мою щеку своей большой теплой ладонью, этот нежный жест скрывает суровые черты его лица. — Они были там, чтобы убить вас обоих.

"Что?" Я отдергиваюсь. — Нет, это невозможно...

— Это то, что сказал убийца. Если бы ты не опоздала домой... — Он опускает руку, мускул на его челюсти сильно напрягается.

«Но это не...» Я останавливаюсь, когда фрагменты разговора, который я подслушала в тот день, всплывают в моей голове.

Должна быть здесь ... Может, есть пробки ...

Я слышала, как это говорили убийцы, но почему-то не сложила два и два, не поняла, что они говорят обо мне, ждут меня.

"Я не понимаю." Меня снова трясет, дрожит от озноба, который не имеет ничего общего с кондиционером в машине. «Зачем кому-то желать моей смерти? Я ничего не сделал, я никого не знаю, я просто — только я.

Выражение лица Николая меняется, в его взгляде появляется странная жалость. — Нет, зайчик, я так не думаю.

"Что?" Я снова толкаюсь в его странно твердую грудь — и почти теряю сознание от нового взрыва боли в руке. Его лицо плавает перед моими глазами, и я все еще борюсь, чтобы не потерять сознание, когда до меня доходит поразительное осознание.

Эта твердость — пуленепробиваемый жилет.

Однако в следующий момент я забываю обо всем этом, потому что Николай спрашивает: «Имя *Том Брэнсфорд* тебе что-нибудь говорит?»

Сначала слоги не имеют смысла. — Ты имеешь в виду... кандидата в президенты? Как только вопрос слетает с моих губ, я понимаю, насколько это абсурдно. Он не может говорить о сенаторе от Калифорнии, о котором сейчас говорят во всех новостях, о том, кого сравнивают с Кеннеди. Должно быть, я ослышалась или...

«Вот он». Его глаза блестят, как старинное золото. — Если только не появится еще один Том Брэнсфорд, у которого есть ресурсы, чтобы нанять профессиональных убийц, стереть записи с камер наблюдения и изменить полицейские записи.

«Полицейские записи? Что?»

— Я просмотрел все файлы, относящиеся к твоему делу, — мягко говорит он, — и ничего нет ни о мужчинах в масках в квартире твоей мамы, ни о черном пикапе, который чуть не сбил тебя. На самом деле, согласно официальному протоколу, вашу мать обнаружил сосед; ты даже не появился, чтобы опознать тело.

"Это не правда! Я пошла на станцию и..."

"Я знаю." Его взгляд темнеет. «И это еще не все. Твои электронные письма журналистам так и не дошли до места назначения. Кто-то с очень специфическим набором навыков позаботился о том, чтобы их заблокировали или пометили как спам, а также

избавился от любых доказательств вашей истории, таких как записи дорожных камер и записи с камер наблюдения, которые показали бы, что на тебя напали. ”

Я чувствую, что подо мной открывается провал. — Откуда ты все это знаешь? Мой голос дрожит, мысли кружатся, как ветки в торнадо. Я не знаю, что думать, чему верить, и пульсирующая боль в руке не помогает. "Как ты.."

«Потому что у меня тоже есть ресурсы. В том числе и то, чего нет у Брансфорда.

Конечно. Вот почему он так быстро нашел меня сегодня — и поэтому я полностью облажалась, если он намеревается причинить мне вред. Мое сердце болезненно колотится, холодный пот пропитывает мою рубашку, когда меня накрывает новая волна головокружения, заставляющая черные точки плясать в уголках моего зрения. Потеря крови, я смутно осознаю; это должно быть причиной этого. В отчаянии я втягиваю воздух, но это помогает лишь немного, и мой голос звучит так, как будто он доносится издалека, когда я дрожащим голосом спрашиваю: «Почему ты пришел за мной сегодня? Почему... — я делаю еще один вдох. — Зачем ты меня возвращаешь?»

Его глаза возвращаются к своему яркому дикому тигровому оттенку.

— А почему бы и нет?

Потому что я бежала, думаю я одурманенно . Потому что ты, скорее всего, психопат, неспособный на настоящие чувства. Потому что все это, особенно ты и я, не имеет никакого смысла.

В конце концов я привожу единственную причину, которую могу, ту, которая давит на меня больше всего. — Потому что, если ты прав насчет Брансфорда, ты и твоя семья в еще большей опасности. Мой голос дрожит, когда на меня обрушивается очередная волна головокружения. Тем не менее, я выдерживаю. — Ты должен отпустить меня. В настоящее время. Пока не поздно."

Темный изгиб касается его чувственных губ, в его взгляде вспыхивает искорка веселья, когда он нежно касается моей щеки.

— Не знаю, поняла ли ты это, зайчик, — мягко говорит он, — но я и моя семья не чужды опасности. На самом деле, мы хорошо знакомы с ним».

Затем он целует меня, сначала мягко, затем все настойчивее, и, несмотря ни на что, внутри меня вспыхивает знакомый жар. Он углубляет поцелуй, его язык соединяется с моим в первобытном танце, который не принимает во внимание отсутствие у нас личной жизни, и моя голова кружится, мое головокружение усиливается, пока он не становится единственным прочным якорем в моем мире. Ошеломленный, я цепляюсь за него, вцепившись горстями в его рубашку, и, когда мои мысли растворяются под темным притяжением желания, не имеет значения, что я видела, как он сегодня забрал две жизни, что он может быть самым определением монстр.

Ничто не имеет значения, кроме нас двоих, и к тому времени, как он позволяет мне выйти перевести дух, мы уже миновали ворота, вернувшись в его владения.

— Не волнуйся, зайчик, — бормочет он, поглаживая большим пальцем мою нижнюю губу, а дрожь сотрясает мое израненное тело. — Мы докопаемся до сути, я обещаю. Я оберегу тебя. И в его глазах я читаю невысказанное:

Даже если ты возражаешь.

Вы жаждете более темной, напряженной романтики? Посмотрите мой бестселлер

«[Мучитель-Мина](#)» — захватывающую историю русского убийцы, жаждущего мести, и женщины, которой он становится одержим.

Вам нравятся веселые романтические комедии? Мой муж и я пишем в соавторстве похабные, гиковские ромкомы под псевдонимом Миша Белл. Возьмите копию нашего дебютного романа «[Жесткий код](#)», чтобы познакомиться с Фанни, причудливым программистом, застрявшим на задаче проверки качества секс-игрушек, и ее загадочным русским боссом, который приходит на помощь.

Вы поклонник городского фэнтези? Посмотрите «[Девушку, которая видит](#)», написанную моим мужем Димой Залес, эпическую историю о сценическом иллюзионисте, которая обнаруживает, что у нее есть очень настоящие силы, и горячем альфа-наставнике, который помогает ей оттачивать свои навыки.

Если вам нравятся аудиокниги, посетите сайт www.annazaires.com, чтобы ознакомиться с этой серией и другими нашими книгами в аудиоформате.

Теперь, пожалуйста, переверните страницу, чтобы прочитать отрывки из *Tormentor Mine* и *Hard Code*.

Отрывок из «Мого мучителя» Анны Зайрес

Он пришел ко мне ночью, жестокий, мрачно-красивый незнакомец из самых опасных уголков России. Он мучил и уничтожал меня, разрывая мой мир на части в своем стремлении отомстить.

Теперь он вернулся, но ему больше не нужны мои секреты.

Мужчина, который играет главную роль в моих кошмарах, хочет меня.

— Ты собираешься убить меня?

Она пытается — и безуспешно — говорить ровным голосом. Тем не менее, я восхищаюсь ее попыткой самообладания. Я подошел к ней на публике, чтобы она почувствовала себя в большей безопасности, но она слишком умна, чтобы попасться на это. Если они рассказали ей что-нибудь о моем прошлом, она должна понять, что я могу свернуть ей шею быстрее, чем она успеет позвать на помощь.

— Нет, — отвечаю я, наклоняясь ближе, когда начинает звучать более громкая песня. — Я не собираюсь тебя убивать.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

Она трясется у меня в руках, и что-то в этом одновременно интригует и беспокоит меня. Я не хочу, чтобы она боялась меня, но в то же время мне нравится, когда она находится в моей власти. Ее страх взывает к хищнику внутри меня, превращая мою страсть к ней во что-то более темное.

Она захватила добычу, мягкую и сладкую, и моя, чтобы пожрать.

Наклонив голову, я зарываюсь носом в ее ароматные волосы и шепчу ей на ухо: «Встретимся завтра в полдень в «Старбаксе» возле твоего дома, там и поговорим. Я скажу тебе все, что ты хочешь знать».

Я отстраняюсь, и она смотрит на меня огромными глазами на бледном лице. Я знаю, о

чем она думает, поэтому снова наклоняюсь, опуская голову так, чтобы мой рот оказался рядом с ее ухом.

— Если ты свяжешься с ФБР, они попытаются скрыть тебя от меня. Так же, как они пытались спрятать вашего мужа и других в моем списке. Вас вырвут с корнем, отнимут у родителей и у карьеры, и все будет напрасно. Я найду тебя, Сара, куда бы ты ни пошла... что бы они ни делали, чтобы скрыть тебя от меня. Мои губы касаются края ее уха, и я чувствую, как у нее перехватывает дыхание. «В качестве альтернативы они могут захотеть использовать вас в качестве приманки. Если это так — если они устроили мне ловушку — я узнаю, и наша следующая встреча будет не за чашкой кофе.

Она вздрагивает, и я делаю глубокий вдох, в последний раз вдыхая ее нежный аромат, прежде чем отпустить ее.

Отступив назад, я растворяюсь в толпе и пишу Антону, чтобы он занял позиции.

Я должен убедиться, что она вернется домой в целостности и сохранности, и никто, кроме меня, не побеспокоит ее.

Закажите свою копию [Tormentor Mine](#) сегодня!

Отрывок из Hard Code Миши Белл

Мое новое задание на работе: тестировать игрушки. Ага, такого рода.

Ну, технически, это тестирование приложения, которое дистанционно управляет игрушками.

Одна проблема? Танцовщица, которая должна тестировать оборудование (то есть настоящие игрушки), поступает в женский монастырь.

Другая проблема? Этот проект важен для моего русского босса, задумчивого, аппетитно-сексуального Влада, также известного как Цепеш.

Выход только один: протестировать и ПО, и железо самому... с его помощью.

ПРИМЕЧАНИЕ. Это отдельная непристойная романтическая комедия о причудливо занудной героине, ее горячем загадочном русском боссе и двух морских свинках, которые могут быть влюблены друг в друга, а могут и не быть. Если что-то из вышеперечисленного вам не по душе, бегите далеко-далеко. В противном случае, пристегнитесь для веселой и приятной поездки.

"Мне?" Раскрыв глаза, он отступает.

Теперь я занят, поэтому я мчусь вперед. "Это имеет смысл. Я полагаю, вы уверены, что не бросите меня в Гавань. Конфиденциальность проекта не нарушена. И, ну, — я ужасно краснею, — у вас есть подходящие части для этого.

Невольно мой взгляд падает на упомянутые части, затем я быстро поднимаю глаза.

Двери лифта открываются.

«Давай продолжим это в машине», — говорит он, выражение его лица становится непроницаемым.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Он ненавидит эту идею? Ненавидишь меня даже за то, что я предложил это? Ох, как неловко будет, если он скажет нет?

Меня вот-вот уволят за то, что я наткнулся на начальника моего босса?

Мы снова садимся в лимузин, на этот раз сидя друг напротив друга.

Он поднимает перегородку. «Просто для уточнения: я тестирую мужскую партию, выступая и в качестве дающего, и в качестве получателя, верно? На самом деле я уже протестировал одну из частей на себе после того, как написал приложение, поэтому теоретически я мог бы сделать то же самое с остальными».

Да! Он на самом деле обдумывает это. Мне хочется прыгать вверх и вниз, даже когда румянец, слегка отступивший на прогулке от лифта, возвращается во всей красе. «Это не было бы хорошим сквозным тестированием, и вы это знаете. Вы написали код; это делает вас предвзятым».

Его ноздри раздуваются. "Тогда как?"

Тут даже ноги краснеют. «Ты просто выступаешь в роли получателя. Я выступаю в роли дающего и записываю данные тестирования. Это правильный способ делать такие вещи».

Его брови поднимаются. «Это расширение определения слова «правильный» за пределы его зоны комфорта».

"Смотри." Я стараюсь имитировать его акцент, как могу. — Если ты хочешь уйти, я понимаю.

Медленная, чувственная улыбка изгибает его губы. «Я не уклоняюсь от вызовов».

Мои трусики действительно могут таять, или это просто поговорка?

Закажите свою копию [Hard Code](#) сегодня!

об авторе

Анна Зайрес — корреспондент *New York Times*, *USA Today* и автор бестселлеров № 1 в мире среди научно-фантастических романов и современных мрачных эротических романов. Она полюбила книги в пять лет, когда бабушка научила ее читать. С тех пор она всегда частично жила в мире фантазий, где единственными ограничениями были пределы ее воображения. В настоящее время проживая во Флориде, Анна счастлива в браке с Димой Залесом (автором научной фантастики и фэнтези) и тесно сотрудничает с ним во всех своих работах.

Чтобы узнать больше, посетите сайт annazaires.com.